

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 12

~~АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР~~
~~ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ~~

ИСТОРИЯ
МАТЕРИАЛЬНОЙ
КУЛЬТУРЫ
УЗБЕКИСТАНА

ВЫПУСК 12

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ФАН» УЗБЕКСКОЙ ССР
ТАШКЕНТ 1975

Сборник включает научные статьи, посвященные различным периодам истории культуры Узбекистана. На материале археологических раскопок и экспериментов раскрываются вопросы исторического прошлого Узбекистана. Книга содержит обобщения по проблемам изучения каменного века, методам классификации массового инвентаря и вопросам типологии археологических культур. Излагаются результаты исследований археологами и химиками химического состава древних бронз. Рассматриваются вопросы денежного обращения в Средней Азии в XI—XII вв.

Книга рассчитана на археологов, историков, этнографов, преподавателей вузов и всех интересующихся историей республики.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук
А. АСКАРОВ

И $\frac{10602-401}{355(06)-75} 89-75$

Издательство «Фан» Узбекской ССР, 1975 г.

ОТ РЕДАКТОРА

Характерной чертой современных археологических исследований является сочетание широких археологических разведок с углубленными стационарными раскопками ряда разновременных памятников материальной культуры, благодаря чему в распоряжение археологов поступает обширный поток информации, оперативная публикация которой диктуется непрерывным развитием археологических знаний.

К числу таких источников информации может быть отнесен и настоящий сборник, содержащий материалы по ряду аспектов изучения прошлого народов Средней Азии.

Значительная часть статей сборника посвящена классификации и исторической интерпретации археологического материала различных разновременных памятников. Это работы Н. Х. Ташкенбаева «Об исследовании палеолитической стоянки Кутурбулак», Т. Мирсаатова «О технике изготовления и функциональном назначении костяных и роговых орудий Учтута», Б. Уракова «Керамические комплексы позднеантичных памятников Кызылкыр 1 и Сеталак I», О. М. Ростовцева «Изучение сельских поселений Самаркандского Согда», З. Усмановой и С. Кабанова «К стратиграфии верхних (VIII—XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища».

В археологии Узбекистана эпоха среднекаменного века (мезолит) до недавнего времени представляла собой незаполненную лауну. Благодаря открытиям последних лет в ряде областей республики и изучению памятников эпохи мезолита стало возможным детальное исследование хозяйства и быта населения этого времени, что позволяет выделить локальные варианты мезолитической культуры на территории Узбекистана. Этому вопросу посвящена статья У. Исламова «К выделению локальных вариантов мезолита Узбекистана».

Систематическое изучение наскальных изображений Средней Азии и Казахстана времени поздней бронзы и раннего железа позволило выявить на основании стилистического анализа определенные различия этого рода памятников по ряду районов Средней Азии и Казахстана. Так, например, если наскальные рисунки бронзового века Сармича характеризуются господством силуэтно-ажурного мотива, то для изображений Саймалыташа характерна силуэтно-

геометрическая манера исполнения. Довольно четкие локальные различия прослеживаются в наскальных памятниках сакского времени. Все эти вопросы рассматриваются в статье Д. Кабирова «К вопросу о локальных различиях наскальных изображений Средней Азии и Казахстана». Конечно, вопросы, охваченные в статье, не поданы в окончательном решении, так как работа является лишь первой попыткой выявления локальных различий изображений для конкретных территориальных областей.

В связи с интенсивным накоплением материалов по памятникам древнекаменного века уже вырабатываются методика классификации массового кремневого инвентаря и типология археологических культур. В этом отношении весьма важно включение в сборник статей московских коллег «О методах классификации массового инвентаря памятников каменного века (верхний палеолит — энеолит)» (Г. Н. Матюшин) и «Памятники каменного века в Западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите» (Г. Е. Марков).

Изучение исторической топографии средневековых городов, особенно истории их сложения, на примерах исследования конкретных объектов приобрело особую важность теперь, когда настало время составления историко-археологических очерков по целому ряду культурно-исторических регионов Узбекистана. В связи с этим на первый план выдвигается комплексное изучение истории ирригационного освоения пустыющих зон некогда процветавших оазисов. На подобном подходе к исследованию построены статья К. Абдуллаева «Археологическое изучение городища Канка (1969—1972)» и работа А. Р. Мухамеджанова «О землях древнего орошения Бухары».

В сборник включены статьи, посвященные результатам химического анализа металлических предметов из поселения бронзового века Сапаллитепа (А. Аскарлов и др.), зооморфным мотивам на глазурованной керамике Бинкета (Л. Г. Брусенко) и разбору монетных находок отдельных историко-культурных областей средневековой Средней Азии (Б. Д. Кочнев).

Химический анализ большого набора металлических предметов из Сапаллитепа позволил по основным компонентам сплавов подразделить предметы на три группы, из которых мышьяковистая бронза со свинцом и оловянно-мышьяковистая бронза со свинцом являются одними из ранних сплавов в Узбекистане.

Детальный анализ зооморфных изображений на керамике Бинкета и их широкие сопоставления с материалами ряда областей Средней Азии позволили автору статьи «Зооморфные мотивы в глазурованной керамике Бинкета X—XII вв.» проследить наиболее излюбленные зооморфные сюжеты и индивидуальные особенности художественных приемов каждого конкретного ремесленного центра.

Все статьи, включенные в сборник, содержат новые данные и материалы для всестороннего изучения прошлого народов Средней Азии в целом и Узбекистана в частности.

А. Аскарлов.

Н. Х. ТАШКЕНБАЕВ

ОБ ИССЛЕДОВАНИИ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ КУТУРБУЛАК

В результате работ Самаркандского палеолитического отряда Института археологии АН УзССР получен обильный археологический материал, позволяющий определить характерные элементы и особенности палеолитических культур на территории древнего Самарканда и его окрестностей.

Интереснейшие результаты дало предварительное исследование уникального палеолитического памятника — Кутурбулакской мустьерской стоянки, находящейся у северного подножья Зерабулакских гор в 100 км к юго-западу от г. Самарканда на поверхности хорошо сохранившейся речной террасы, расположенной на высоте более 30 м от уровня реки.

Первобытные обитатели Кутурбулака занимались собирательством и охотой на крупных ископаемых животных, существовавших в верхнем плейстоцене¹, и параллельно вели бурную хозяйственную деятельность на берегу древнего родника Кутурбулак.

На стоянке найдены кости ископаемых животных, дающие возможность охарактеризовать фауну Кутурбулакской стоянки. Она представлена преимущественно останками лошадей. Редко встречаются фрагменты костей кулана, тура-быка и бухарского оленя. Особо интересна находка нижней челюсти слона с сохранившимися коренными зубами. Видовой состав костей ископаемых животных Кутурбулакской стоянки определен палеозоологом Б. Батыровым:

<i>Вид животных</i>	<i>Кол-во костей</i>	<i>Кол-во особей</i>
Лошадь	80	4
Тур-бык	20	1
Слон	40	1
Кулан	10	1
Олень бухарский	4	1
Итого	154	8

Для изготовления каменных орудий использовалась кварцитовая и диоритовая галька, а также кремь из выходов, находящихся в 3—5 км к югу от стоянки в зоне палеогеновых известняков.

¹ Н. Х. Ташкенбаев. Исследование новой мустьерской стоянки Кутурбулак, Тезисы доклада к совещанию «Каменный век Средней Азии», Ташкент, 1972, стр. 88.

Следы производственной деятельности первобытного человека на Кутурбулаке ясно прослеживаются по каменному инвентарю, зале-

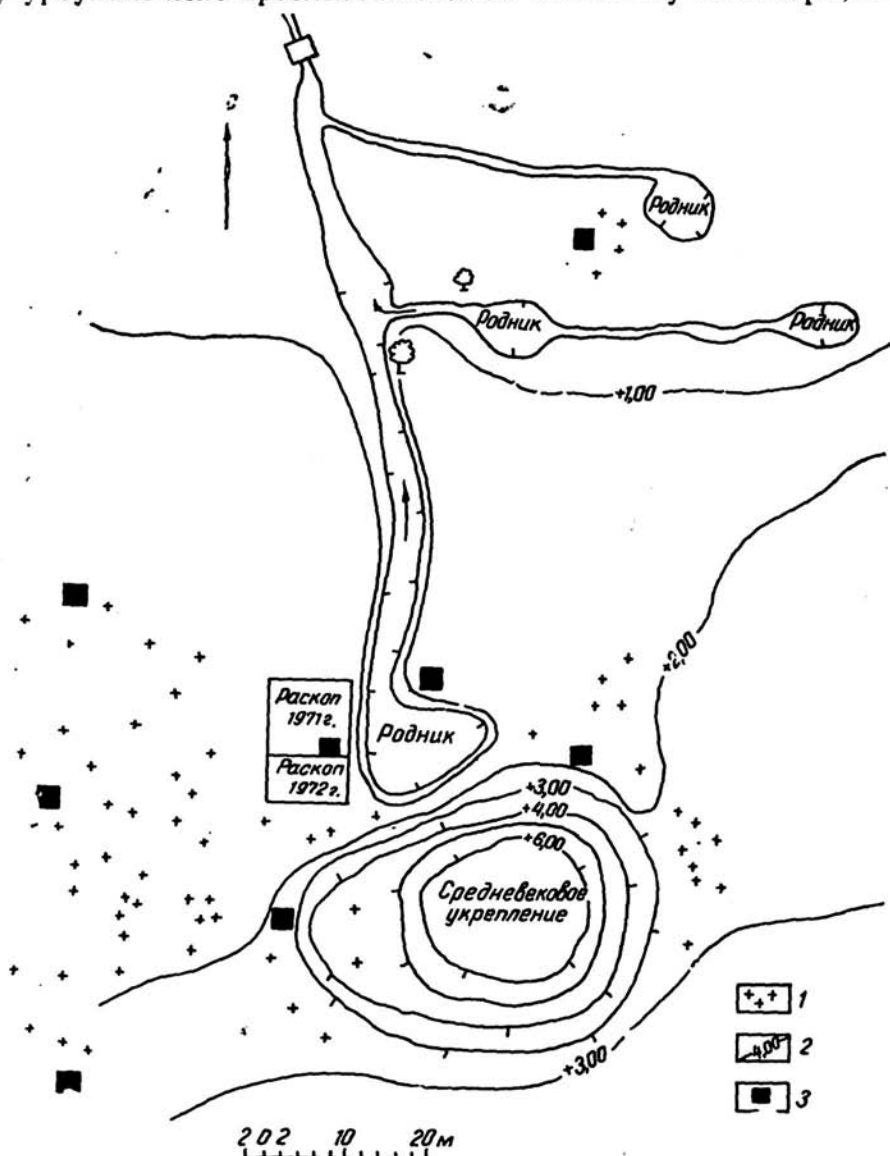

Рис. 1. Кутурбулак. Общий план. Условные обозначения:

1 — места находок каменных изделий; 2 — высотные отметки; 3 — шурфы

гавшему в пяти культурных горизонтах береговых отложений родника мощностью 1,5—2 м.

Вскрытая в 1971—1972 гг., площадь Кутурбулакской стоянки составляет около 200 м² (рис. 1). На всей раскопанной части сто-

янки стратиграфия почти одинакова (рис. 2), однако структура каждого культурного горизонта разная. Наличие очажных пятен и зольных прослоек, зафиксированных во втором и третьем горизон-

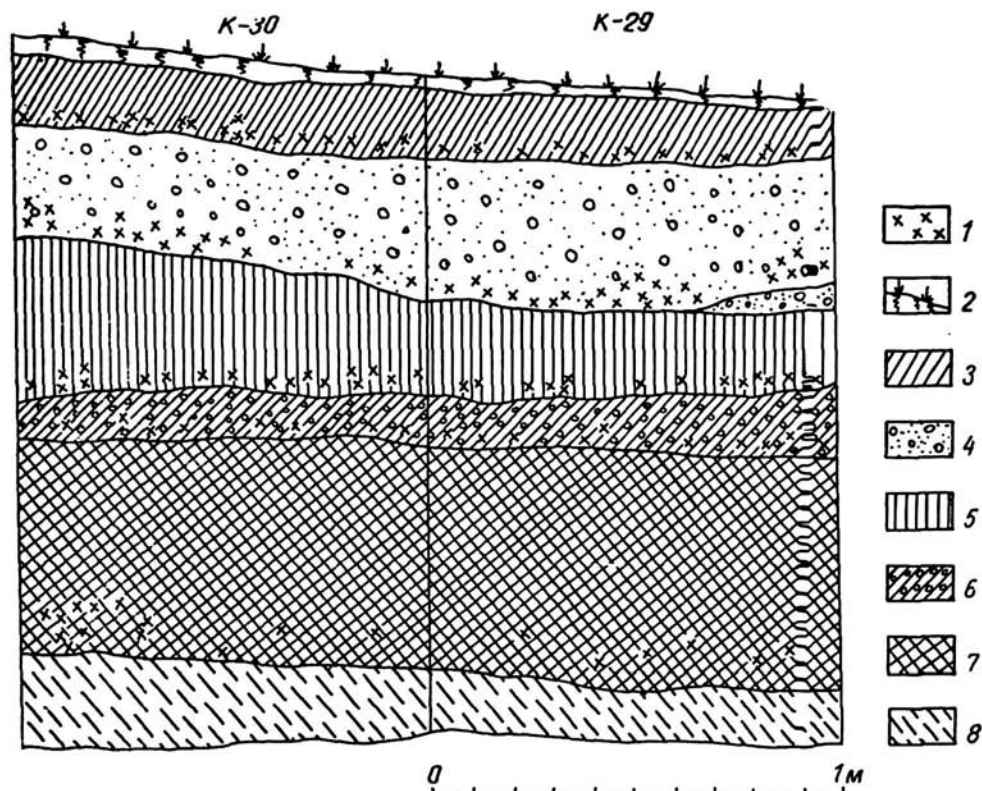

Рис. 2. Кутурбулак. Стратиграфический разрез по линии К-29—30 восточной стены раскопа I. Условные обозначения:

1—каменные изделия; 2—почвенный покров; 3—светло-коричневый суглинок с включением песка (I горизонт с культурными остатками); 4—серовато-бурый суглинок с примесью песка (II горизонт с культурными остатками); 5—темно-бурый суглинок (III горизонт с культурными остатками); 6—зеленовато-желтая глинистая супесь (IV горизонт с глинистыми остатками); 7—темно-зеленая глинистая супесь (V горизонт с культурными остатками); 8—желтая глина с пятнами голубоватого суглинка

тах, указывает на истинный характер культурных отложений Кутурбулакской стоянки.

По определению геолога С. А. Несмеянова, каменные изделия Кутурбулака в основном находятся на уровне позднеаташкентской террасы². Это подтвердилось нивелировкой левого берега Заравшана³, показавшей террасовое местоположение стоянки в позднеаташкентском комплексе O₂ согласно существующей схеме четвертичных

² В. А. Ранов, С. А. Несмеянов. Палеолит и стратиграфия антропогена Средней Азии, Душанбе, 1973, стр. 88—89.

³ Инструментальная нивелировка проведена О. М. Ростовцевым с участием автора.

отложений, что коррелируется с другими мустьерскими памятниками Средней Азии⁴.

За период двухлетних раскопочных работ нами собрано свыше 8 тыс. каменных изделий из кремня, диорита, кремнистого сланца и кварца. На основании изучения коллекции каменных изделий, полученных при раскопках в Кутурбулаке, мы можем дать предварительную археологическую датировку памятника и сравнить локальные особенности инвентаря Кутурбулакской стоянки с особенностями мустьерских памятников Средней Азии, в частности Узбекистана.

Сырье доставлялось на стоянку в желваках и обрабатывалось здесь же. Об этом можно судить по тому, что на Кутурбулакской стоянке найдены не только орудия, но и нуклеусы, пластины и отщепы, бесформенные осколки из кремня, диорита и кварцита.

Сопоставление находок культурных горизонтов Кутурбулакской стоянки показывает, что архаичных по технике обработки юркий количественно больше в нижних слоях, чем в верхних; ранние черты мустьерского каменного инвентаря видны на материалах нижних культурных горизонтов памятника лучше, чем на материалах верхних.

Комплекс каменных орудий стоянки Кутурбулак можно разделить следующие группы: остроконечники—101 экз. (1,6% к общему числу каменных изделий стоянки); скребла с прямыми, выпуклыми, вогнутыми, двойными лезвиями—206 экз. (3,4%); ножевидные орудия—64 экз. (1,2%); выемчатые орудия—688 экз. (11,5%); галечные орудия—50 экз. (0,8%); нуклевидные орудия—378 экз. (6,0%); пластины с ретушью—188 экз. (3,2%); отщепы с ретушью—644 экз. (10,1%); дисковидные нуклеусы—105 экз. (1,8%); одно-, двухплощадочные—29 экз. (0,4%); нуклеусы других типов—150 экз. (2,5%); отщепы без ретуши—1085 экз. (18,1%); пластины без ретуши—103 экз. (1,7%); фрагменты галечных орудий—2,2%; фрагменты орудий, отщепов и пластин с ретушью—15,5%; бесформенные осколки, обломки и чешуйки—20%.

Техника изготовления, типология, функциональное назначение орудий Кутурбулакской стоянки характерны для мустьерской стадии эпохи палеолита. Значительная часть нуклеусов Кутурбулака—дисковидной формы, что также характерно для мустьерских памятников.

Во втором культурном горизонте найден небольшой уплощенный дисковидный нуклеус, обработанный с одной стороны (рис. 3, 1). На тыльной стороне сохранились следы специально подготовленных ударных площадок для отщепления. Лунки соответствуют бугоркам снятых отщепов, сколы направлены радиально от края к центру. Длина нуклеуса 5,8 см, ширина 5 см, толщина 2,5 см.

Два других дисковидных нуклеуса обнаружены в третьем и четвертом культурных горизонтах. Их размеры: 6×6×2,5 см (рис.

⁴ С. Я. Несмеянов, В. А. Ранов. К палеогеографии мустьерских стоянок в горах Средней Азии, сб. «Страны и народы Востока», вып. X, 1972, стр. 6—21.

3, 2) и $10 \times 8 \times 7$ см (рис. 3, 3). Рабочая поверхность этих нуклеусов образована снятиями, направленными от краев к центру. Негативы ударных площадок нуклеусов сохранили следы грубой подправки. Следы снятых отщепов в основном треугольной формы, т. е. формы, характерной для большинства орудий Кутурбулака.

В Средней Азии к стоянкам, где дисковидные формы нуклеусов преобладают над полюсными, можно отнести Тешикташ (Узбекистан)⁵, Кара-Бура (Таджикистан)⁶ и др.

В коллекции Кутурбулака выделяются полюсные—одно- и двух-площадочные нуклеусы, являющиеся наиболее усовершенствованными типами ядрищ, от которых откалывались пластины правильных и удлиненных форм — заготовок для многих орудий исследуемого памятника.

Среди одноплощадочных нуклеусов интересен экземпляр с первого культурного горизонта. Его размеры: высота 5,4 см, длина 4 см, толщина 3,4 см (рис. 3, 5). Данный нуклеус является прототипом верхнепалеолитической призматической техники расщепления. По периметру он почти полностью покрыт продольными гранями и имеет вид цилиндрической призмы, суживающейся книзу.

Двухплощадочных нуклеусов найдено 2 экз. Для одного из них использована плоская галька. Тыльная сторона нуклеуса покрыта валунной коркой. Расщепление пластин производилось в пределах одной плоскости с двух ударных площадок, расположенных на противоположных краях нуклеуса. Размеры артефакта: длина 10 см, ширина 5 см, толщина 3,5 см (рис. 3, 4).

Второй экземпляр двухплощадочного нуклеуса — округлой формы, изготовлен из плитки кремнистой породы (рис. 3, 6), рабочая поверхность уплощена сколами, снявшими продольные пластины, негативы которых лежат перпендикулярно к плоскости отбивной площадки. Размеры нуклеуса $6,5 \times 7,5 \times 8$ см.

Среди среднеазиатских мустьерских памятников одно- и двух-площадочные нуклеусы найдены в большом количестве в Ходжикенте⁷, Обирахмате⁸, Кайрак-Кумах⁹, Джаркутане¹⁰.

На стоянке найдено огромное количество отщепов, снятых как с дисковидных нуклеусов, так и с полюсных ядрищ; много первичных отщепов, спинки которых частично или полностью покрыты валунной коркой (рис. 4, 1).

⁵ А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца, сб. «Тешик-Таш», М., 1949.

⁶ В. А. Р а н о в. Каменный век Таджикистана, вып. I, «Палеолит», Душанбе, 1965, стр. 50—80.

⁷ А. П. Окладников. Ходжикентская пещера — новый мустьерский памятник Узбекистана, КСИА, вып. 82, 1961.

⁸ Р. Х. Сулейманов. Статистическое изучение культуры Оби-Рахмат, Ташкент, 1972.

⁹ А. П. Окладников. Каменный век Таджикистана. Итоги и проблемы, сб. «Материалы второго совещания археологов и этнографов Средней Азии», М.—Л., стр. 158—165.

¹⁰ В. А. Р а н о в. Каменный век Таджикистана, стр. 40—45.

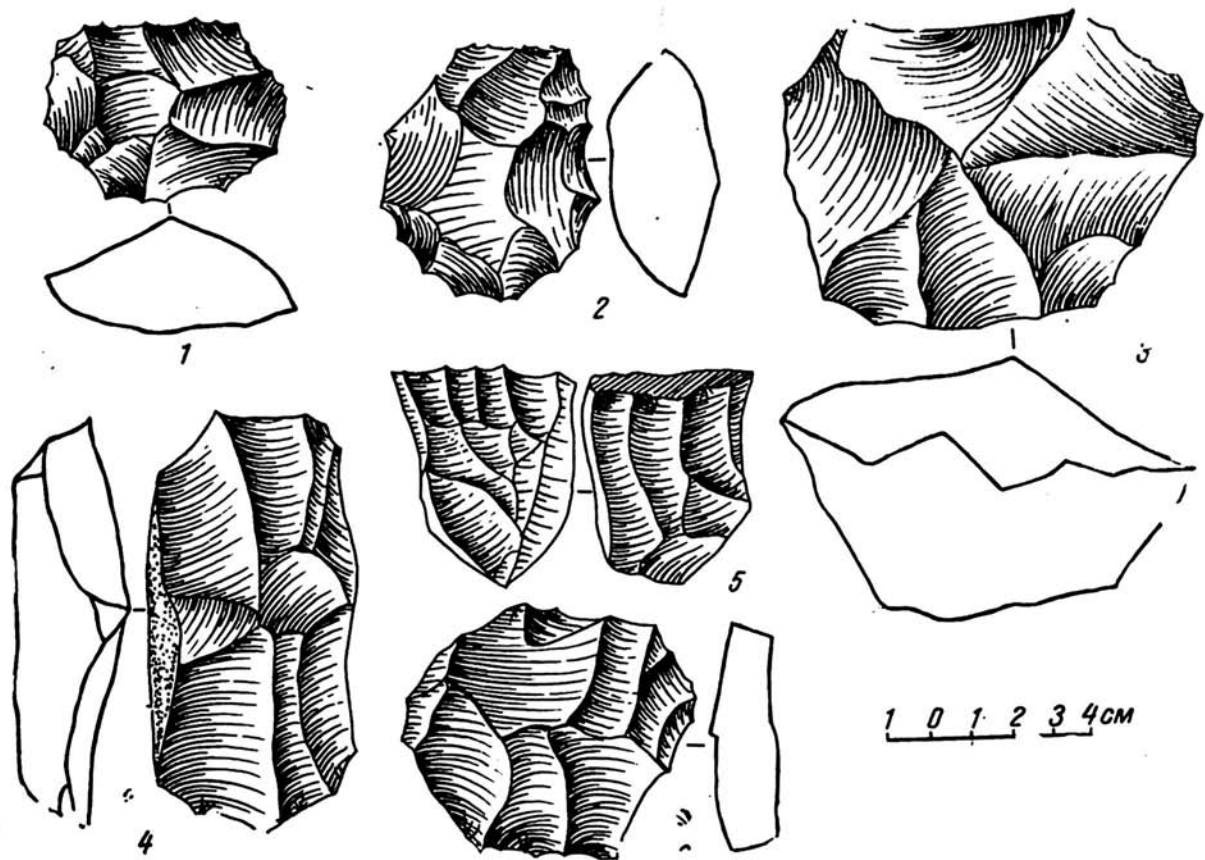

Рис. 3. Нуклеусы:

1-3—дисковидные; 5—одноплощадочный; 4, 6—двухплощадочные

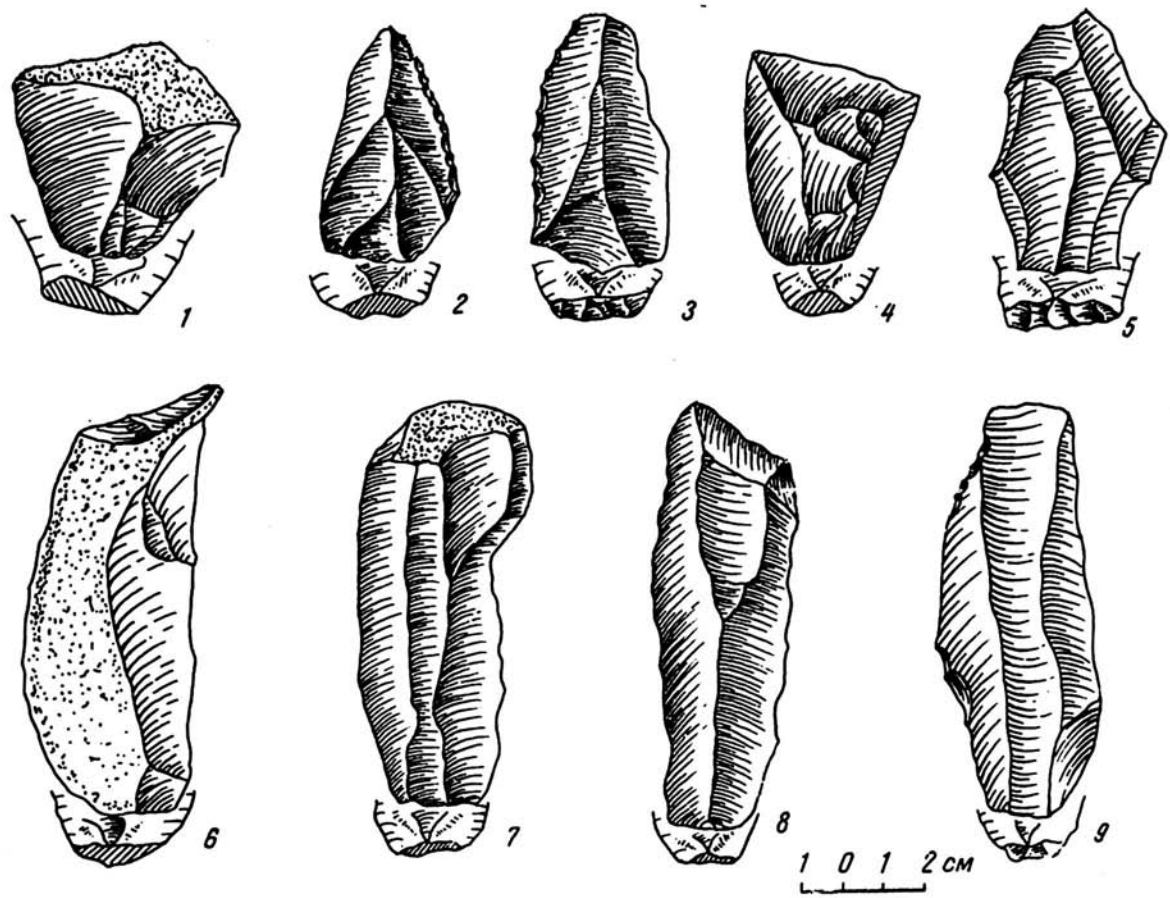

Рис. 4. Заготовки орудий: 1—5—отщепы; 6—9—пластины

В коллекции памятника имеются правильные по конфигурации треугольные отщепы, снятые со специально подготовленных одноплощадочных нуклеусов, которые исследователи палеолита относят к категории леваллуазских отщепов (рис. 4, 2, 3)¹¹. Встречены так называемые псевдолеваллуазские отщепы (рис. 4, 4) и широкие отщепы с сохранившимися на спинке двумя и более параллельными фасетками сколов, полученных при обработке нуклеуса до отщепления (рис. 4, 5).

Помимо отщепов в Кутурбулаке найдены хорошо выраженные пластины, «длина которых превосходит их максимальную ширину в два раза»¹². На спинке пластин имеются параллельные грани, свидетельствующие о систематическом скалывании одной пластины за другой с полюсных нуклеусов.

Во всех культурных горизонтах Кутурбулака собраны первичные пластины, размеры которых варьируют от 9,5×4×0,8 см до 10,5×4,5×5 см (рис. 4, 6, 7)

Большинство пластин Кутурбулакской стоянки имеет правильную форму и огранку (рис. 4, 8, 9). Наличие подобных удлиненных пластин является признаком зарождения верхнепалеолитической техники в мустьерскую эпоху, а также одной из локальных особенностей среднеазиатских палеолитических памятников.

Пластины правильной формы встречены в мустьерской пещерной стоянке Тешикташ¹³, в пещере Аманкутан¹⁴, Ходжикенте¹⁵, Джаркутане¹⁶, Кара-Бура¹⁷ и т. д. Удлиненные узкие пластины характерны и для мустьерских пещерных памятников Передней Азии (Хазар-Мерд, Шанидар, Биситун)¹⁸.

Коллекция каменных изделий Кутурбулакской стоянки интересна набором ведущих форм орудий, характерных для мустьерских памятников — остроконечниками и скреблами.

Остроконечники стоянки изготовлены в основном из треугольных отщепов и пластин. Представленные образцы остроконечников (рис. 5, 1—5) по очертаниям продолговато-удлиненной и треугольной формы, рабочие лезвия обработаны мелкой крутой ретушью,

¹¹ F. Bordes. Principes d'une méthode d'étude des techniques des débitage et de la typologie du paléolithique ancien et moyen, L., Anthropologia, t. 54, No. 1—2, 1950, p. 21; В. П. Любин. К вопросу о методике изучения нижнепалеолитических каменных орудий, МИА, т. 5, М.—Л., 1965, стр. 39—40.

¹² Там же, стр. 43.

¹³ А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки..., стр. 31—36.

¹⁴ Д. Н. Лев. Древний палеолит в Аман-Кутане, Труды УзГУ, вып. 39, 1949; Он же. Древний палеолит в Аман-Кутане, Труды УзГУ, вып. 61, 1956.

¹⁵ А. П. Окладников. Ходжикентская пещера..., стр. 74.

¹⁶ В. А. Ранов. Каменный век Таджикистана, стр. 85.

¹⁷ В. А. Ранов. Результаты разведок каменного века в 1957 г., сб. «Археологические работы в Таджикистане в 1957 г.», Труды ТадЖАН, т. СIII, 1959, стр. 24.

¹⁸ D. A. Carrad. The paleolithic of Northern Kurdistan. Excavation in the caves of Larzi and Hazar Merd, BASPR, No. 6, 1930, p. 37, fig. 16; R. S. Solecki. Shanidar cave a paleolithic site in Northern Iraq, Smithsonian report for 1954, Washington, 1955, p. 419; C. S. Coon. Cave explorations in Iran, 1949, Philadelphia, 1951, pl. 11—111.

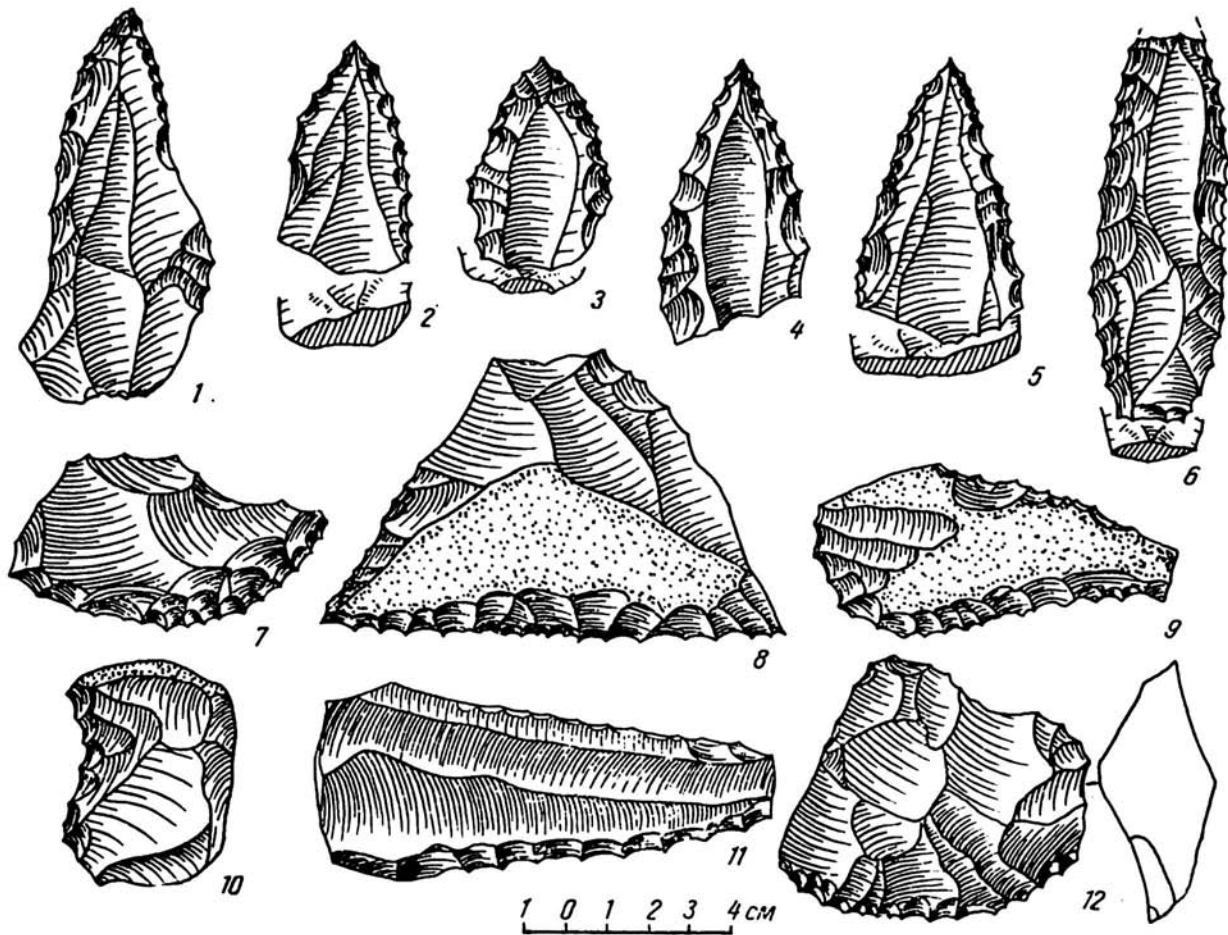

Рис. 5. Орудия:

1-5—остроконечники; 6-9—скребла; 10—выемчатое орудие; 11—ножевидная пластина; 12—пуклевидное орудие

переходящей в плоскую, охватывающую не только оба края, но и частично спинки орудий.

Форма и техника обработки остроконечников Кутурбулака указывают на их близость к специфическим чертам подобных изделий среднеазиатского палеолита.

Значительную группу орудий Кутурбулака составляют скребла, являющиеся доказательством мустьерского возраста памятника. По характеру обработки рабочего края их можно разделить на типы с прямыми, выпуклыми, вогнутыми и двойными лезвиями согласно классификации орудий французским исследователем Ф. Бордом¹⁹.

Одно из скребел (рис. 5, 8) с прямым лезвием изготовлено из массивного первичного отщепа, ретушь плоская с дополнительной подправкой. Скребло удобно для пользования правой рукой, для чего частично затуплен один из продольных краев изделия. Длина скребла 7,2 см, ширина 10,6 см, толщина 2,2 см.

Скребло с выпуклым рабочим краем (рис. 5, 7) сделано из кремня темно-зеленого цвета. Лезвие обработано обычной для мустьерских памятников ступенчатой ретушью. Подобные орудия использовались при первичной разделке туш убитых животных. Размеры изделия 7,4×4,4×1,4 см.

Скребло с вогнутым лезвием (рис. 5, 9) изготовлено на первичном пластинчатом отщепа из диорита. Рабочее лезвие обработано «продолговатой» ретушью близкой к отжимной, т. е. рабочий край полностью ретуширован. На небольшом участке лезвия скребла видны негативы мелкой подправки. Спинка скребла удобна для пользования. Длина орудия 8,4 см, ширина 4 см, толщина 1,2 см.

Двойное скребло (рис. 5, 6) представлено изделием с двумя выпуклыми лезвиями. Изготовлено скребло из удлиненной пластины правильной формы. Один край обработан крутой ретушью, другой — уплощен. Длина скребла 9,4 см, ширина 3,1 см, толщина 1,4 см.

Выемчатые орудия Кутурбулака многочисленны и разнообразны. Одно из них (рис. 5, 10) использовано в качестве скоблящего инструмента. Экземпляр изготовлен из грубого отщепа, на одном из продольных краев имеется глубокая выемка, обработанная мелкой ретушью. Подобные орудия с крупной выемкой, дополнительно подправленной мелкой ретушью, Ф. Борд относит к одному из классифицированных им типов выемчатых орудий и отмечает важную роль выемчатых орудий в мустьерском инвентаре французских памятников²⁰.

Подобные изделия являются наиболее распространенным типом

¹⁹ F. Bordes. *Typologie du paléolithique ancien et moyen*, Mémoire, No. 1, Bordeaux, 1961, p. 25—30.

²⁰ F. Bordes. *Typologie du paléolithique...*, p. 35.

орудий в инвентаре Аманкутанской пещеры (Самаркандская обл.)²¹ и Кульбулака (Ташкентская обл.)²².

Среди каменных изделий Кутурбулакской мустьерской стоянки небольшое количество составляют ножевидные орудия, представляющие № 36, 37, 38 списка нижнепалеолитических орудий по Ф. Борду²³. Одно из таких орудий сделано из пластины удлиненной формы, рабочий край которой обработан тщательной ретушью. Лезвие орудия использовано как режущее. Размеры изделия $9,2 \times 6,7 \times 2,5$ см (рис. 5, 11).

Предварительная классификация каменного инвентаря Кутурбулака дает нам типологическую группу нуклевидных орудий, которая занимает немалую часть в коллекции данного памятника. Основой этих орудий являются нуклеусы или нуклевидные обломки с рабочими лезвиями.

Большинство нуклевидных орудий Кутурбулакской мустьерской стоянки изготовлено на уплощенных сработанных нуклеусах дисковидной формы. На одном из них (рис. 5, 12) спинка сохранила негативы небольших сколов. Выпуклый, широкий край рабочей поверхности изделия обработан мелкой крутой ретушью, образовавшей скребловидное лезвие. Размеры $7,5 \times 7 \times 2,6$ см.

Остатки культуры мустьерского человека, выявленные в отложениях Кутурбулака, по результатам предварительной классификации каменного инвентаря, по техническому характеру материала тяготеют к материальной культуре мустьерских памятников Тешикташ, Аманкутан, мустьерских комплексов местонахождений Учтут, Вауш, Иджонт (Узбекистан) и Семиганч (Таджикистан).

Исследуемый нами памятник, вероятно, входит в локальную группу мустьерских памятников горных областей Средней Азии. В пользу этого говорит преобладание дисковидных и немногочисленность полюсных нуклеусов, низкий процент пластин и леваллуа. Рабочие лезвия оформлены типично мустьерской ретушью. В целом вторичная обработка большинства выемчатых орудий имеет клетонский характер. Своеобразие технической обработки проявляется также в малочисленности заготовок с фасетированными ударными площадками.

Окончательное разрешение всех вопросов памятника будет зависеть от дальнейших комплексных исследований, которые глубже покажут его локальные особенности и вариационное развитие среди среднеазиатских палеолитических памятников.

²¹ Д. Н. Лев. Древний палеолит в Аман-Кутане..., рис. 21 (1949).

²² М. Р. Касымов. Результаты работ Ахангаранского палеолитического отряда в 1970 г., «Успехи среднеазиатской археологии», вып. I, Л., 1972, стр. 27—29.

²³ F. Bordes. Principes d'une méthode..., p. 26; В. П. Любин. К вопросу о методике изучения..., стр. 56—57.

У. ИСЛАМОВ

К ВЫДЕЛЕНИЮ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ МЕЗОЛИТА УЗБЕКИСТАНА

Вопрос о локальных вариантах каменного века различных территорий нашей страны — один из важнейших в современной археологии. Интерес к нему в среде советских археологов возник еще в 20-х годах. В работах П. П. Ефименко, В. А. Городцова, М. Я. Рудинского было показано своеобразие хронологически близких памятников, намечены ареалы распространения сходных типов орудий, культурно-территориальные области¹. Изучив имевшиеся в те годы коллекции мезолитических и неолитических орудий, П. П. Ефименко, основываясь главным образом на геометрических микролитах, выделил на территории СССР две области их распространения. Каждая из этих областей характеризовалась особым набором геометрических орудий².

Однако по-настоящему к проблеме локальных вариантов советские исследователи обратились лишь в послевоенное время. Здесь следует упомянуть работы А. Е. Брюсова, М. Е. Фосс, С. Н. Замятнина, А. Н. Рогачева, А. А. Формозова и др.³ С. Н. Замятнин, в частности, считал, что локальные различия появляются лишь в верхнем палеолите, но не в узких районах, а на значительных территориях, которые были названы им зонами. С. Н. Замятнин выделил три большие зоны: европейскую, приледниковую, средиземноморско-африканскую и сибирскую⁴.

Многолетние работы А. Н. Рогачева в Костенках привели его к вполне обоснованному выводу о существовании в Костенковско-

¹ А. В. Городцов. Археология, т. I, «Каменный период», М.—Птр., 1923,

² П. П. Ефименко. Мелкие древние орудия геометрических и иных своеобразных очертаний в русских стоянках раннеолитического возраста, «Русский антропологический журнал», т. 13, вып. 3, 4, М., 1924, 211—228.

³ А. Е. Брюсов. Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху, М., 1952; М. Е. Фосс. Поселения эпохи неолита и раннего металла на севере европейской части СССР, М.—Л., 1951; С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий в культуре палеолитического периода, Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, т. XVI, М., 1951; А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки Костенковско-Боршевского района на Дону и проблема развития культуры в эпоху верхнего неолита на Русской равнине, МИА, 59, М.—Л., 1957; А. А. Формозов. Этнокультурные области на территории европейской части СССР в каменном веке, М., 1959.

⁴ С. Н. Замятнин. О возникновении локальных различий..., М., 1951.

Боршевском районе хронологически близких, но разнокультурных памятников. Причем памятники, аналогичные нижним и верхним слоям Костенок-1, широко распространены на территории Русской равнины⁵.

Большим вкладом в разработку таких вопросов как «культура», «локальный вариант» явилась работа А. А. Формозова⁶. В трактовке этого исследователя само понятие «локальный вариант» достаточно сложное и может быть выражено в терминах «археологическая культура», «этнокультурная область» и «этнокультурная зона»⁷. Время сложения крупных областей А. А. Формозов относит к концу мустьерского времени. Те же большие области и зоны характерны и для верхнего палеолита. Лишь только в мезолите в пределах областей и зон возникают локальные объединения культуры.

Еще в конце 40-х годов А. П. Окладников⁸ обратил внимание не только на своеобразие палеолита Средней Азии, но и на его культурную неоднородность. Им была высказана мысль о сходстве Тешикташа с леваллуа-мустьерскими памятниками Передней Азии. Еще большее сходство с этими памятниками обнаруживают позднемустьерские памятники Средней Азии, в частности Обирахмат. В то же время на юге Казахстана, в горах Каратау длительное время сохранялись традиции другого характера — близкие к тем особенностям, которые отмечены для соанских памятников Восточной Азии⁹.

Более детальное расчленение мустьерской культуры Средней Азии было предложено В. А. Рановым¹⁰. Им выделены следующие группировки: леваллуа-мустьерская с техническими фациями леваллуа-мустьерской и леваллуазской; мустьерская (горное мустье), мустьеро-соанская. Леваллуа-мустьерские памятники концентрируются в Западном Тянь-Шане на внешней части горных склонов и в межгорных впадинах, прямо сообщающихся с равнинными территориями. Мустьерские памятники приурочены к пониженным горным участкам. Мустьеро-соанский вариант обнаружен на юге Таджикистана в низовьях Вахша.

Хотя верхний палеолит Средней Азии имеет в настоящее время неясные контуры и представлен небольшим числом памятников, тем не менее есть возможность выделить в нем ряд локальных ва-

⁵ А. Н. Рогачев. Многослойные стоянки...

⁶ А. А. Формозов. Этнокультурные области...

⁷ А. А. Формозов. Распространение сегментов и трапеций в каменном веке европейской части СССР, СА, 1973, № 1, стр. 116.

⁸ А. П. Окладников. Исследование мустьерской стоянки и погребения неандертальца в гроте Тешик-Таш, Южный Узбекистан (Средняя Азия), сб. «Тешик-Таш. Палеолитический человек», М., 1949.

⁹ А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии. Средняя Азия в эпоху камня и бронзы, М.—Л., 1966, стр. 48.

¹⁰ В. А. Ранов. О возможности выделения локальных культур в палеолите Средней Азии, Известия ООН АН ТаджССР, вып. 3, Душанбе, 1968; Он же. Средняя Азия и Индия в эпоху палеолита, «Страны и народы Востока», вып. 12, М., 1972; Он же. К проблеме выделения локальных палеолитических культур в Средней Азии и Казахстане, Ташкент, 1972.

риантов. Совсем недавно А. П. Окладников¹¹ отмечал, что стоянки и местонахождения Туркмении, Узбекистана и Таджикистана входят в группу южных «ориньякоподобных» в широком смысле этого слова культур, а верхний палеолит Казахстана, особенно восточного, обнаруживает связи с северным и восточным кругом древнейших культур. Если памятники Средней Азии тяготеют к аналогичным памятникам Передней и Малой Азии, Кавказа и Южной Европы, то верхнепалеолитические комплексы Казахстана должны относиться к центрально-азиатской группе палеолита с территорией от Урала по направлению к Дальнему Востоку¹². Согласно В. А. Ранову¹³ верхний палеолит Средней Азии разделяется на Каракамарский, Ходжагорский и Самаркандский варианты.

Серьезные разработки в этом направлении ведутся также и для поздних периодов каменного века — мезолита и неолита. По мнению А. П. Окладникова, одна из важнейших задач в изучении мезолита заключается в более глубоком ознакомлении с особенностями развития мезолитической культуры, в частности на территории Средней Азии, Казахстана, Сибири и Ближнего Востока¹⁴.

В. М. Массон¹⁵, анализируя материалы мезолитических памятников Передней и Средней Азии, пришел к выводу, что «развитие племен и их хозяйства, начиная с эпохи мезолита, протекало двумя путями. С одной стороны, это были племена с высокоразвитым земледелием (предгорья Копет-Дага), с другой — племена, занимавшиеся охотой, собирательством и рыболовством (район Кызылкума)¹⁶.

Заслуживают внимания и выводы Н. О. Бадера относительно своеобразия каменного века Передней Азии, Северной Африки и Крыма. По его мнению, территория средиземноморско-африканской провинции в верхнем палеолите и мезолите не была монолитной, в ней можно выделить ряд своеобразных областей. Так, на территории Северной Африки в верхнепалеолитическое время существовали атерийские комплексы, напротив, на Ближнем Востоке получили распространение памятники ориньякского типа. В мезолите своеобразные культурные области выделяются на территории Крыма, Ближнего Востока (включая Закавказье), Северной Африки. Весьма специфичен также и мезолит южного Прикаспия, что позволяет отнести его к отдельной культурной области. Ближний Вос-

¹¹ А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии..., стр. 59.

¹² Там же.

¹³ В. А. Ранов. О возможности выделения...

¹⁴ А. П. Окладников. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР (Сибирь и Средняя Азия), МИА, вып. 126, М., 1966.

¹⁵ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, М., 1964; Он же. Поселение Джайтун (проблемы становления производящей экономики), МИА, вып. 180, М.—Л., 1971.

¹⁶ В. М. Массон. Средняя Азия и Древний Восток, стр. 170—187.

¹⁷ Н. О. Бадер. О мезолите Восточного Средиземноморья в связи с проблемой «Каспийской провинции», МИА, вып. 126, М.—Л., 1966.

ток делится на два культурных района: Северный Ирак — Закавказье и Палестина — Сирия. В свою очередь, они расчленяются на отдельные локальные культуры. Что касается мезолита Крыма, то и он представляет собой своеобразную культурную область, которая была занята единой локальной культурой.

Впервые вопрос о своеобразии мезолита Средней Азии был поставлен А. П. Окладниковым¹⁸. Он развил тезис о двух путях развития среднеазиатского мезолита. С одной стороны — это памятники Прикаспия (Джебел, Дам-Дам-Чашма I и II, Кайлю) и бассейна Амударьи (Куй-Бульен, Дангар, Чиль-Чор-Чашма), входящие в огромную область микролитических культур с орудиями геометрических форм, а с другой — памятники восточных горных районов, генетически связанные с культурой чопперов Центральной, Северной и Восточной Азии.

Удачная попытка локального расчленения мезолита и неолита Средней Азии, как нам кажется, предпринята Г. Ф. Коробковой. Для мезолита ею вначале были выделены три локальные культуры: прикаспийская, ферганская и горная¹⁹. Если в своих ранних работах Г. Ф. Коробкова говорит о «локальных вариантах» или «локальных культурах», то в последней публикации предложена несколько иная терминология²⁰. Прежде всего исследовательница считает, что каменная индустрия является самым существенным элементом, составляющим культуры. Именно детальный анализ индустрий приведет в конечном итоге к выделению культур и локальных вариантов.

Вместо прежних терминов Г. Ф. Коробкова использует понятие «типы индустрий», которое буквально не эквивалентно выражению «локальный вариант». В конечном итоге ее схема выглядит следующим образом: «прикаспийский мезолит включает прибалханскую индустрию (IV «низ» — VII слои — Дам-Дам-Чашма II, VII—VIII слои Джебела, Каскыр-Булак) и индустрию зарзийского типа (Дам-Дам-Чашма I, нижние слои Кайлю, IV слой «верх» Дам-Дам-Чашма II, Ходжа-Су I), ферганский — 2 варианта индустрий — индустрия равнинных (пункты II, III, XVI, Аши-Куль) и пещерных комплексов (Обишир I, V, Ташкумыр)»²¹. Горный мезолит идентифицируется пока слабо. Можно выделить комплекс 2-а горизонта Туткаула близкий по набору ведущих типов орудий к

¹⁸ А. П. Окладников. Палеолит и мезолит Средней Азии; Он же. К вопросу о мезолите и эпипалеолите в азиатской части СССР..

¹⁹ Г. Ф. Коробкова. Культуры Средней Азии эпохи мезолита и неолита, «Проблемы археологии Средней Азии», Тезисы докладов, Л., 1968; Она же. Проблема культур и локальных вариантов в мезолите и неолите Средней Азии, КСИА, 122, М., 1970; Она же. Локальные различия в экономике ранних сельскохозяйственно-скотоводческих обществ (к постановке проблемы), «Успехи Среднеазиатской археологии», вып. 1, Л., 1972.

²⁰ Г. Ф. Коробкова. Локальные различия...

²¹ Г. Ф. Коробкова. Изучение каменной индустрии и проблема выделения культур и локальных вариантов (по материалам мезолита и неолита Средней Азии), Тезисы докладов совещания «Каменный век Средней Азии и Казахстана», Ташкент, 1972.

ферганскому, микролитическую индустрию VI слоя Ак-Танги, третьего горизонта Туткаула и Чиль-Чор-Чашма, нагнающую в какой-то мере натуфийскую и представленную большим количеством микропластинок, а также удлинёнными трапециями, микроскребками ногтевидной формы, дисковидными укороченно-конусовидными нуклеусами. Весьма своеобразны индустрии Ошхоны, Куй-Бульена и Оби-Кийика²².

Особенно успешно в настоящее время решается проблема локальных вариантов для эпохи неолита Средней Азии.

Так, А. П. Окладниковым предложены три своеобразные локальные культуры: культура степных охотников и собирателей Джебела, Кельтеминара; раннеземледельческая культура предгорных оазисов в районе Копет-Дага с расписной керамикой и кремневыми сегментами; гиссарская культура Памира с чопперами и гальками-нуклеусами²³.

Более подробная схема локальных вариантов неолита разработана Г. Ф. Коробковой²⁴. Заметим, что в последней работе она развивала свои прежние принципы выделения локальных единиц, а также термины. Первоначально весь неолит Средней Азии был разделен Г. Ф. Коробковой на две культурно-географические зоны — равнинную и горную²⁵. Равнинная зона включала две этнокультурные области — это южная область земледельцев и скотоводов, занятая племенами джейтунской культуры и северная — область охотников, рыболовов и собирателей. Последняя область включала карабогазский, ферганский комплексы и различные варианты кельтеминарской культуры. Северная этнокультурная часть расчленялась на ряд археологических культур и отдельных культурных комплексов, включающих нижнеузбойский, верхнеузбойский, акчадарьинский, кызылкумский и тузканский варианты кельтеминарской культуры, карабогазский и ферганский комплексы. Горная зона в указанной работе практически не затронута.

В последние годы схема Г. Ф. Коробковой значительно изменилась — стала более простой и, как нам кажется, более содержательной. Выглядит она следующим образом: 1) джейтунская индустрия с двумя хронологическими вариантами — индустрия Джейтуна и Чопан-депе, с одной стороны, и индустрия Чагыллы-депе и Бама — с другой; 2) кельтеминарская индустрия с акчадарьинским, кызылкумским, нижнезарафшанским и другими вариантами; 3) балханская индустрия; 4) ферганская индустрия; 5) гиссарская

²² Там же, стр. 48—50.

²³ А. П. Окладников. К вопросу о мезолите..., стр. 215.

²⁴ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии, МИА, вып. 158, М.—Л., 1969, стр. 192—199; Она же. Культура Средней Азии..., стр. 16—18; Она же. Проблема культур и локальных вариантов..., Она же. Локальные различия..., стр. 50—53.

²⁵ Г. Ф. Коробкова. Культура Средней Азии..., Она же. Орудия труда...

индустрия²⁶. В. И. Тимофеев разделил ферганскую индустрию на ряд территориальных групп²⁷.

Очевидно, что археологов не может не интересовать вопрос о природе таких понятий как «локальная культура», «локальный вариант», «зона», «область» и др. Из чего собственно складываются локальные различия? Об этом говорилось на состоявшемся в октябре 1972 г. в г. Самарканде совещании, посвященном проблемам изучения каменного века Средней Азии и Казахстана.

На этом совещании впервые была принята понятийная сетка, в которой дано определение таким понятиям как тип, компаунд, культура, вариант, общность.

Для нас важно определение локального варианта: «Локальный вариант — это составная часть археологической культуры, находящаяся в пределах тех же технико-типологических характеристик, как и вся культура, но имевшая некоторые специфические особенности»²⁸.

Это определение вполне подходит к нашим разработкам при выделении отдельных локальных вариантов эпохи мезолита Узбекистана, поэтому мы принимаем данное определение за основу.

Практически все доклады на этом совещании, собравшем археологов из разных республик нашей страны, были посвящены вопросам развития культуры и локальных особенностей каменного века не только Средней Азии, но и Русской равнины, Кавказа, Сибири и других территорий. В докладах В. П. Любина и В. А. Ранова высказаны интересные соображения относительно причин возникновения локальных вариантов.

Согласно В. П. Любину²⁹ локальные различия — категория историческая. В течение времени постоянно происходят их качественные изменения. Задача археологов состоит не только в установлении различий, но и их интерпретации, поскольку последнее открывает позитивный подход для реконструкции прошлого тех или иных человеческих коллективов.

Локальные различия могут проявляться как по линии материальной, так и духовной культуры. Они выражаются, в частности, в особенностях каменного и костяного инвентаря, хозяйственно-бытовых объектов, в своеобразии произведений искусства, погребений и т. д. Далее автор полагает, что «локальные различия представляют сложный синтез взаимодействия разных по своей природе,

²⁶ Г. Ф. Коробкова. Локальные различия в экономике...; Она же. Изучение каменной индустрии...

²⁷ В. И. Тимофеев. Выделение территориальных групп среди неолитических стоянок Ферганы, Тезисы докладов совещания «Каменный век Средней Азии и Казахстана», Ташкент, 1972.

²⁸ Г. В. Григорьева, У. Исламов. Совещание по каменному веку Средней Азии и Казахстана, СА, 1974, № 2.

²⁹ В. П. Любин. К вопросу о локальных различиях в нижнем палеолите (по материалам Кавказа), Тезисы докладов совещания «Каменный век Средней Азии и Казахстана», Ташкент, 1972, стр. 19—29; Он же. Первобытный человек в горах Большого Кавказа, КСИА, вып. 131, М., 1972, стр. 15—21.

масштабу и значимости факторов, главные из которых — социальный, природный, функциональный»³⁰. В. П. Любин выделяет кроме того и миграционный фактор³¹.

Самой существенной причиной локальных различий каменного инвентаря является социальный фактор, который фиксируется конкретно, в устойчивости традиций обработки камня внутри обособленных, относительно замкнутых человеческих группах (целенаправленный выбор природных объектов и та новая роль, которую они начинают выполнять в общественной жизни, придают им официальные черты)³².

Нельзя не согласиться с В. П. Любиным, когда он говорит о том, что при изучении археологических материалов необходимо использовать все возможные источники информации³³. Несмотря на то, что при обсуждении всех этих вопросов В. П. Любин опирался на памятники нижнего и среднего палеолита Кавказа, выводы, сделанные им, интересны и для исследователей, занимающихся поздними этапами каменного века.

Своеобразная точка зрения относительно причин возникновения локальных группировок в палеолите была высказана недавно и В. А. Рановым³⁴. По его мнению, надо принимать во внимание причины индустриального характера (зависимость типов орудий от хозяйственной и иной деятельности людей), причины экологические (природное окружение, сезонный характер деятельности) и причины социального порядка (наличие этнических и социальных связей между отдельными человеческими объединениями). Следует не пренебрегать, а учитывать самым решительным образом при обосновании локальных вариантов особенность сырьевого материала и функциональное значение орудий³⁵.

Но едва ли можно согласиться с утверждением В. А. Ранова, что выделение локальных вариантов с учетом не только типологических признаков, но также данных палинологии, петрографии, трасологии — дело будущего³⁶. В настоящее же время эта процедура не может осуществляться иначе как на основании различий типологического и технического порядка³⁷. Нам кажется, что работы Г. Ф. Коробковой в плане выделения культурно-хозяйственных ареалов и группировок для неолита и энеолита Средней Азии и Мол-

³⁰ В. П. Любин. К вопросу о локальных различиях..., стр. 16; Он же. Первобытный человек..., стр. 16.

³¹ В. П. Любин. К вопросу о локальных различиях..., стр. 17.

³² В. П. Любин. К вопросу о локальных различиях..., стр. 29; Он же. Первобытный человек..., стр. 17.

³³ В. П. Любин. К вопросу о локальных различиях..., стр. 26; Он же. Первобытный человек..., стр. 20.

³⁴ В. А. Ранов. Семичанч — новое мустьерское местонахождение в Южном Таджикистане, МИА, вып. 185, М.—Л., 1972, стр. 31—34.

³⁵ Там же, стр. 33.

³⁶ Там же, стр. 33—34.

³⁷ Там же, стр. 34.

давин, а также те существенные добавления и исправления в технико-типологический анализ каменных индустрий говорят об обратном³⁸.

В итоге мы присоединяемся к тем исследователям, которые считают, что локальный вариант — это составная часть археологической культуры, находящаяся в пределах тех же технико-типологических характеристик, что и вся культура, но имеющая некоторые особенности. Локальный вариант — явление синхронное и не должно быть смешано с хронологическими этапами развития одной культуры.

Со своей стороны добавим, что такая формулировка, конечно, не свободна от недостатков. Во-первых, не всегда возможно достаточно правильно установить синхронность комплексов орудий и вообще их датировку, исключая, конечно, те, которые имеют абсолютную дату. Во-вторых, необходимо по возможности учитывать функциональную характеристику орудий, поскольку, например, к 15 скребкам, выделенным типологически, может добавиться немало скребков без специально оформленного рабочего края. В-третьих, при интерпретации локальных группировок совершенно необходим учет степени изученности памятника, локализация находок в слое, характер деятельности первобытных людей, особенности сырья, возможность «загрязнения» одной индустрии элементами другой и т. д. Что касается количественного учета характерных типов, то можно согласиться с В. М. Массоном, который предлагает для локального варианта 100—50% совпадений в сочетаемости типов по анализируемым комплексам, для культуры 50—30% и для общности — 30—20%³⁹.

Приступая непосредственно к выделению локальных вариантов на территории Узбекистана, мы намерены в общих чертах следовать изложенным выше принципам конимания локального варианта и его интерпретации. Прежде всего отметим, что попытка подобного рода является в известной мере условной. Несмотря на огромную территорию, которую занимает Узбекистан, здесь выявлено небольшое количество памятников мезолитической эпохи. Памятники концентрируются в трех узких географических районах — Фергане, Сурхандарьинской и Ташкентской областях, в то время как в огромных районах (особенно полупустынных и пустынных) стоянок пока не обнаружено. Не приходится сомневаться в том, что и в указанных районах их на самом деле гораздо больше.

Широкие полевые исследования, намеченные в самый ближайший период, во многом прояснят картину мезолита Узбекистана. И поскольку мы располагаем небольшим числом памятников, то выделение локальных вариантов, а точнее локальных ком-

³⁸ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда...; Она же. Изучение каменной индустрии...; Она же. Локальные различия в экономике..., стр. 16—22.

³⁹ В. М. Массон. Эволюция первобытных поселений Средней Азии, «Успехи Среднеазиатской археологии», вып. 1, Л., 1972, стр. 10.

плексов, должно быть осуществлено как предварительное выделение опорных индустрий как основы для последующих построений системы таких вариантов. В дальнейшем наша схема, безусловно, существенно дополнится или даже претерпит коренные изменения.

Мы предлагаем выделить на территории Узбекистана три комплекса: ферганский, ташкентский и сурхандарьинский⁴⁰. Как обстоит дело с археологической датировкой перечисленных комплексов? Этот вопрос занимает особое место в проблеме мезолита Узбекистана. Если хронология Мачая более или менее установлена, то о возрасте памятников Ферганы и стоянки Кушилиш можно высказаться сейчас лишь на основе общих рассуждений. Следовательно, наши исследования в области выделения локальных культур, вариантов и комплексов не являются самоцелью, и их успех, другими словами, научная значимость зависит от ясности вопроса о хронологии изучаемых памятников. Рассмотрим теперь каждый из выделенных комплексов отдельно.

Ферганский комплекс. Он объединяет пещерные стоянки Обишир I и V, расположенные на юго-востоке Ферганской долины, пещерную стоянку Ташкумыр в северо-западной части Ферганской долины, а также Центрально-Ферганские развешанные стоянки Ашикуль, пункты II, III, XVI.

Как было показано выше⁴¹, ферганский комплекс разделяется на две индустрии — равнинную и горную. Равнинные памятники полностью не стратифицированы. Поэтому об их возрасте можно говорить, основываясь на облике археологического материала. Если пункты Бахрабад, Мингбулак, Сарык-Су и др. связываются Г. Ф. Коробковой⁴² с переходным периодом от мезолита к неолиту, то Ашикуль, пункты II, III, XVI — с мезолитом. Орудия, собранные здесь, напоминают изделия из пещеры Дарра-Каллон (Афганистан), абсолютный возраст которой 7525 ± 100 лет до н. э.⁴³ нижних слоев Ак-Танги и мезолитических слоев Гари-Камарбанда. Это дает основание гипотетически отнести ферганскую индустрию к VII—VI тыс. до н. э.⁴⁴

Равнинная индустрия имеет исключительно микролитовидные черты. Обильны микропластинки — с ретушью и без ретуши. Отщепы и пластины средних размеров встречаются реже. Технику расщепления характеризуют также нуклеусы карандашевидной и плоской призматической формы (рис. 1, 5, 7, 8, 9). Дисковидных и нуклеусов со вторичным скалыванием нет. Для вторичной обработки характерна мелкая односторонняя ретушь, оформляющая один

⁴⁰ У. Исламов. К вопросу о локальных вариантах эпохи мезолита и неолита в Узбекистане, Тезисы докладов совещания «Каменный век Средней Азии и Казахстана», Ташкент, 1972, стр. 44—47.

⁴¹ Г. Ф. Коробкова. Проблема культур и локальных вариантов..., стр. 10—11; Она же. Локальные различия в экономике..., стр. 49—50.

⁴² Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 141—142.

⁴³ Radiocarbon, 1967, № 9, p. 360.

⁴⁴ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда..., стр. 142.

или оба продольных края (рис. 1, 14, 1b). Выделяется группа специфических концевых скребков на крупных отщепах с высоким ра-

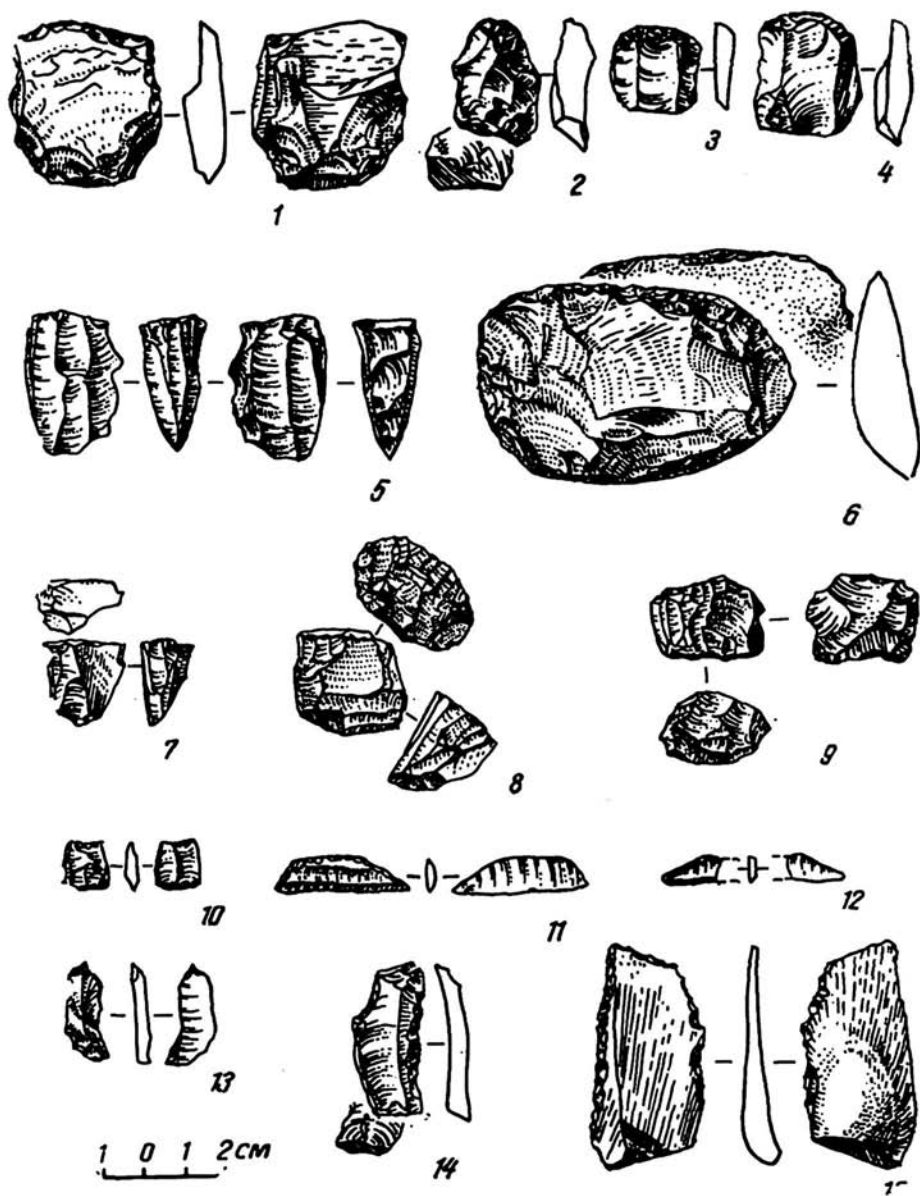

Рис. 1. Каменные орудия из мезолитических стоянок Центральной Ферганы бошим краем (рис. 1, 1, 3, 4), микроскребки (рис. 1, 10), долотовидные изделия, отдельные экземпляры трапеций и сегментов (рис. 1, 11, 12), острия типа лезвия перочинного ножа. Таким образом, рав-

нинная индустрия дает преимущественно вкладышевые типы. Все пункты находок объединяются в единую индустрию по исходному сырью, технике расщепления, вторичной обработке и набору орудий. По мнению Г. Ф. Коробковой, ферганский мезолит имеет местное происхождение и тяготеет скорей всего к верхнепалеолитическим памятникам, близким к Самаркандской стоянке⁴⁵.

Горная индустрия представлена пока тремя памятниками — Ташкумыром, Обиширом I и V. Стоянка Ташкумыр раскопана частично. Сырьем для изготовления орудий, как и в равнинных памятниках Ферганы, служил кремьнь, что в немалой степени обусловило облик его индустрии. Нуклеусы слабо варьируют в типовом отношении. В основном это плоские призматические экземпляры. Микропластинки многочисленны. Для техники их оформления характерна затупливающая односторонняя ретушь и оббивка. Большую серию орудий составляют скребки с тщательно оформленными рабочими лезвиями. Характерны крупные сегменты удлинённых пропорций, реже встречаются острия типа шательперрон.

Индустрия Ташкумыра имеет много общих черт с индустрией Обишира. Практически различий между орудиями Обишира I и V нет. Они составляют единую в технико-типологическом отношении индустрию. Коллекция орудий Обишира весьма многочисленна и разнообразна, что позволяет получить полное представление о ее облике. Сырьем в Обишире были гальки и желвачки кремня. Удаётся выделить 4 типа нуклеусов—призматические, конусовидные, клиновидные и дисковидные (рис. 2).

Каждый тип включает несколько подтипов. Особенно разнообразны пластины. Выделяются пластины крупных, средних размеров и микропластинки. Ножевидные пластины представлены экземплярами как неправильных, так и правильных очертаний. Последние преобладают (рис. 3). Крупные пластины оформлены односторонней и двусторонней краевой ретушью. Имеются пластины с выемкой по продольным краям. Более разнообразны в этом отношении пластины средних размеров и микропластинки. Микропластинки почти полностью из кремня.

Среди орудий на первом месте стоят скребки. Они разделяются на скребки из отщепов и пластин. Концевые скребки имеют в основном прямые и выпуклые лезвия. Продольные края их часто ретушированы. Выделяются концевые скребки высокой формы. У скребков на отщепах рабочие лезвия прямые, выпуклые и округлой формы. Отдельные экземпляры относятся к категории скребков с носиком. В коллекции всего один нуклеовидный скребок (рис. 4).

Для Обишира нехарактерны острия, в том числе и микроострия, скребла выемчатые, долотовидные орудия, скобели (рис. 5, 3, 5), а также костяные орудия. Показательны галечные орудия типа чопперов (рис. 5, 1, 2) и чоппингов. Интересной особенностью ин-

⁴⁵ Г. Ф. Коробкова. Проблема культур и локальных вариантов..., стр. 24—25.

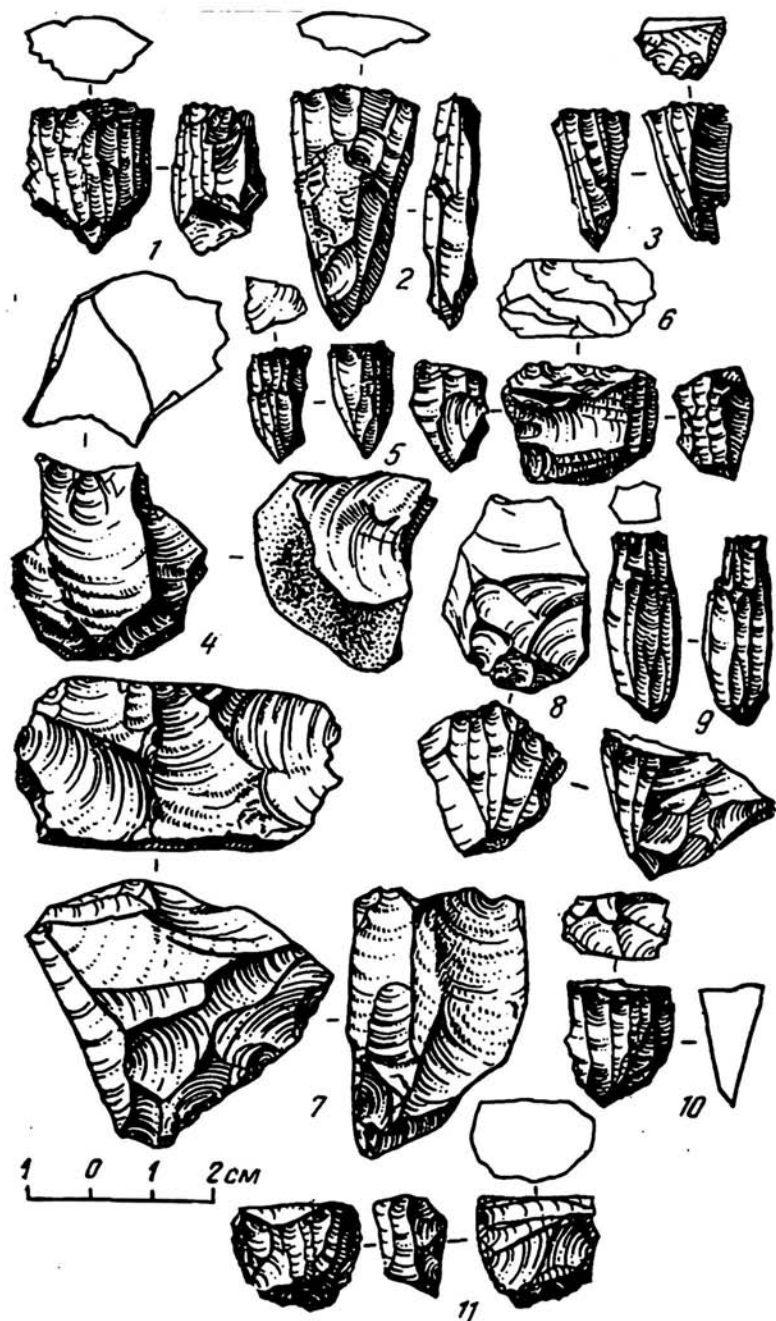

Рис. 2. Нуклеусы из пещерной стоянки Обишир I и V

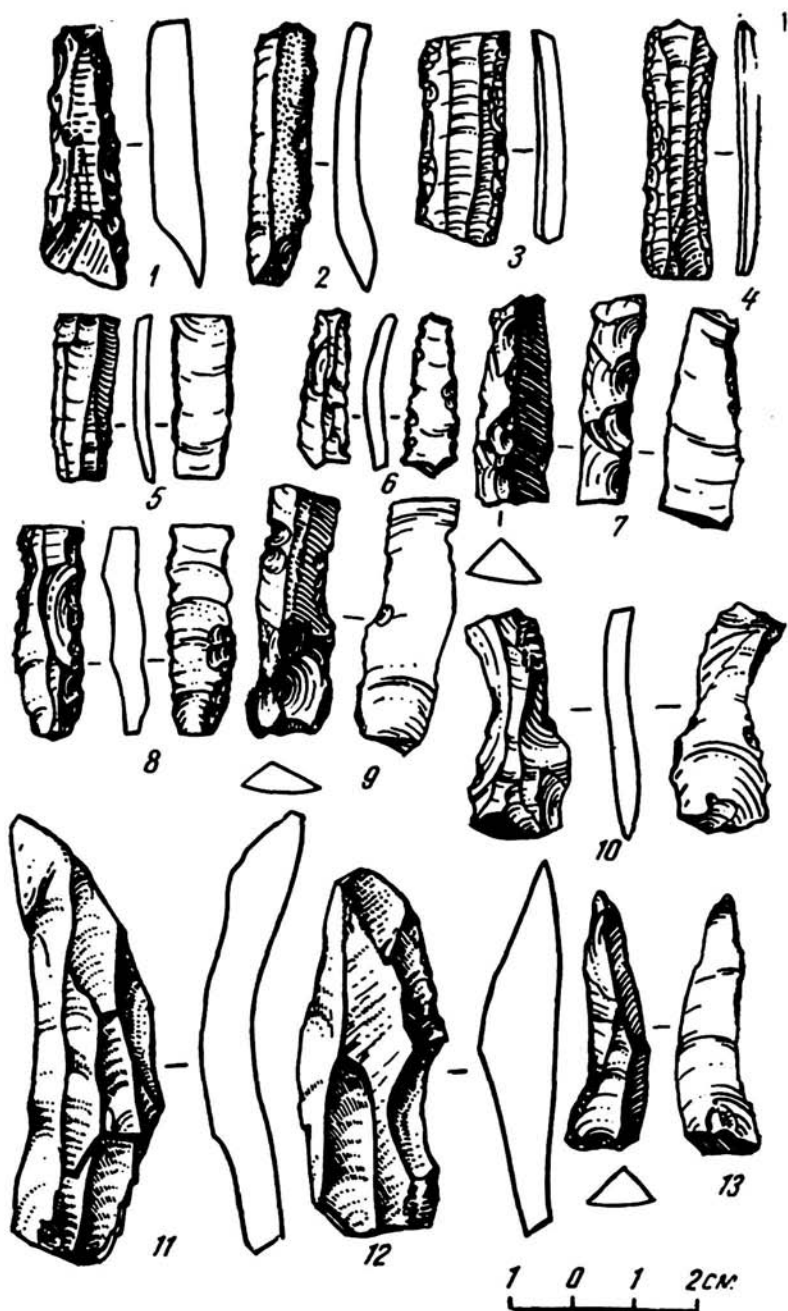

Рис. 3. Пластины и пластинки из пещерной стоянки Олишир I и V

дустрии Обишира является наличие одного наконечника стрелы (рис. 6, 12) и метательных камней. Геометрические микролиты полностью отсутствуют. Судя по технике расщепления камня и вторичной обработки, с одной стороны, и набору орудий, с другой стороны, можно предварительно датировать индустрию Обишира средним мезолитом, примерно VIII тысячелетием до н. э.

Ташкентский комплекс. В настоящее время представлен одним памятником — стоянкой Кушилиш, расположенной на левом берегу древнего канала Бозсу под Ташкентом. Индустрия Кушилиша, несмотря на свою малочисленность, весьма своеобразна.

Все орудия изготовлены из кремня хорошего качества. Нуклеусов насчитывается немного. Однако они разнообразны по форме. Интересны призматические нуклеусы веерообразных очертаний с двумя смежными площадками. Среди конусовидных нуклеусов выделяются экземпляры с круговым скалыванием и односторонние.

Не составляют большой серии и пластины. Грубые пластины отсутствуют. Ножевидные пластины достаточно выразительны. Пластины средних размеров и микропластинки с ретушью редки (рис. 6, 1, 2). Зафиксированы пластинки с выемками по продольным краям (рис. 6, 3—7). Концевые скребки удлинённых и укороченных пропорций имеют, как правило, выпуклые рабочие края. Продольные края почти во всех случаях ретушированы.

Скребки на отщепках представлены тремя типами: скребками с носиком высокой формы и выпуклым лезвием, плоскими скребками с овальным рабочим краем и скребками с округлым рабочим лезвием. Единственное в индустрии острие приближается по форме к типу шательперрон (рис. 6, 13). Наконец, самой характерной особенностью Кушилиша является наличие геометрических орудий — треугольников (рис. 6, 10, 11). Близкие по типу орудия обнаружены при раскопках стоянок раннего мезолита Дам-Дам-Чашма II и Эль-Амар⁴⁶.

Принимая во внимание геологическое положение стоянки, а также характер ее индустрии, Кушилиш можно датировать ранним мезолитом, примерно X—IX тысячелетием до н. э. Добавим, что при раскопках памятника обнаружены затылочная кость, несколько зубов из нижней челюсти, ряд обломков трубчатых костей, которые, по определению палеозоолога Р. К. Камбаритдинова, принадлежат молодой особи коровы. Если это в конце-концов окажется действительно так, то тогда придется существенным образом пересмотреть наши представления о времени появления прирученного крупного рогатого скота.

Сурхандарьинский комплекс. К нему в настоящее время относится индустрия пещерной стоянки Мачай. Основные виды сырья — глинистый доломит разной степени окремненности и кремень. Для индустрии Мачая характерно сочетание микролитонидных форм.

⁴⁶ У. Исламов. Первая мезолитическая пещерная стоянка в Фергане, «Археологические открытия в 1970 г.», М., 1970.

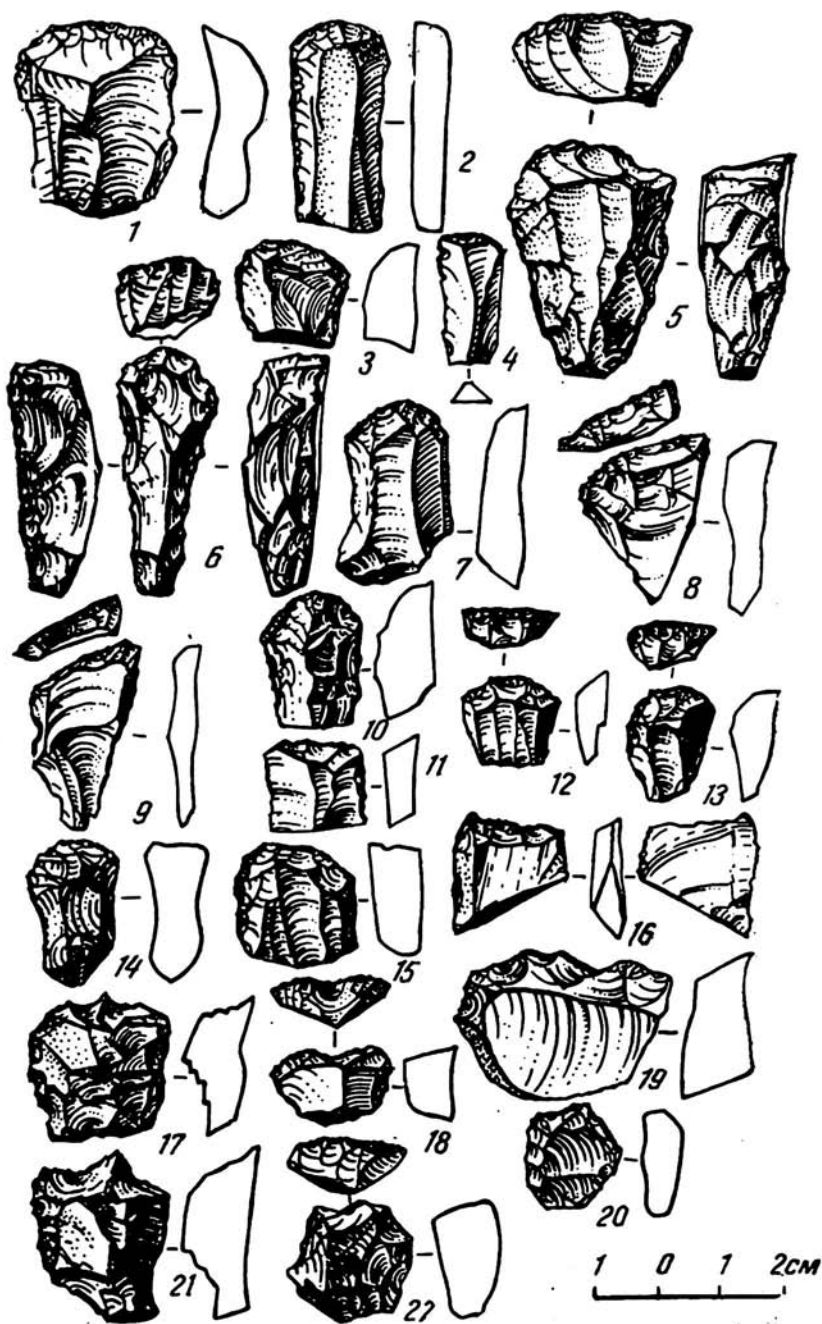

Рис. 4. Скрепки из пещерной стоянки Обишир I и V

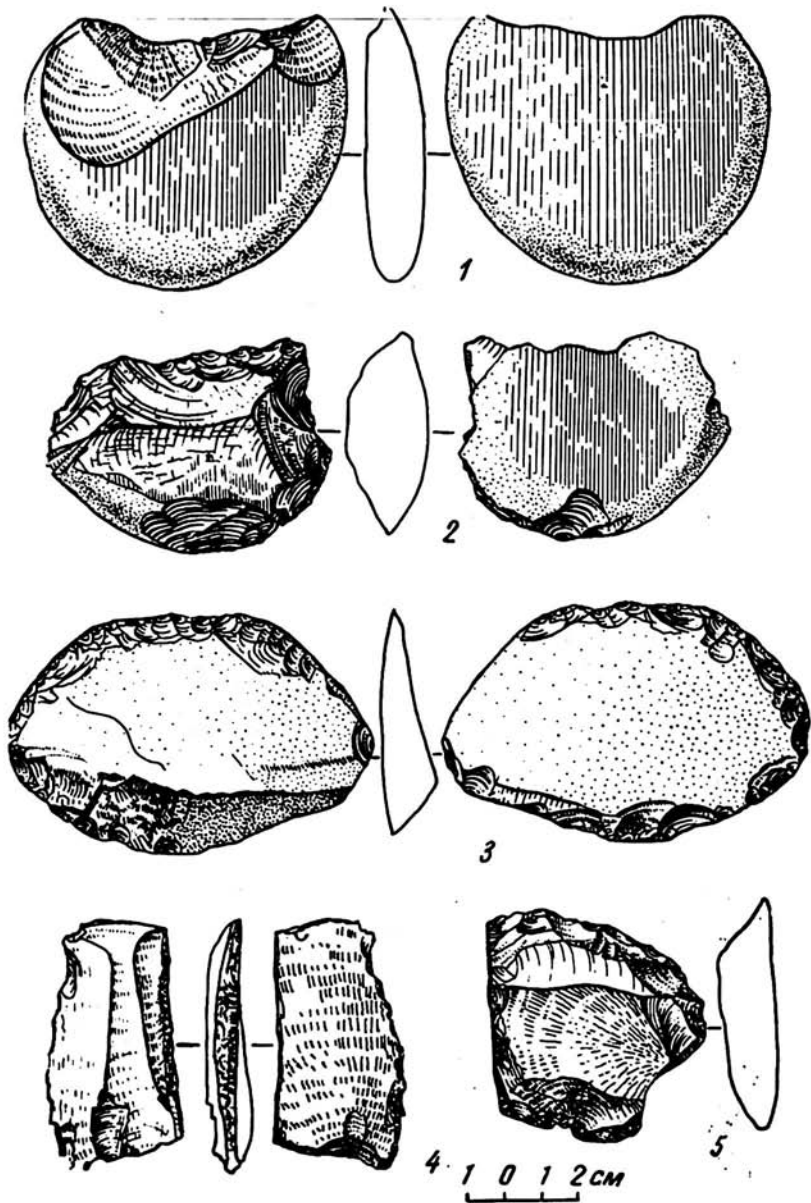

Рис. 5. Скребло и чоперы из стоянки Обишир I и V

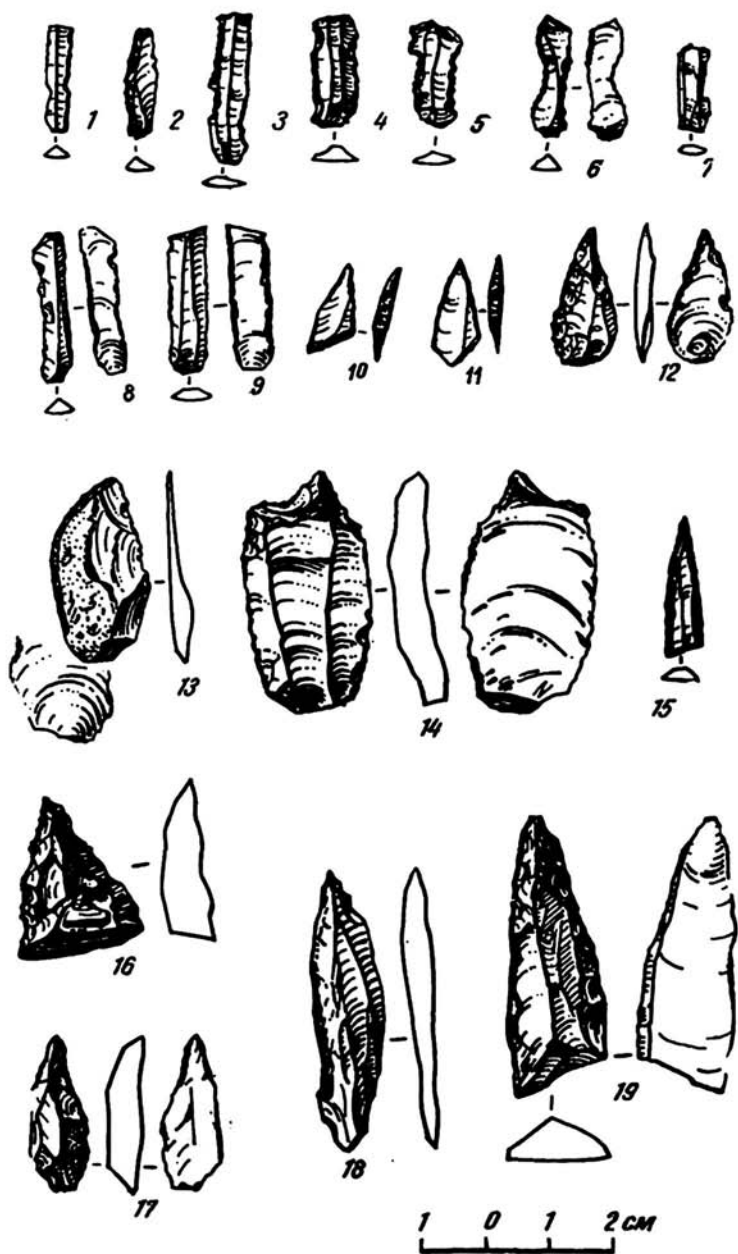

Рис. 6. Каменные орудия из стоянки Кушилиш

орудий из галек, естественных обломков доломита и заготовок средних размеров. Хотя отдельные типы орудий представлены небольшим числом экземпляров, они достаточно характерны. Однако на многих изделиях признаки, на основе которых происходило объединение в серии, устойчивы и часто повторяются.

Для Мачая типичны нуклеусы призматические (грубопризматические и микронуклеусы с торцовым скалыванием), конусовидные с круговым скалыванием, бесформенные (одноплощадочные, двуплощадочные, многоплощадочные) и нуклеусы со вторичным скалыванием (рис. 7). Упомянем следующие типы скребков: концевые скребки на грубых пластинах с ретушью по продольным краям, нуклевидные скребки высокой формы и скребки с выпуклым лезвием. Показательна группа скребел, в том числе и скребел с двусторонней ретушью.

Среди пластин преобладают грубые пластины средних размеров (рис. 8). Есть также массивные пластины обирахматского типа. Но если принять во внимание пластины с ретушью, то здесь наиболее многочисленной группой окажутся ножевидные пластины средних размеров и микропластинки.

Специфический облик индустрии Мачая придает присутствие относительно большого числа галечных предметов — отбойников, пестов, наковален, терочников, гладилок и орудий из естественных обломков доломита. Тем не менее, как уже было подчеркнуто выше, в Мачае очень мало орудий, близких к чопперам, чоппингам, а также орудий из галечных отщепов. Галечные отщепы в коллекции Сурхандарьинского памятника не составляют и десяти экземпляров. Только один нуклеус изготовлен из гальки. Для нуклеусов древние обитатели Мачая выбирали обломки доломита и кремня. Своеобразие индустрии Мачая придают костяные изделия.

По технике и типологии орудия Мачая могут найти свое место среди памятников позднего, а точнее финального мезолита. Такой вывод подтверждается и радиоуглеродной датой.

Таким образом, указанные три комплекса памятников Узбекистана отличаются друг от друга территориально, хронологически и по облику индустрий.

Для индустрий ферганского комплекса характерна сильная микролитоидность в сочетании с грубыми пластинками, отщепами и галечными орудиями. По этому признаку ферганский комплекс, особенно его горная индустрия, приближается к сурхандарьинскому. Однако сам ферганский комплекс неоднороден. Различие между равнинной и горной индустриями весьма существенно. Поэтому логичней говорить о ферганском территориальном комплексе. С другой стороны, «галечный элемент» горной индустрии Ферганы не эквивалентен галечному элементу сурхандарьинского комплекса.

В Обишире гальки являлись основным сырьевым материалом. Во всяком случае, орудия средних и крупных размеров делались из галечных отщепов и пластин. Что касается Мачая, то здесь гальки использовались не как исходное сырье, а шли в дело часто без

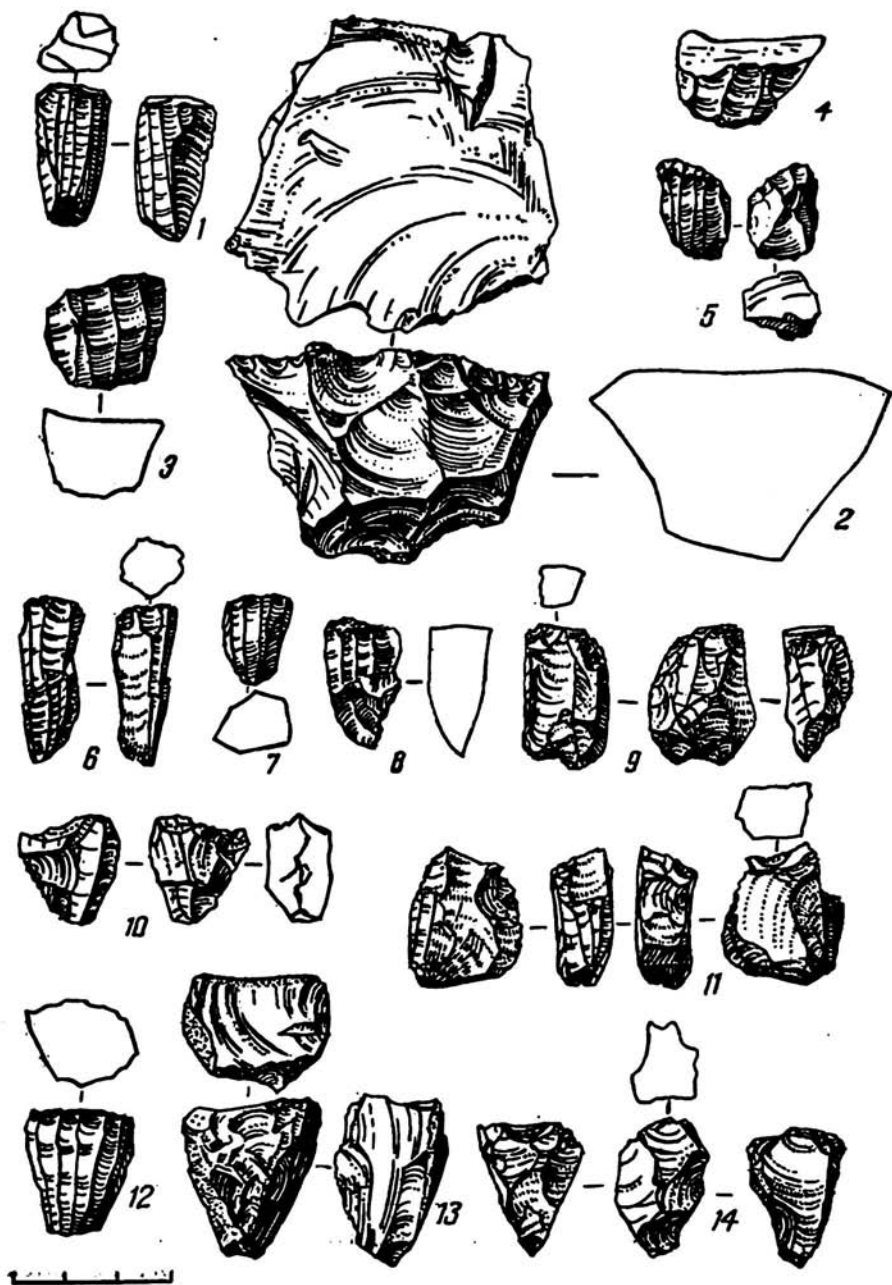

Рис. 7. Нуклеусы из пещерной стоянки Мачай

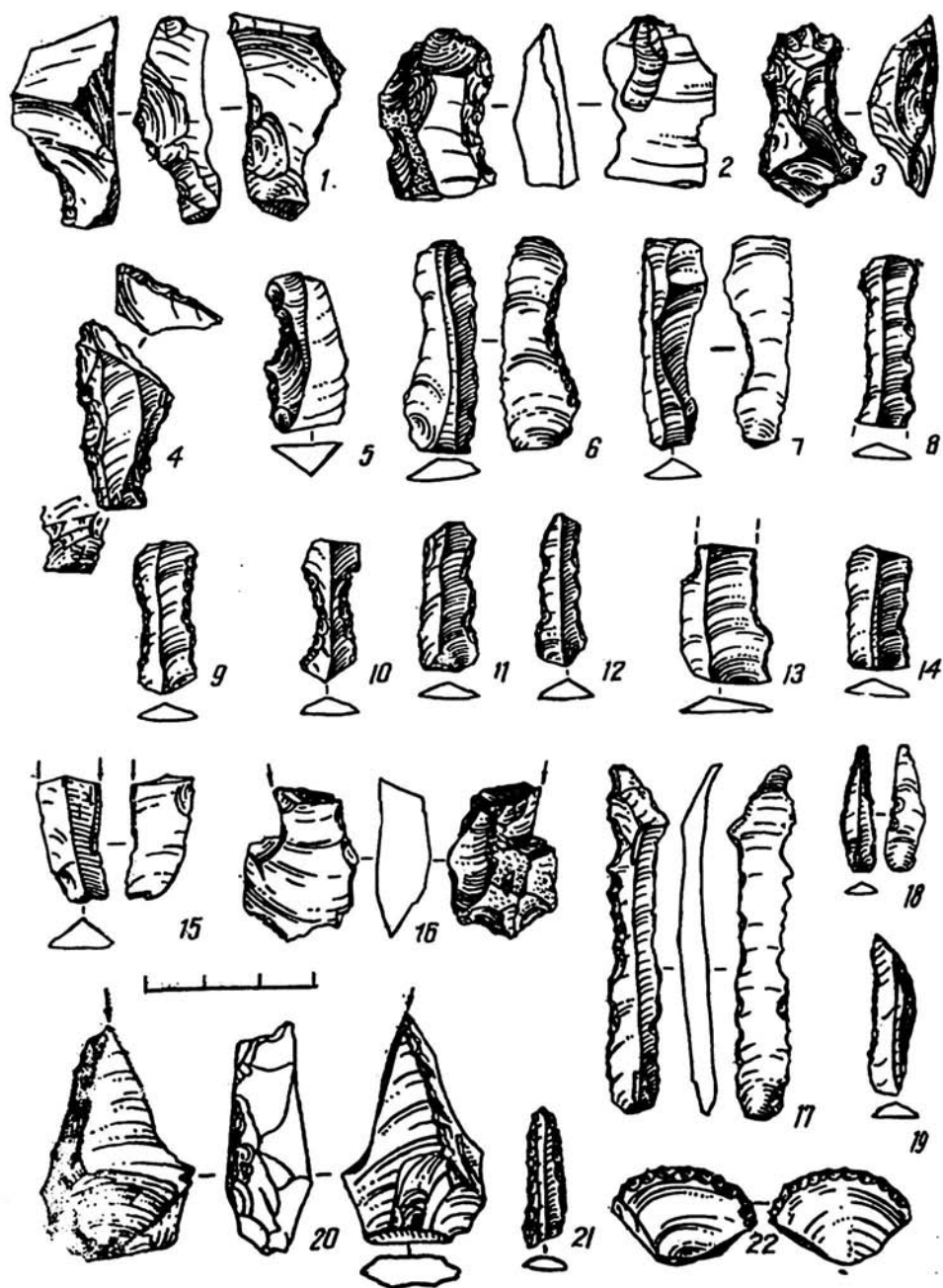

Рис. 8. Пластинки, скребки, острие и резцы из пещерной стоянки Мачай

предварительной обработки. Поэтому галек со следами раскалывания в индустрии Мачая очень мало. Нет в сурхандарьинском комплексе геометрических форм, которые присутствуют (хотя и в небольшом количестве) в Ташкумыре и равнинных памятниках Ферганы. В этом смысле индустрия Обишира сближается с индустрией Мачая. Близость их обнаруживается и в отношении количества и особенностей отделки микропластинок, пластин средних размеров, а также типов нуклеусов, скребков. Нехарактерны для обеих индустрий долотовидные орудия и резцы.

Мало общего у горных индустрий с индустрией ташкентского комплекса. Их разделяет не только большой промежуток времени, но также характер сырья, техника раскалывания и вторичной обработки и набор орудий. Своеобразием Кушилиша является наличие геометрических форм. В этом смысле он приближается к равнинным памятникам Ферганы, а также горному памятнику — Ташкумыру.

Мы уже сказали, что выделенные нами комплексы имеют прежде всего территориальный характер. Означает ли это, что расположенные в одном районе памятники должны быть близки и культурно? Другими словами, можно ли говорить о сходстве равнинных и горных индустрий того или иного района?

Если, например, у равнинных памятников Ферганы много общего друг с другом, с горным памятником Ташкумыр, то мы видим мало сходства между горными стоянками Ферганы, то есть Обиширом и Ташкумыром. Следовательно, выделяя в ферганском комплексе две индустрии — горную и равнинную, мы предполагаем в первую очередь их территориальную, а не культурную близость. Однако целесообразно выделить ферганский равнинный вариант именно по культурным признакам.

Нам кажется, что при выделении локальных вариантов надо руководствоваться не только территориальным принципом, но и функциональным, понимая этот термин в широком смысле слова. Речь идет о своеобразии самой деятельности первобытных людей в условиях такого района, каким является Ферганская долина с ее равнинными и горными участками. Один и тот же человеческий коллектив мог одновременно занимать различные экологические ниши, что, безусловно, отражалось на облике его индустрии. Но поскольку выделение вариантов, а также культур осуществляется главным образом типологическим путем, то в случае четко выраженного характера индустрии их надо выделять, основываясь на культурном сходстве. В принципе возможно объединение ферганских равнинных стоянок с горным памятником Ташкумыр.

Мы уже вплотную подошли к вопросу о причинах, обусловивших специфичность рассматриваемых здесь индустрий и комплексов, а в равной мере и о природе «сходных черт», объединяющих отдельные из них. Это сложный вопрос, и нет возможности рассмотреть его в данной работе обстоятельно.

Так, если мы указываем на сходство пластин с ретушью по продольным краям или с выемками, а также некоторых категорий нуклеусов, скребков и других изделий, то данное сходство имеет скорей технико-функциональный, чем культурный характер. И в самом деле, нет ничего удивительного в том, что близкие пластины с выемчатыми краями встречаются в самых различных индустриях как мезолита, так и неолита. Очевидно, здесь мы имеем дело с орудиями по обработке кости и дерева, т. е. скобелями, а следы износа во всех случаях примерно одинаковы. Ясно также, что чем хуже первичный материал, тем больше в коллекции отщепов и пластин грубых очертаний и аморфных нуклеусов.

Культурное сходство обнаруживается прежде всего в количестве и характере оформления отдельных (руководящих) типов орудий, в частности геометрических микролитов, пластинок и острий с притупленным краем, с косоретушированными концами и др. Но когда заходит речь не просто о культурном облике определенной индустрии, а ее локальных особенностях, то мы должны принимать во внимание всю совокупность возможных причин. Например, отсутствие в Мачае галечных орудий на отщепах и типа чопперов и чоппингов нельзя объяснить какой-то традицией. Обитатели пещеры просто не испытывали в них необходимости, но, быть может, не вообще, а на отдельном этапе своей жизни, который и зафиксирован в культурных остатках обоих слоев.

В итоге можно сказать следующее. Исходя из имеющихся сведений о мезолите Узбекистана, можно выделить ряд опорных памятников как основу будущих локальных комплексов. Предложенные нами ферганский, ташкентский и сурхандарьинский комплексы имеют хронологическое, территориальное и культурное обоснование. Расчленение памятников ферганского мезолита произведено по культурно-территориальному принципу. В дальнейшем разделение комплекса Ферганы, возможно, будет осуществлено другим путем, с учетом преимущественно признаков сходства и различия культурного порядка. Наконец, учет своеобразия индустрии Мачая, принимая во внимание всю совокупность причин, а не только ее типологию, позволит нам придти к наиболее правильному выводу относительно хронологии этой пещеры, и может оказаться в итоге, что экология и специфика хозяйственной деятельности древних обитателей Мачайдарьи оказали влияние на культурный облик индустрии и стали причиной консервации отдельных древних технических традиций. Все это способно объяснить достаточно поздний возраст стоянки.

Г. Н. МАТЮШИН

О МЕТОДАХ КЛАССИФИКАЦИИ МАССОВОГО ИНВЕНТАРЯ ПАМЯТНИКОВ КАМЕННОГО ВЕКА (ВЕРХНИЙ ПАЛЕОЛИТ — ЭНЕОЛИТ)

Классификационные задачи в той или иной мере практически присутствуют в каждой археологической работе. Однако проблемы классификации еще далеки от своего разрешения. Пожалуй, ни в одной области археологии нет более запутанных вопросов, чем в классификации. В последние годы повсеместно возросли масштабы археологических полевых работ. В результате поток массового инвентаря интенсифицировался и проблема его классификации стала еще более острой.

В литературе все чаще стала замечаться тенденция обойти полную обработку всех данных и ограничиться только выборочным анализом отдельных вещей. Не случайно в работах вместо точных данных о количестве находок той или иной группы памятников зачастую стали использоваться термины «много», «мало», «еще меньше» и т. п. Все чаще выводы глобального масштаба стали строиться лишь на основе рассмотрения единичных раритетов вместо тщательного анализа всей совокупности находок. Эта тенденция вызвала решительное осуждение археологов¹. Однако это не решило проблемы.

Некоторые авторы пришли к заключению, что решения проблемы обработки археологических материалов можно достигнуть лишь при полной математизации археологии. Они считают, что применение современных вычислительных устройств в археологии сдерживается лишь только отсутствием формализации методов археологического исследования. Только математизация, по их мнению, может обеспечить широкое применение информационно-поисковых систем. Использование последних, по их мнению, возможно «только при обязательном соблюдении одного условия: информация, вводимая в них, должна быть представлена в виде логических и математических символов и операций»². «Доведение отдельных шагов исследования до вида четкой логико-математической модели имеет самостоятельное значение, как средство устранения субъективизма в обращении с исходным материалом»³.

¹ См., например: В. П. Л ю б и н. К вопросу о методике изучения верхнепалеолитических орудий, МИА, вып. 131, 1965, стр. 12—13.

² Б. А. К о л ч и н, Б. И. М а р ш а к, Я. А. Ш е р. Археология и математика, в сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии», М., 1970, стр. 4.

³ Там же, стр. 6.

Несмотря на бесспорно выдающееся значение современных электронно-вычислительных устройств и других информационно-поисковых систем, они все же являются вспомогательными устройствами и сами по себе не могут ни решить проблемы классификации, ни, тем более, «устранить субъективизм» в науке.

Это ни в коей мере не означает, что мы выступаем против ЭВМ и других современных счетно-решающих устройств. Наш опыт их применения свидетельствует об огромной эффективности использования ЭВМ в археологии. Но современные электронно-вычислительные машины обладают настолько совершенными дополнительными устройствами, что могут вводить данные в машину прямо с полевой картотеки, суммировать, проводить корреляцию, сортировку и выдавать готовые хронологические и типолого-классификационные корреляционные таблицы без какой бы то ни было предварительной математизации и формализации.

В качестве примера приведем характеристики некоторых из таких машин. Машина ЭЛЛИОТ-503, полностью полупроводниковая, дополнена магнитными лентами, оборудованием для перфокарт, устройством для автоматического вычерчивания графиков. Емкость основной и буферной памяти на ферритовых сердечниках (не считая магнитные ленты) 131 000 слов (ячеек), каждое из которых состоит из 41 единицы двоичного разряда. Система 4—50 имеет емкость памяти от 65 536 до 262 144 байтов⁴. Полный цикл памяти для двух байтов — 1,4 мкс. Более мощная машина, применяемая в нашей стране — система 4—70. Минимальная емкость оперативной памяти 65 536 байтов, добавочные модули повышают ее до 1 048 576 байтов.

Все указанные машины имеют печатающие устройства и трансляторы; в них можно вводить информацию с печатной машинки и получать таблицы с машины, напечатанные со всеми заголовками, как бы это сделала любая пишущая машинка. Скорость печатных устройств системы 4—70 1350 строк в минуту при 160 знаках в строке. Машины снабжены условными кодами-языками КЛЕО, КОБОЛ, ФОРТРАН, АЛГОЛ, АПТ и т. п., позволяющими упростить систему программирования. Кроме того, машины и их системы укомплектованы стандартными программами, позволяющими автоматически конструировать модели научных и экономических проблем, сортировать по тому или иному принципу массовый материал; суммировать его, располагать комплексы в хронологическом порядке при наличии схемы-шапки с расположенным в порядке хронологии списке изделий и т. п. Иными словами, современными машинными устройствами полностью устраняется необходимость формализации и математизации массового инвентаря в археологии — все это автоматически делает электронно-вычислительная

⁴ Каждый байт состоит из 8 битов (двоичных разрядов) и добавочного разряда для проверки четности. Для арифметических действий, которыми манипулирует большинство задач по археологии, один байт может содержать два десятичных разряда.

машина при решении тех или иных задач систематизации археологического материала и других данных.

Для того, чтобы построить достаточно верную модель явления, нужно прежде всего исследовать, проанализировать его и на этой основе выделить те черты, которые и будут отражены в математической модели. Математизация должна основываться на конкретном диалектическом анализе конкретного явления. Иначе она может оказаться беспочвенной и ничему не соответствующей. Следовательно, сама по себе математизация не избавляет от субъективизма. Суть не в моделировании, а в том, насколько объективно проанализированы факты. Конкретный первичный анализ готовит то зерно, которое перерабатывается на математической мельнице.

В связи с этим хочется напомнить приведенное недавно в «Правде»⁵ выражение акад. А. Н. Крылова о том, что математика подобна мельнице: какое зерно насыплешь, такую муку и получишь. Если жернова математического метода применить к глупости, то получится глупость, как правило, еще большая. Уместно и другое его предложение не употреблять математические термины подобно украшениям.

Следовательно, степень объективности построений прежде всего определяется точностью и объективностью первичной классификации археологического материала.

По мнению Б. А. Колчина, Б. И. Маршака и Я. А. Шера, классификация может быть представлена в виде алгоритма упорядочения матрицы из нулей и единиц по заданному правилу⁶.

Под алгоритмом понимают точное предписание о выполнении в определенном порядке некоторой системы операций, ведущих к решению задач данного типа. Простейшими примерами алгоритмов являются правила арифметических действий: сложения, умножения, вычитания и т. п. По существу с алгоритмом мы имеем дело всегда, когда обладаем средствами решать ту или иную задачу в общем виде, т. е. для целого класса варьируемых условий. Алгоритм — система формальных предписаний.

По мнению Я. А. Шера, способы построения алгоритмов исторической интерпретации — дело более отдаленного будущего, нежели алгоритмизация задач источниковедческого характера. Он выделяет следующие единицы классификации: предметы, объекты и признаки. К первым он относит любые взятые отдельно вещи, ко вторым — некие совокупности вещей, связанных определенными отношениями. Те свойства предметов, объектов и памятников, которые могут быть установлены объективным способом и описаны конечным набором слов, цифр и граф, названы им признаками⁷.

⁵ «Правда», 24 ноября 1972 г.

⁶ Б. А. Колчин, Б. И. Маршак, Я. А. Шер. Археология и математика, стр. 6.

⁷ Я. А. Шер. Интуиция и логика в археологическом исследовании (к вопросу о формализации типологического метода археологии), сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии», стр. 8—24.

Но предлагая свои классификационные единицы, Я. А. Шер приходит к заключению, что «пока представляется неразрешимой задача указать отдельные требования, которым должны удовлетворять такие общие для различных случаев критерии, по которым можно было бы проверить, удовлетворяют ли выделенные признаки заданным требованиям. Для многих свойств археологических источников в настоящее время невозможно указать на достаточно удовлетворительный алгоритм членения исходной совокупности материала до уровня признаков. Думается, что в ближайшее время задача останется неразрешенной, если она вообще разрешима современными средствами».

Он пишет, что при существующей системе классификации, как и при использовании предлагаемых им единиц классификации, первичное описание материала и членение его на признаки происходит целиком интуитивно. Проблема оценки веса признаков, по его мнению, тоже в значительной мере реализуется интуитивно⁸.

М. Ю. Брайчевский⁹ предлагает модернизировать метод В. А. Устинова¹⁰ и Я. А. Шера¹¹, дополнив его системой Э. Ф. Скороходько. В. А. Устинов и Я. А. Шер предлагали математизировать обработку археологического инвентаря, применяя формулу $X = (a, b, c, \dots, p)$, где X — явление, а a, b, c и т. п. — признаки, которыми он описывается. Справедливо заключая, что этот метод громоздок, не позволяет выявить внутренние связи, М. Ю. Брайчевский предлагает использовать формулу Э. Ф. Скороходько¹², обозначая буквой X понятия и предметы, а буквой R отношения. При этом термин «городище» можно изобразить формулой $X_1 = R_1 X_2, R_2 X_3$, где X_1 — городище, X_2 — поселение, X_3 — оборонительное сооружение, R_1 — быть постоянным членом класса, R_2 — иметь в своем составе и т. п. Термины он предлагает заменить цифрами для удобства математизации¹³. Так, в его библиографической задаче палеолит обозначается как 004, нижний палеолит — 014, средний палеолит — 015, дошель — 037, шель — 040, ашель — 041 и т. п.

Формулами, составленными из таких и более дробных цифровых и буквенных кодов, программируются исходные данные, затем они вводятся в машину, считаются и т. д. При всем этом довольно условные формулы он относит к конъюнкциям¹⁴ или дизъюнкци-

⁸ Там же, стр. 10—11.

⁹ М. Ю. Брайчевский. Методы формализованного представления археологической информации, сб. «Статистико-комбинаторные методы в археологии», стр. 53—58.

¹⁰ В. А. Устинов. Применение электронно-вычислительных машин в археологии. Методы естественных и технических наук в археологии, М., 1963; Он же. Применение вычислительных машин в исторической науке, М., 1964.

¹¹ Я. А. Шер. О создании кибернетического фонда археологических источников с автоматическим поиском информации МИА, вып. 129, 1966.

¹² Э. Ф. Скороходько. Информационный язык для технических наук, Киев, 1962.

¹³ М. Ю. Брайчевский. Археология и кибернетика, «Археология», 1972, № 5, Киев.

¹⁴ М. Ю. Брайчевский. Методы..., стр. 54.

ям¹⁵. Как известно, к конъюнкции относят логические операции, образующие сложное высказывание из двух, объединенных союзом «И» (символическая запись АЛД, читаемая как А и В). Но непременным условием всякой конъюнкции является следующее: конъюнкция истинна только тогда, когда истинны все входящие в него высказывания и ложна во всех остальных случаях.

Можно ли быть уверенным при существующей системе классификации, что все составные элементы предлагаемых конъюнкций истинны? Конечно, нет. Следовательно, отнесение к конъюнкциям заведомо неправомочных и ложных построений может только осложнить и без того путанное положение с обработкой массового материала. Скорее подобные построения можно отнести к дизъюнкциям, но и то с большей или меньшей долей оговорок, и дизъюнкции требуют истинности хотя бы одного из входящих в них высказываний, ибо в данном случае сложное высказывание объединяется с помощью логического союза «ИЛИ», соответствующего при нестройной дизъюнкции неразделительному значению «ИЛИ» и разделительному — в строгой дизъюнкции. Как мы уже видели из заключений Шера, вряд ли можно надеяться на объективность входящих в подобные формулы составных элементов при существующей системе интуитивных методов классификации.

Следовательно, и предлагаемую М. Ю. Брайчевским систему, и методы классификации археологического инвентаря вряд ли можно считать унифицированным «средством устранения субъективизма в обращении с исходным материалом». Скорее можно придти к обратному заключению.

Ж. К. Гарден, отметив, что основной недостаток археологических исследований состоит в том, что один и тот же материал анализируется много раз и в разное время различными исследователями, причем как сами описания, так и теоретические построения разных исследователей отличаются коренным образом, предложил перейти к более рациональным методам хранения и использования информации — к перфокартотекам. Он разработал методику описания археологических материалов — расположение предмета в определенную позицию по отношению к наблюдателю, выделение морфологических черт, связанность с функцией предмета, разработка словаря признаков, составление кода, где все многообразие типов выражается комбинацией простых черт, объединенных различным образом и т. п.

Ставится цель — на основании ряда специальных кодов разработать универсальный язык анализа археологического описания. Однако нельзя не отметить сложность и необъятность подобной задачи. Кроме того, Гарден за основу классификации берет морфологию, что явно недостаточно. Причем, работы Марсельского цент-

¹⁵ М. Ю. Брайчевский. Методы..., стр. 54; Он же. Археология и кибернетика, «Археология», т. XXI, 1968; «Археология», 1972, № 5, стр. 41—52.

ра анализа археологических источников¹⁶ сосредотачиваются на материалах античных памятников (разработан проект кода для анализа римских мозаик, критских монет и т. п.) и не касаются интересующего нас инвентаря памятников каменного века.

А между тем, именно в области исследования инвентаря памятников первобытного общества наблюдается наибольший разноречивостью в таксономии и классификации. В различных работах часто под одним и тем же термином публикуются совершенно различные вещи, и, наоборот, под разными терминами выступают одни и те же изделия. Все больше исследователей обращает внимание на то, что отсутствие единых принципов систематики археологических материалов сильно тормозит развитие исследований в области первобытной археологии. Многие авторы¹⁷ считают, что сейчас трудно, а порой просто невозможно использование работ прошлых лет из-за разноречивости в терминологии.

Все это и сдерживает применение современных вычислительных средств в археологии.

Общеизвестны многочисленные попытки выработать единый типологический индекс. Наибольшую известность из них получили работы Ф. Борда¹⁸. Для позднепалеолитических комплексов Молдавии подобный список составил А. П. Черныш¹⁹, для неолита Средней Азии — Г. Ф. Коробкова²⁰, для макролитической индустрии Крыма — Л. Г. Мацкевой²¹ и т. п. Все они представляют определенную ценность, но все же не решают проблему обработки

¹⁶ J. C. Gardin. Centre d'analyse documentaire pour l'archeologique, Paris, 1958; J. C. Gardin. Methods for the descriptive analysis of archaeological materials, American antiquity, vol. 32. 1967, No. 1; J. C. Gardin. On a possible interpretation of componential analysis in archeologie, American Anthropologist, 1967, No. 2; J. C. Gardin. Four codes for the description of Artifacts. An essay in archeological technique and theory, American Anthropologist, No. 60, 1958, p. 335—357; В. Б. Ковалевская. Центр анализа археологических источников во Франции, «Статистико-комбинаторные методы и археологии», М., 1970, стр. 211—216.

¹⁷ M. H. Brezillon. La denomination des objets de pierre taillees. Materian pour un vocabulaire des prehistoriens de langue francaise, Paris, 1968; В. Валсер. О stanie i potzzebach w zakrsic Badan krzemieriazstwa Neolitu c wezesng. Epoki bronzu. Wiodomosci archeologierne Bulletin archeologiau Polnais, t. XXXVI, 1971.

¹⁸ Ф. Борд предложил несколько списков. Первый вариант предложен им в «Принципах единого метода изучения техники расщепления камня и типологии древнего и среднего палеолита» (стр. 26); второй — им же в сотрудничестве с М. Бургоном в статье «Мустьерский комплекс: мустье, леваллуа и тейяк» (стр. 3); третий — Ф. Бордом в работе «Четвертичные лессы бассейна Сены» (стр. 18); окончательный — в работе «Местонахождение Пеш де л'Азе (Дордонь)» (стр. 432, 445); F. Bordes. Typologie du paleolithique ancien et moyen. Memoire No. 1, Bordeaux, 1961.

¹⁹ А. П. Черныш. О номенклатуре позднепалеолитических орудий, КСИА, вып. 111, 3.

²⁰ Г. Ф. Коробкова. Орудия труда и хозяйство неолитических племен Средней Азии, МИА, вып. 158, Л., 1969.

²¹ Л. Г. Мацкевой. Опыт типологической классификации микролитической индустрии Крыма, СА, 1971, № 1, стр. 3—18.

массового археологического инвентаря, так как и Ф. Борд, и его последователи в большинстве случаев предлагают не систему классификации, а лишь список типов, встречающихся в том или ином регионе в ту или иную эпоху. Вместо того, чтобы как-то упорядочить систему классификации, все эти списки пытаются вместить все многообразие вещей в единый список типов. Типо-листы не учитывают, как правило, вариации внутри каждого типа, многие типы-эталонны представляют собой группу более или менее близких типов, функциональное назначение каждого из которых может быть различным.

Обилие типов, с одной стороны, делает типологические списки настолько громоздкими, что сравнивать комплексы по ним очень трудно, а с другой стороны, сами типы-эталонны настолько широки, что за ними скрываются многие важные для сравнения детали формы, особенности обработки и другие очень существенные признаки древней материальной культуры.

Видимо, необходима система классификации, с одной стороны, более гибкая и компактная, не настолько громоздкая, чтобы быть необозримой, а с другой стороны, учитывающая не только типы орудий, но и их варианты и даже атрибуты — особенности формы, техники обработки и другие детали внутри каждой единицы. Такая система должна позволять проводить сравнения всего инвентаря, всех комплексов в целом, и в то же время она должна учитывать все мельчайшие особенности каждой вещи. Следовательно, основная задача состоит не в составлении всеобъемлющего списка всех изделий, всех типов инвентаря. Такой список вряд ли когда-нибудь будет всеобъемлющим, так как невозможно заранее учесть все особенности деталей ручного производства, все вариации внутри каждого типа изделий.

Задача состоит в разработке единых принципов общей классификационной системы, унификации таксономии и методов классификации археологического инвентаря. Общая классификационная система должна обеспечить единое понимание любой таксономической единицы. Только такая унифицированная классификационная система может обеспечить условия для сравнения комплексов на объективной основе. Слов нет, создание такой классификационной системы дело всех специалистов, и оно потребует длительного времени.

При создании классификационной системы важно определить основные принципы ее построения. Большинство специалистов полагает, что основа классификации — «тип». Но что такое «тип»? Каковы критерии, предъявляемые к этой основной, по мнению большинства, таксономической единице? Мнения по этому вопросу расходятся. Имеются два противоположных представления о том, что такое тип. Одни считают его явлением реально существующим и исторически обусловленным²², другие считают тип субъективным

²² F. Hole, R. Heizev. An Introduction to Prehistoric archaeology, No V, 1965; Neustuphy. Concrete and abstract typological series. Epitombion Roman Haken, Praha, 1958.

-инструментом, -средством изучения, -которое привносится исследователем в непрерывно развивающуюся область материальной культуры²³.

На пленуме Института археологии 1972 г. был заслушан ряд докладов на эту тему, но решение проблемы осталось таким же далеким как и было. Единого мнения по поводу определения «типа» так и не было сформулировано, следовательно, суть основной единицы типологической системы осталась не ясна, и сама система типологии осталась без четкого фундамента. На современном уровне исследования, как мы уже отмечали, видимо, невозможно все многообразие предметов материальной культуры втиснуть в жесткие рамки единого «типа». Нужна система, которая позволяла бы вместить в себя разные по своему значению и объему таксономические единицы. Очевидно, что такая система должна давать возможность исследователю проводить комплексные сравнения на разных уровнях анализа, как на более общем, так и на более детализированном. Следовательно, система должна иметь несколько разнопорядковых единиц, каждая из которых соответственно должна занимать более высокое или более низкое положение в системе.

Предлагаемая нами классификационная схема не претендует на то, чтобы стать такой единой классификационной системой, она лишь имеет цель послужить исходным пунктом для дискуссии по этому поводу.

Основными таксономическими единицами предлагаемой нами системы²⁴ классификации являются категория, группа, класс, тип,

²³ J. Ford. On the Concept of Types. *American Anthropologist*, V, 56. 1954; G. R. Willey. *P. Philleps Method and theory in American Archaeology*, Chicago, 1958.

²⁴ Основные принципы излагаемой здесь системы классификации впервые предложены автором в диссертации «Мезолит и неолит Башкирии» (см.: Г. Н. Матюшин. Мезолит и неолит Башкирии, автореферат канд. дисс., М., 1964, стр. 4), отдельные моменты системы характеризовались в статьях: Г. Н. Матюшин. Стоянки с микролитическим инвентарем в горной Башкирии, КСИА, вып. 97, 1964, стр. 67—68; Он же. О нижневолжских микролитах, СА, 1968, № 2, стр. 238; Он же. Раскопки неолитических поселений Урала, КСИА, вып. 117, М., 1969, стр. 100. Позднее появились работы аналогичного характера за рубежом (см., например: H. L. Movius, Jr. N. C. David. H. M. Bricker, R. B. Clay. *The analysis of certain major classes of Upper Paleolithic tools*. Cambridge (Mass.), 1968 (3), 58 p. with ill (American school of prehist. research. Peabody museum, Harvard Univ. Bull. No. 26). К сожалению, ни в одной из зарубежных работ не излагается система классификации археологического инвентаря. В 20-е годы попытку составить систему классификации кремневого инвентаря предпринимал В. А. Городцов (см.: В. А. Городцов. Археология, т. I, М., 1925). Однако предложенная им система опиралась на трудноопределимые признаки функций находок и поэтому не была принята. Общая схема предлагаемой здесь системы изложена в тезисах (см.: Г. А. Матюшин. К вопросу о методах классификационного анализа пластинчатых изделий, «Тезисы докладов на секциях, посвященных итогам полевых исследований 1971 г.», М., 1972, стр. 336—339; Он же. К вопросу об основных принципах единой таксономической системы и применения ЭВМ в археологии, «Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР», Ташкент, 1973, стр. 70—73.

вариант (вид). Каждая единица систематики имеет специфические признаки для ее выделения. Место каждой таксономической единицы определяется степенью обобщения признаков. Чем больше предметов суммирует основной признак, тем выше порядок таксономической единицы.

Высшей единицей систематики является категория, для выделения которой основным признаком служат дискретные свойства находок. Категории подразделяются на группы, различающиеся первичной обработкой или характером исходной заготовки. Внутри группы выделяются классы, основным критерием для выделения которых служат особенности вторичной обработки и предполагаемая функция изделий. Классы складываются из типов, подразделяемых на варианты (виды). Типы рассматриваются аналитически как группировка определенных существенных признаков (атрибутов). Признаки выделяются на основе аналитической кодификации реально существующих и точно измеренных вариаций внутри каждой специфической группы изделий. Типообразующими являются признаки морфологического порядка. Варианты (виды) различаются деталями орнаментальной композиции и другими особенностями частной морфологии.

По своим дискретным свойствам (по материалу) инвентарь любого памятника можно разделить на пять категорий: 1) изделия из камня; 2) керамика; 3) кость; 4) металл; 5) предметы из дерева и других материалов.

Каждая из них, в зависимости от различий в первичной обработке, может быть в свою очередь подразделена на группы. Так, керамика делится на группу гончарной и лепной. Изделия из камня — на ножевидные пластины и изделия из них, нуклеусы и продукты их подправки, отщепы и изделия с двусторонней обработкой, гальки с обработкой и шлифованные орудия, камни с резьбой.

В зависимости от стиля вторичной обработки ножевидные пластины, могут быть подразделены на классы: пластины с боковой ретушью (геометрические формы), скребки, наконечники стрел и т. п. Класс пластин с боковой ретушью в свою очередь делится по морфологии на типы: трапеции, треугольники, сегменты и т. п. Каждый из них подразделяется на варианты (виды), например, трапеции с боковой выемкой, трапеции симметричные без выемки, трапеции высокие, низкие, асимметричные и т. п. (рис. 1).

Предлагаемая классификационная система предусматривает несколько уровней сравнения. Каждый из них определяется конкретными целями исследования. Они могут быть как более общими (на уровне категорий, групп, классов), так и более детализированными (на уровне типов, вариантов и их основных признаков).

Общие уровни классификации предназначены для сравнения большого количества комплексов в целом, для выявления общих хронологических и локальных зон, областей, культур, эпох, периодов и т. п.

Детализированный анализ предназначен для выявления раз-

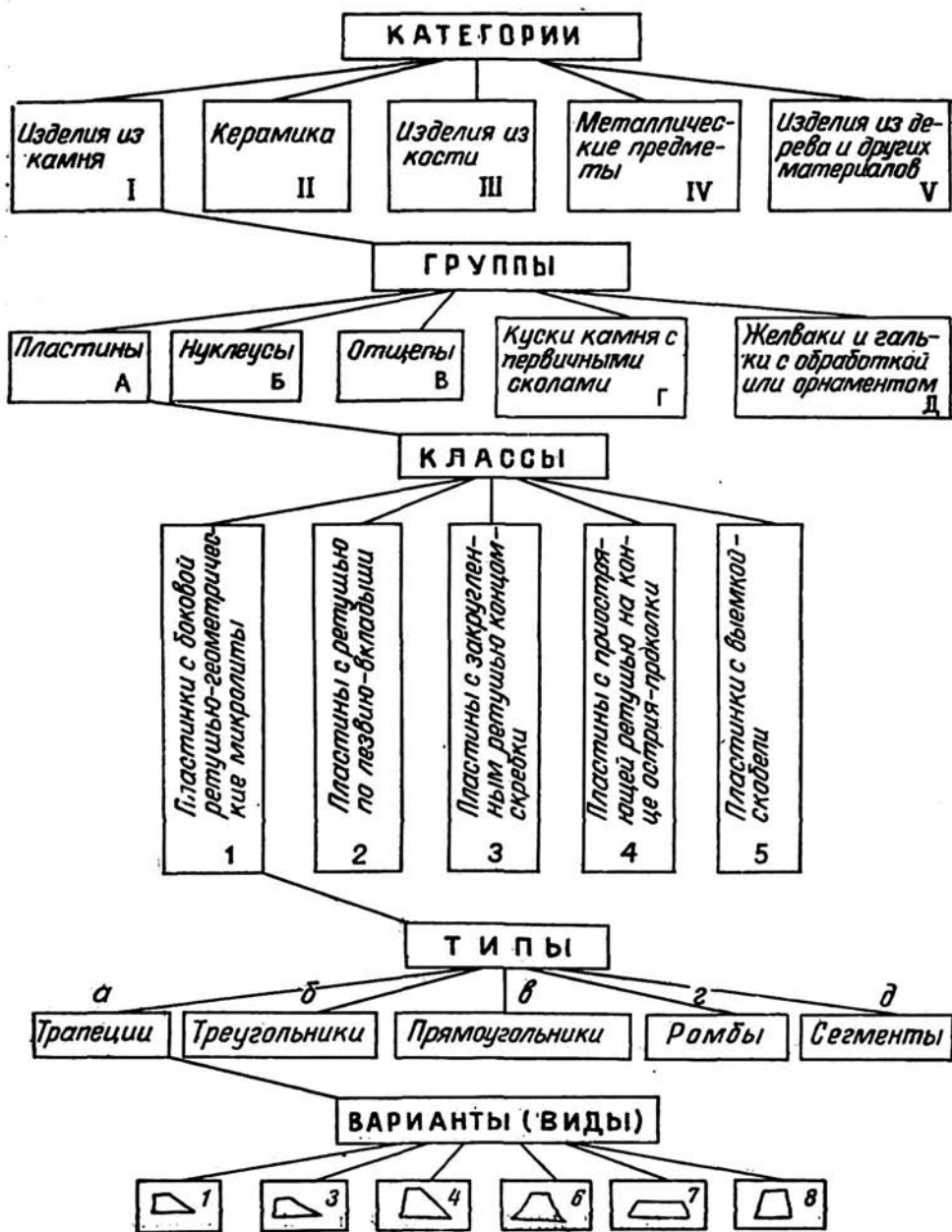

Рис. 1. Общая схема классификации археологического инвентаря

личий между отдельными локальными группами. По той или иной территории изучается эволюция развития отдельных типов инвентаря на протяжении более или менее длительных периодов. В процессе детализированного анализа выявляются признаки, позволяющие относить то или иное изделие к тому или иному варианту, типу, классу.

Решающее значение в системе классификации имеет определение основных признаков. От того, насколько правильно и точно они будут определены, зависит точность классификационного анализа. Следует иметь в виду, что, в отличие от существующих методов типологического анализа, предлагаемая система основывается не на интуиции исследователя, а стремится найти иные, более точно измеряемые критерии для выделения категорий, групп, классов и типов инвентаря.

Остановимся на признаках и методах их определения несколько подробнее, ибо, в конечном счете, единое понимание всеми исследователями таксономических единиц возможно только при общепринятых, точно фиксируемых признаках и четких единообразных методах их определения.

Категории. Классификация по категориям не представляет особых затруднений, так как даже совершенно неподготовленный человек может довольно легко отличить, например, изделие из камня от изделия из дерева, керамику от металла и т. п. Сложнее провести классификацию на уровне групп, т. е. определить первичную заготовку, в нашем примере — изделий из камня.

Группы. Начиная с позднего палеолита, исходными заготовками изделий из камня в большинстве случаев служили либо отщепы, либо пластины. Доля тех или иных исходных заготовок, начиная с мезолита, может служить своеобразным хронологическим индикатором. Поэтому важно четко определять различия пластин и отщепов.

Под пластинами нами понимаются изделия из камня с более или менее параллельными краями и гранями, длина которых превышает их ширину не менее, чем в два раза. Сломанные или сильно сработанные фрагменты относятся к пластинам, если они имеют четкое сходство с теми экземплярами в серии, которые отвечают указанным выше признакам. Пластины рассматриваются правильными или регулярными, если они, мало изменяясь в ширину и толщину по всей своей длине (исключая их окончания), имеют на спинке параллельные, дивергентные или конвергентные грани. Пластины называются неправильными или иррегулярными, если их стороны заметно непараллельны или их толщина сильно варьирует.

Некоторые авторы выделяют еще «пластины» и «пластинки», например Тиксье²⁵. Однако предложенные им метрические соотноше-

²⁵ J. Tixier. *Typologie de L'Épipaléolithique de Maghreb. Mémoires du Centre de Recherches Anthropologiques Préhistoriques et Ethnographiques*, t. 2, 1963, p. 38.

ния (в основном по величине сечения) для разделений пластин и пластинок представляется нам мало обоснованным, хотя автор считает, что такое подразделение является внутренне присущим для позднехалколитических комплексов.

К отщепам относятся изделия из камня, длина которых не превышает ширину более, чем в два раза. Правильность, толщина, форма и сложность граней может быть самой различной.

Кроме того, выделяется группа нуклеусов и продуктов их обработки, которую можно разделить на две подгруппы: одна из них является результатом первичного приготовления нуклеуса, вторая — результатом его позднейшего очищения и «омоложения». И та, и другая подгруппы могут быть как пластинами, так и отщепами.

Продукты первичного скалывания могут быть определены по наличию желвачной корки, показывающей, что они сняты с поверхности камня или близко от поверхности выветривания. Корка частично теряет твердость и раковитость и поэтому не может дать такого же остро и прочного режущего края, как не выветренный камень. Использование сколов с желвачной коркой может индентировать ослабление стандартов для выбора технологически совершенных заготовок, продиктованных тем или иным типом орудий или необходимостью.

Продукты омоложения нуклеуса почти или совсем не имеют корки. В эту подгруппу включаются и плоские подготовительные отщепы: отщепы, сколотые с вершины ядрища для омоложения ударной площадки, несущие старую ударную платформу на своей верхней поверхности (поперечные сколы), угловые сколы со следами коротких поперечных очищений — ребер (ребристые пластинки), снятых до того, как пластина была снята с нуклеуса, и массивные подготовительные продольные сколы, предворяющие скалывание правильных ножевидных пластин. Часть продольных сколов несет на себе четкие следы скалывания подобных же изделий, другие более аморфны и не имеют на спинке более или менее параллельных граней. Первые отличаются от ножевидных пластин только массивностью, вторые — больше напоминают отщепы. Первые нами названы продольными сколами, вторые — пластинчатыми отщепами. Продольные сколы и пластинчатые отщепы почти не имеют желвачной корки и довольно часто используются в качестве заготовок для орудий.

Таким образом, выделяются следующие подгруппы первичных заготовок: 1) травильные ножевидные пластины; 2) нерегулярные (неправильные) ножевидные пластины; 3) поперечные сколы с площадки нуклеуса; 4) краевые сколы; 5) ребристые пластинки; 6) продольные сколы; 7) пластинчатые отщепы; 8) отщепы; 9) куски.

Первые две подгруппы объединяются в группу ножевидных пластин, третья — шестая подгруппы вместе составляют группу сколов с нуклеуса, и последние три подгруппы относятся к группе отщепов.

Каждая из групп и подгрупп, кроме того, подразделяется на:

1. Пластины с параллельными сторонами. К ним относятся пластины со строго параллельными, сходящимися или расходящимися, но не более чем на 10° , сторонами.

2. Пластины с дивергентными (расходящимися) сторонами. Изделяя, стороны у которых расходятся от ударного бугорка более чем на 10° .

3. Пластины, стороны которых сходятся более чем на 10° , называются конвергентными (сходящимися).

Пластины с конвергентными и дивергентными сторонами классифицируются на пластины слегка дивергентные (или конвергентные), если стороны их сходятся или расходятся не более чем на 19° , и сильно конвергентные (или дивергентные), если стороны их расходятся или сходятся более чем на 20° .

Отщепы, в зависимости от максимального диаметра, классифицируются как крупнейшие, крупные, средние, мелкие и чешуйки.

К чешуйкам относятся отщепы, максимальный диаметр которых не превышает 1 см, к мелким отщепам — с диаметром от 1 до 3 см, к средним — от 3 до 5 см, к крупным — от 5 до 7 см, к крупнейшим — отщепы с диаметром более 7 см.

Длина ножевидных пластин играет меньшее значение, нежели их ширина, поэтому основная классификация пластин без обработки производится по следующим параметрам: очень узкие — с шириной до 0,7 см, узкие — с шириной от 0,7 до 1,5 см, средние — от 1,5 до 2,5 см и крупные пластины с шириной от 2,5 см и более (учитываются максимальные размеры).

По сечению пластины классифицируются в трех главных вариациях:

1. Треугольные, имеющие одно главное ребро на спинке. Сюда же включаются заготовки, имеющие и дополнительные, незначительно изменяющие сечение треугольника, ребра, расположенные как с одной, так и с другой стороны или по обоим сторонам главного ребра пластинки.

2. Трапециевидные — все пластины с более чем одним главным ребром на спинке, вне зависимости от того, образуют ли они точную трапецию в сечении или не образуют ее.

3. Аморфные пластины, у которых отсутствуют, как правило, четко выраженные ребра на спинке. Обычно такое сечение имеют пластины с желвачной коркой на спинке.

Классы. Основным признаком для выделения классов служит способ вторичной обработки или предполагаемая функция. Некоторые способы вторичной обработки различаются настолько отчетливо, что не нуждаются в дополнительных объяснениях. Например, отличия резцового скола и ретуши. Сложнее различить различные типы ретуши.

Классы различаются между собой характером ретуши и ее расположением. Различаются сплошная, концевая и краевая ретушь.

По месту расположения концевой ретуши выделяются, напри-

мер, класс пластин с боковой ретушью (геометрические микролиты), класс скребков, класс острий. Другие пластины различаются лишь разновидностями краевой ретуши.

Краевая ретушь простирается обычно вдоль одного или обеих лезвий пластины или отщепа, в некоторых случаях сильно видоизменяя первоначальную форму края. Важно определить: а) стиль ретуши, б) ее расположение, в) протяженность ретуши.

По стилю краевой ретуши выделяются следующие разновидности²⁶: 1) тонкая, 2) крутая (грубая), 3) скребковая, 4) чешуйчатая, 5) ступенчатая, 6) плоская, 7) зазубривающая (рис. 2, 3—10).

К тонкой относится крутая, нанесенная почти под прямым углом к брюшку, ретушь. Такая обработка делает край прямее и круче, но она незначительно заходит за него, оставляя лезвие пластины острым и пригодным для резания.

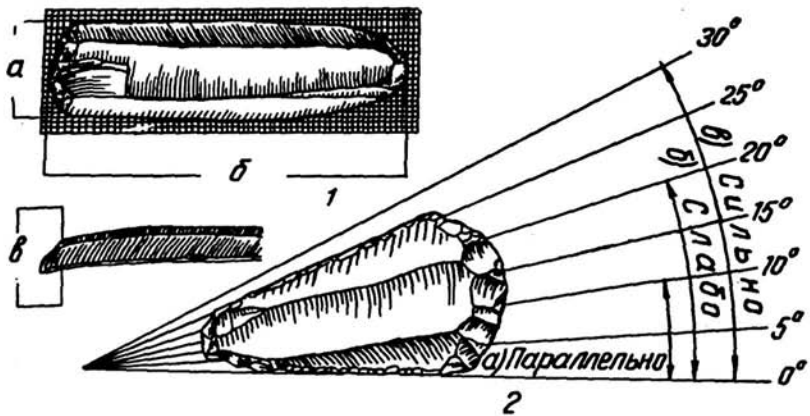
Крутая ретушь, как и тонкая, наносится под большим углом к плоскости брюшка, но, в отличие от тонкой, довольно далеко заходит за край пластины, в отдельных случаях сильно притупляя и модифицируя его. Как правило, она покрывает значительную часть лезвия.

Скребковая ретушь формирует рабочий край концевых и боковых скребков. В отличие от других видов ретуши, она снимает большую часть края пластины под крутым углом. Иногда подобную ретушь называют в литературе чешуйчатой краевой ретушью.

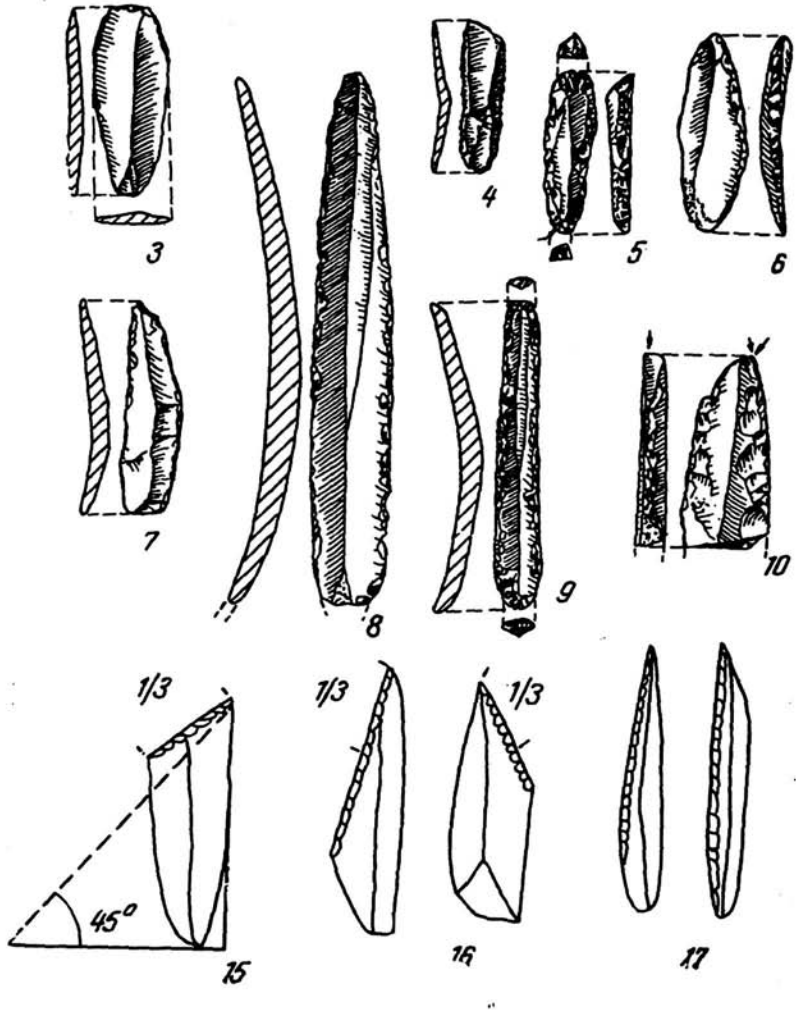
Чешуйчатая ретушь. Угол ретуши относительно острый по отношению к брюшку. На поверхности пластины остаются различные чешуйчатой формы негативы.

Ступенчатая ретушь подобна чешуйчатой, но угол ее близок к тупому, скос — более проникающий.

²⁶ Разрабатывая признаки для выделения основных классов и типов, мы не стремились придумывать какие-то новые термины и определения. Напротив, по мере возможности, мы стремились к использованию наиболее распространенных в литературе терминов и методов точного анализа основных признаков. За основу нами были взяты разработки авторов метода так называемого атрибутивного анализа, а именно, работы и методы анализа, предложенные Споулдингом (Spaulding Albert C. *Statistical techniques for the Discovery of Artifact Types*. *American Antiquity*, vol. 18, No. 4, pp. 305—313, 1953; Spaulding A. C. *Statistical Description and Comparison of Artifact Assemblages III: The Application of Quantitative Methods in Archaeology*, edited by Heizer K. K. and Eook S. F. Viking Fund Publication, No. 28, pp. 60—83, 1960), усовершенствованные Саккетом (Sackett James R. *Quantitative Analysis of Upper Paleolithic stone tools*, *American Anthropologist* (Special Issue, vol. 68, No. 2, pt. 2, pp. 356—394, 6 figs. and 15 tables, 1966) и заимствованные Мовиусом (Movius. *The Proto-Magdalenian of the Abri Pataud. Les Eyzies (Dordogne)*. *Bericht über den U. Internationalen Kongress für Vor- und Frühgeschichte*, Hamburg, 1958, pp. 561—566, Taf. 64; Movius H. L. Jr. *L'Age du Perigordien, de l'Aurignacien et du Proto-Magdalenien en krane sur la Base des Datations au Carbone 14*. *Bulletin de la Societe Meridionale de Speologie et de Prehistoire, Aurignac et l'Aurignacien: centenaire des Fouilles d'Edouard Lartet*, t. 6—9 (1956—59), pp. 130—142, 1963; Movius. *The Hearths of the Upper Perigordian and Aurignacian Horizons at the Abri Pataud. Les Eyzies (Dordogne) and their possible Significance*, *American Anthropologist* (Special Issue), vol. 68. No. 2, pt. 2, pp. 296—325 and (Uplates), 1966.

В Боковой левый
 Б Асимметричный левый
 А Средний
 Б Асимметричный правый
 В Боковой правый

Плоская ретушь — угол скола острый, далеко проникающий вглубь пластины (или отщеп).

Зазубривающая ретушь встречается реже. Часто ее называют пильчатой. Край пластины или отщеп при такой ретушировке становится похожим на край пилы.

Конечно, в чистом виде указанные выше типы ретуши встречаются далеко не всегда. В отдельных случаях на одном и том же лезвии можно встретить несколько типов ретуши. В таком случае каждый край пластины классифицируется отдельно по стилю, который покрывает большую часть ее периметра.

По расположению краевой ретуши классификация ведется в зависимости от наличия ее на одном или обоих лезвиях пластины, степени охвата ею периферийного или близкого к концу участка и расположения ее со стороны спинки или брюшка.

По протяженности ретушь рассматривается частичной, если она занимает менее одной четверти одного или обеих краев. Пластины, у которых ретушь покрывает не менее одной четверти ее периметра, считаются ретушированными.

Типы. Классификация на уровне типа и варианта наиболее трудоемка. Как уже говорилось, типы нами рассматриваются аналитически, как группировка определенных существенных признаков (атрибутов). Признаки выделяются на основе аналитической кодификации реально существующих и точно измеренных вариаций параметров внутри каждого класса орудий. Типообразующими являются, как правило, признаки морфологического порядка. Определение таких признаков требует дополнительных затрат времени в связи с необходимыми при этом измерениями. Однако при унификации промеров определение типообразующих признаков может быть выполнено на уровне научно-технического персонала. Измерение основных признаков ведется по характеру рабочего края, по контурам и другим модификациям орудия.

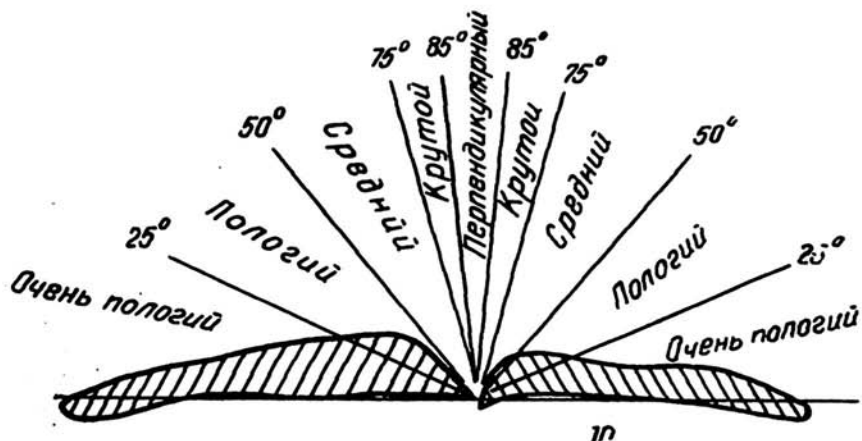
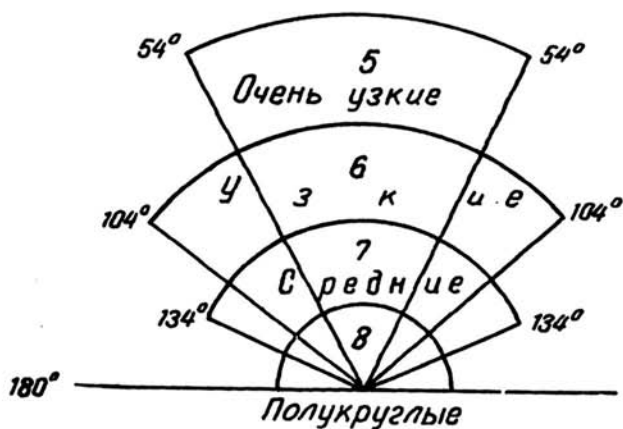
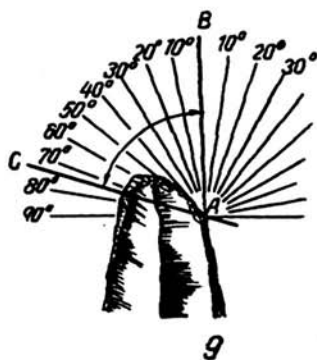
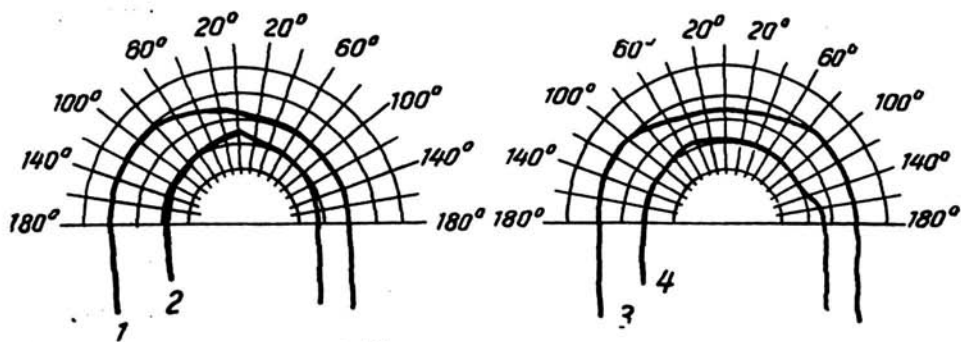
Наиболее важным при этом является характеристика рабочего края, так как его специфика — наиболее чувствительный индикатор культурной традиции. Например, орудия класса концевых скребков, рассматриваемые как заготовки, оправленные на одном или обоих концах скребковой ретушью, морфологически изучаются по следующим атрибутам:

А. Контур, т. е. очертания рабочего края;

Б. Угол между ретушированной плоскостью и брюшком пластины;

Рис. 2. Классификация типов ретуши, резцов, пластин со скошенным концом и измерение степени конвергентности или размеров пластинчатых изделий:

1—измерение ширины (а), длины (б) и толщины (в) пластин; 2—определение степени параллельности пластинчатых изделий: а—параллельные; б—слабо конвергентные (дивергентные); в—сильно конвергентные пластины; 3—тонкая ретушь; 4—зубчатая ретушь; 5—скребковая (ориньякская) ретушь; 6,7—крутая ретушь; 8—чешуйчатая ретушь; 8—ступенчатая ретушь; 10—плоская ретушь (типы ретуши даны по Мовнусу, Дэвиду, Брикнеру и Клею); 11—схема классификации резцов по отношению резцового края к оси заготовки; 12—конвергентное расположение ретуши; 13—дивергентная ретушь; 14—краевая ретушь; 15—усеченная пластина; 16—острия со скошенным краем; 17—острия с односторонней ретушью.

В. Характер ретуши, оформляющей рабочий край;

Г. Угол ориентации края по отношению к рабочей оси заготовки.

По контуру рабочей части выделены асимметричные, остроугольные, уплощенные, нерегулярные орудия. К последним относились орудия с неровным рабочим краем (рис. 3, 1—4).

Для орудий со скошенной рабочей частью определялся угол ориентации, т. е. замерялся угол между секущей рабочего края и продольной осью пластины (рис. 3, 9).

По величине горизонтального угла (ширина рабочего края) орудия (скребки) различались очень мелкие (ширина рабочего края до 54°), мелкие ($55—104^\circ$), средние ($105—134^\circ$), округлые (полуокруглые) с шириной рабочего конца от 135 до 180° (рис. 3, 5—8).

По длине радиуса рабочего края конца выделялись очень узкие (до 1 см), узкие (длина радиуса от 1 до 2 см), средние ($2—3$ см) и крупные (радиус более 3 см) скребки.

По величине вертикального угла (рис. 3, 10) скребки концевые подразделялись на острые (до 25°), пологие ($25—30^\circ$), средние ($51—75^\circ$) и перпендикулярные (более 86°).

По типу скребковой ретуши различались орудия с конвергентной ретушью, полуконвергентной (дивергентной) и краевой. К концевым скребкам с конвергентной ретушью относились те орудия, ретушированная часть на конце которых образовала замкнутый полукруг. Фасетки ретуши при этом сходились в одной точке, в большинстве случаев у грани пластины. Такая ретушь более типична для пластин с треугольным сечением. Полуконвергентная (дивергентная) ретушь открывает большую часть полукруга рабочего конца, но не заполняет его полностью. Фасетки сходятся, как правило, в нескольких точках на спинке пластинки. При краевой ретуши (или дисковидной) обрабатывался только самый край рабочего конца (рис. 2, 12—14) орудия.

При наличии дополнительной краевой ретуши на лезвиях орудия замерялась ее длина, т. е. определялось, какую долю лезвия покрывает дополнительная ретушь. Для удобства записей одно из лезвий называлось «левым» (со стороны спинки), второе — «правым» (со спинки, по направлению к рабочему концу).

Все эти данные суммировались в сводных рабочих таблицах.

В целом, на основе вышеприведенного анализа вариантов, выделялись перечисленные в таблице типы концевых скребков (таблица).

Например, тип «IIIa₃» означает: скребок концевой с краевым расположением ретуши, перпендикулярный, с вертикальным углом более 85° , средней ширины, т. е. с горизонтальным углом от 105 до 134° .

Рис. 3. Методы классификации скребков:

1—4, 9—по контурам рабочей части (1, 9—скошенные; 2—остроугольный; 3—уплощенный; 4—нерегулярный); 5—8—по ширине горизонтального угла (5—очень узкие; 6—узкие; 7—средние; 8—полуокруглые); 10—по величине вертикального угла рабочей части (H. Movius, H. David, В. С l a y, pp. 22—26)

Подобная классификация не только позволила унифицировать классификацию изделий, но и упростила и сократила описание инвентаря.

Концевые скребки в качестве примера взяты, на первый взгляд, не совсем удачно, так как основные типобразующие признаки гораздо эффективнее можно было показать на примере других изделий, скажем, на примере резцов.

Однако выбор концевых скребков не случаен и обусловлен именно трудностью классификации концевых скребков по типам.

Концевые скребки встречаются от палеолита до эпохи металла включительно и никак обычно не дифференцируются по типам.

Т а б л и ц а

Типы концевых скребков

Вертикальный угол и ретушь	Очень узкие (до 54°)	Узкие (от 54 до 104°)	Средние (от 105 до 134°)	Полукруглые (от 135 до 180°)	Скошенные	Острозубчатые	Уплотненные	Нерегулярные
Конвергентные:								
а) перпендикулярные (более 85°)	Ia ₁	Ia ₂	Ia ₃	Ia ₄	Ia ₅	Ia ₆	Ia ₇	Ia ₈
б) крутые (85—75°)	Iб ₁	Iб ₂	Iб ₃	Iб ₄	Iб ₅	Iб ₆	Iб ₇	Iб ₈
в) средние (75—50°)	Iв ₁	Iв ₂	Iв ₃	Iв ₄	Iв ₅	Iв ₆	Iв ₇	Iв ₈
г) пологие (50—25°)	Iг ₁	Iг ₂	Iг ₃	Iг ₄	Iг ₅	Iг ₆	Iг ₇	Iг ₈
д) очень пологие (0—25°)	Iд ₁	Iд ₂	Iд ₃	Iд ₄	Iд ₅	Iд ₆	Iд ₇	Iд ₈
Дивергентные:								
а) перпендикулярные и т. п.	IIa ₁	IIa ₂	IIa ₃	IIa ₄	IIa ₅	IIa ₆	IIa ₇	IIa ₈

Как правило, они относятся к одному типу. Действительно ли этот класс орудий никак не изменялся от палеолита до бронзы и, в самом ли деле, на нем никак не отражались культурные традиции тех или иных регионов?

Для того, чтобы решить эту проблему, прежде всего было необходимо найти какие-то существенные и точно фиксируемые признаки, по которым можно было бы выделить внутри единого класса концевых скребков какие-то типы и попытаться провести сравнения по ним разновременных комплексов разных культур и выяснить насколько своеобразны такие типы для тех или иных культур и эпох.

Отвлекаясь несколько в сторону, скажем, что такая дифференциация концевых скребков Урала позволила выявить типы, характерные как для отдельных областей, так и для различных периодов мезолита, неолита и энеолита Урала.

Аналогичные методы применялись нами и при классификации других типов орудий: резцов, скошенных острий, геометрических микролитов и т. п.

Выделение различных типов резцов требует гораздо меньше признаков и измерений. Тем более, что класс резцов достаточно хорошо изучен и в зарубежной литературе, что было обусловлено тем, что, как давно уже было замечено, различные типы резцов могут служить хронологическим индикатором.

Первая формальная классификация резцов была опубликована более 50 лет назад М. Боурлоном²⁷, впервые исследовавшим резцы как самостоятельную группу орудий. С тех пор во многих работах излагаются вопросы классификации резцов. Классификация резцов основных стоянок Перигора Франции дана в работе Сонневиль-Борда и Перрота²⁸. Несколько отличную классификацию резцов опубликовали сравнительно недавно Чейнер и Прадель²⁹.

Де Сонневиль-Борд и Перрот, следуя за Нуном³⁰, производят первичное подразделение резцов на основе технологии их изготовления на три подкласса:

1. Резцы на углу диагонально скошенного и отретушированного края;
2. Резцы на углу неретушированных обломков;
3. Резцы на двугранном углу.

Данная классификация широко принята на практике, но она не учитывает многочисленных вариаций внутри различных классов резцов. Чейнер, Прадель, а вслед за ними Мовиус, Дэвид, Брикер и Клей³¹, предлагают дополнить классификацию резцов в зависимости от характеристики режущего края и других атрибутов орудий. Например, боковые резцы, пользуясь методом указанных авторов, в зависимости от расположения режущего края классифицируются следующим образом: боковые левые, правые, асимметричные левые, правые и срединные (рис. 2, 11).

Пластины с диагонально срезанным и отретушированным концом подразделялись нами на усеченные пластины, острия со скошенным лезвием и острия с односторонней ретушью. Пластины со

²⁷ Bourlon (le Capitaine) M. Essai de Classification des Burins, ceurs Mode d'Avivage Revue de l'Ecole d'Antropologie de Paris, t. 21, pp. 267—278, 1911.

²⁸ Sonnevill-Bordes. Denis de et Perrot, Jean. Lexique Typologique du Paleolithique Superieur. Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise, No. 7—8 (1956), pp. 408—411.

²⁹ Pradel (le Dr.) Lours. Classification des Burins avre Notation Chifbree, Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise, t. 63, No. 3, pp. 485—500, 3 fig. et 2 tabl.; D. L. Pradel. Les burins a enlvements inverses leur place parmi les autres burins. Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise, t. LX, 1963, Turin, 1964, Paris; Cheyner. Les Burins Bulletin de la Societe Prehistorique Francaise. t. 60, fasc. 11—12, pp. 791—803.

³⁰ Noone H. V. V. Burins, un nouvel Essar de leur Classification Compte Rendu du congres Prehistorique de France. 11 Session Perigueux, pp. 478—488; Noone. A classification of Flint Burins of Cravers. Journal of the Royal anthropological Institute, vol. 64, pp. 81—92.

³¹ Movius H. L. Jr., N. C. David, H. M. Bricker, R. B. Clay. The analysis of certain major classes of Upper Paleolithic tools, Cambridge (Mass.). 1968, American school of prehist. research. Peabody museum, Harvard Univer. Bull., No. 26.

скошенным краем относятся к усеченным, если угол скошенного края не превышает 45° по отношению к продольной оси орудия, а длина скошенной части не превышает $1/3$ длины лезвия пластины. Пластины, скошенный край которых имеет угол от 45 до 10° ; относятся к остриям со скошенным лезвием; пластины с углом скоса от 0 до 10° относятся к остриям с односторонней ретушью (рис. 2, 15—17).

При выделении типов геометрических микролитов за основу была взята их форма. Учитывались прежде всего различия в общей форме изделия, а потом уже и детали его формы. Всего было выделено пять подклассов: А — трапеции, Б — треугольники, В —

Класс: геометрические микролиты								
Тип:	асимметричные				симметричные			
Вид (вариант)	I. С выемкой		II. без выемки		III. С выемкой		IV. без выемки	
	1 НИЗКИЕ	2 ВЫСОКИЕ	3 НИЗКИЕ	4 ВЫСОКИЕ	5 НИЗКИЕ	6 ВЫСОКИЕ	7 НИЗКИЕ	8 ВЫСОКИЕ
А. трапеции								
Б. треугольники								
В. ромбы			—	—				
Г. прямоугольники			—	—				
Д. сегменты								

Рис. 4. Классификация геометрических микролитов

ромбы, Г — прямоугольники, Д — сегменты. Каждый из них делится на два типа: симметричные и асимметричные с подразделением на два подтипа: с боковой выемкой и без выемки. Подтип делится на два вида (варианта): высокие и низкие. Расположение всех геометрических микролитов единое — горизонтальное по оси пластинок, а не различное — для высоких горизонтальное, для низких — вертикальное, как большей частью изображаются геометрические формы в зарубежной литературе (рис. 4).

Разрабатывая основные типобразующие признаки анализа кремневого инвентаря южноуральских памятников каменного века (более 300 тыс. кремней), мы исходили из тех таксономических наименований, которые наиболее широко распространены в литературе. Как уже отмечалось выше, при разработке методов их анализа за основу был взят метод атрибутивного анализа, предложенный Саккетом, Слоудингом и др. Но это не значит, что мы во всем следовали за общепринятыми критериями. Легко заметить, что наши принципы выделения типов отличаются от общепринятых. В последних в понятие «тип» в большинстве случаев вкладывается два принципиальных элемента: а) тип прежде всего должен быть

полезен для объяснения культурных связей или перемен во времени и б) должен отражать более или менее совершенно ту идеальную форму, которая существовала в голове изготовителя.

Наша методика выделения не исходит из того, насколько полезно или не полезно выделение данного типа для объяснения тех или иных культурных перемен или хронологических этапов развития, а исходит из существующих и точно фиксируемых особенностей тех или иных реально существующих орудий и других изделий из камня, керамики и другого инвентаря.

Используя методику определения типов по точно измеренным и четко зафиксированным признакам, можно сравнивать разнокультурные и разновременные комплексы на объективной основе.

Кроме того, и это не менее важно, разработка методов определения типов, классов, групп и других таксономических единиц инвентаря в точных цифровых данных позволяет широко использовать в археологии счетно-решающую технику, без чего на современном уровне исследования невозможно освоить весь тот огромный материал, который уже накоплен и который продолжает расти чрезвычайно быстрыми темпами.

С другой стороны, разработка точных и ясных принципов таксономии, единая система классификации археологического материала, четкие и точно фиксированные методы измерения признаков для выделения категорий, групп, классов и типов позволяют проводить первичную классификацию силами научно-технического персонала, освобождая время исследователя для решения чисто научных проблем.

Проверяя изложенную выше систему, мы провели ряд экспериментов, а именно: один и тот же инвентарь предложили разным исследователям для классификации. Одно и то же орудие каждый исследователь называл по-разному и относил к различным типам и видам. Те же комплексы, предложенные вместе с классификационным справочником, разработанным на изложенных выше принципах, классифицировались одинаково даже студентами-практикантами. Достаточно пятнадцатиминутного инструктажа о методах работы с классификационным справочником — и любой сотрудник уверенно и однозначно классифицировал инвентарь, пользуясь классификационным определителем. Тем самым, первичная классификация из монополии высококвалифицированных специалистов становится доступной для научно-технического персонала и счетно-решающей техники и, следовательно, проблема обработки массового инвентаря решается относительно просто.

Кроме того, как уже отмечалось выше, применение методов точного классификационного анализа, предоставляя возможность проводить детально объективные сравнения между комплексами, позволяет выявить природу различий между ними, устанавливать величины для понимания культурной дифференциации и изучить характер эволюции материальной культуры того или иного региона и других культурных общностей на объективной основе.

Г. Е. МАРКОВ

ПАМЯТНИКИ КАМЕННОГО ВЕКА В ЗАПАДНОЙ ТУРКМЕНИИ И ПРОБЛЕМА ТИПОЛОГИИ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР В МЕЗОЛИТЕ И НЕОЛИТЕ

Исследования последних десятилетий показали, что Западная Туркмения была населена человеком по крайней мере с верхнего палеолита, а возможно, и с более раннего времени¹. Раскопки археологических памятников — гротов Джебел, Кайлю, Дам-Дам-Чашма II и Дам-Дам-Чашма I позволили наметить в общих чертах смену археологических эпох в Восточном Прикаспии начиная от верхнего палеолита (Дам-Дам-Чашма II) и до времени бронзы, когда гроты были заброшены их обитателями, и население предгорий переселилось на равнину². При этом было установлено, что археологические культуры в Западном Туркменистане обнаруживают значительную преемственность на протяжении всего каменного века и тесные связи с культурами Северного Ирана и Северного Ирака. Так, верхнепалеолитические находки из девятого слоя грота Дам-Дам-Чашма II находят аналогии в материале нижних слоев грота Зарзи и слоя В пещеры Шанидар в Северном Ираке³.

Мезолитическая эпоха представлена в рассматриваемой области находками из 7—4 «низ» слоев Дам-Дам-Чашма II, а ее относительно поздний этап — материалами из гротов Джебел, Кайлю, Дам-Дам-Чашма I. Археологический материал из этих памятников имеет несомненное сходство с отмеченными выше палеолитическими находками, что указывает на автохтонность мезолитического населения Западного Туркменистана.

Еще в большей мере прослеживается традиционная преемственность в материале позднейших эпох. Так, по комплексу находок и типологически мезолитические и неолитические изделия очень схожи. Начиная с мезолита стал происходить процесс развития

¹ А. П. Окладников. Древнейшие археологические памятники Краснодарского полуострова, Труды ЮТАКЭ, т. II, Ашхабад, 1953; Он же. Изучение памятников каменного века в Туркмении, «Известия АН ТССР», 1953, № 3.

² А. П. Окладников. Пещера Джебел — памятник древней культуры прикаспийских племен Туркмении, Труды ЮТАКЭ, т. VII, Ашхабад, 1956; Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-чешме II в Восточном Прикаспии, СА, 1966, № 2; Он же. Раскопки памятника первобытной культуры в Западном Туркменистане, «Известия АН ТССР», 1966, № 5; G. Markov. Eine urgeschichtliche Höhle in Westturkmenien (Ost-Kaspi Gebiet), Ethnographisch-archeologische Zeitschrift, № 7, Berlin, 1966.

³ Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-чешме II, стр. 122.

микролитических изделий геометрического облика, существовавших в Восточном Прикаспии до эпохи энеолита и даже ранней бронзы. Как мезолитические, так и неолитические культуры Западного Туркменистана обнаруживают заметное сходство с синхронными им культурами Передней Азии (например, Зарзи, Палегавра, Шанидар в Северном Ираке, Хоту и Гари Камарбанд в Северном Иране и др.). С верхнего палеолита и до энеолита в кремневой индустрии этого обширного ареала преобладала микролитическая техника изготовления изделий на пластинах или пластинчатых отщепках, широкое распространение имели вкладышевые орудия, отсутствовали местные формы наконечников стрел в виде кремневых острий.

В эпохи позднего мезолита и раннего неолита в Восточном Прикаспии происходили бурные социально-экономические и хозяйственные процессы, следствием которых было одомашнение растений и животных в ходе так называемой «неолитической революции», возникновение производящего хозяйства. Раньше других животных, не позднее VIII тысячелетия до н. э., одомашнивается коза, а затем овца⁴.

Эпоха «неолитической революции» ознаменовалась миграциями из предгорных областей — первичных центров доместикации растений и животных на аллювиальные равнины в поисках земель, пригодных для возделывания. Эта волна переселенцев явилась, очевидно, основным компонентом, легшим в основу южнотуркменских древнеземледельческих центров (Джейтун, Анау и др.). Население, остававшееся в предгорных гротах, продолжало вести комплексное присваивающе-производящее хозяйство, причем последнее стало доминирующим видом занятий в виде животноводства только в эпоху бронзы. Это объясняется тем, что Прикаспие было, по всей вероятности, и в те отдаленные эпохи аридной зоны, и земледелие не имело там больших возможностей для развития. Охота же и рыболовство доставляли необходимые средства существования. Аналогичные процессы происходили в то же время и в Передней Азии.

Для развитого неолита Западной Туркмении характерным археологическим признаком было широкое распространение микролитической кремневой индустрии с большим количеством изделий геометрического облика: симметричных и асимметричных трапеций, треугольников, сегментов, а также многовыемчатых «пиловидных» скобелей, карандашевидных нуклеусов и др. Ко времени развитого неолита размеры трапеций стали уменьшаться, что прослеживается также на древнеземледельческих памятниках и связано скорее всего с развитием производящего хозяйства (ср. Джармо, Джейтун). Появляется керамическое производство грубой лепной посуды без орнамента. Но вплоть до палеометал-

⁴ Г. Е. Марков. Грот Дам-Дам-чешме II, стр. 123.

лической эпохи обитатели грота пользовались небольшим количеством глиняной посуды.

Поздние этапы неолита и начало палеометаллической эпохи в Западном Туркменистане ознаменовались, наряду с сохранением в кремневой индустрии традиционных черт, проникновением туда с севера и юга новых этнокультурных элементов. В археологических комплексах (слой 3 Дам-Дам-Чашма II и I, слой 4 грота Джебел) появляются единичные наконечники стрел в виде острий с асимметричной выемкой, аналогичные находкам из Жанбаскала IV и из Западной Сибири. Встречаются также немногочисленные черепки орнаментированной геометрическим узором керамики, имеющие северные аналогии с Усть-Нарымом. В тех же поздненеолитических и палеометаллических горизонтах обнаруживается небольшое количество серой лощеной керамики с процарапанными зигзагами или горизонтальными полосками-желобками, обнаруживающей аналогии с материалом из Шах-Тепе (Иран) и Ак-Тепе (Ашхабад).

Таким образом, начиная с позднего неолита, Прибалханье представляло собой условную границу, где встречались небольшие миграционные потоки с севера и юга, не приводившие, однако, к полному изменению состава местного населения⁵. С севера мигрирующие группы двигались скорее всего по Узбою, с юга — вдоль побережья Каспийского моря, по Актаму, Келькеру, возможно, и с востока, вдоль прикопетдагской равнины. Коренным образом меняется население в Западной Туркмении, очевидно, только в эпоху бронзы.

Весьма интересны в свете рассматриваемых проблем данные, полученные при раскопках грота Дам-Дам-Чашма I, расположенного в нескольких сотнях метров от пещеры Дам-Дам-Чашма II. Грот довольно значителен по размерам. Его современная поверхность была сильно деформирована водоотводными канавами из двух небольших водоемов в глубине пещеры, шурфами, ямами. Как выяснилось при раскопках, многие из них были довольно глубокими, хотя ни один из шурфов не пронизывал все культурные наслоения до стерильного почвенного основания.

Раскопками была вскрыта вся площадь грота, где имелись культурные наслоения, что составило примерно 160 м². Геологическая и культурная стратиграфия памятника оказалась очень сложной и в разных частях грота разнородной. Скальное основание круто, местами до 45°, спускается к устью пещеры и нижележащему ущелью, следовательно, стоянки на нем в древности не могли устраиваться. На скальном основании лежит мощный слой стерильной голубой очень плотной осадочной глины. Его толщина достигает в разных частях грота от 30 до 50% всей глубины почвенных напластований. Пласт голубой глины также круто спускается

⁵ В Прибалханье в эпоху неолита появляются и другие, явно пришлые культуры, см.: Г. Е. Марков. Раскопки первобытной стоянки Оюклы, «Вестник Московского университета», СОН, 1961, № 3.

к ущелью, и только отдельные небольшие его участки могли быть использованы для временных стоянок. С течением времени, по мере образования дальнейших напластований и культурных слоев, «пол» пещеры становился все более горизонтальным, но окончательно ровным он стал только на последнем этапе обитания в ней людей, в эпоху бронзы.

Таким образом, вплоть до конца каменного века грот Дам-Дам-Чашма I был непригоден для устройства там постоянного поселения и служил только временным убежищем. Это определило облик инвентаря, найденного при раскопках. В центральных частях грота, в местах, наименее пострадавших от старой перекопки, глубина культурных напластований достигала 3,5 м. Здесь удалось выделить 4 культурных слоя, хронологически примерно соответствующих 1—4 слоям Дам-Дам-Чашма II. Однако во многих раскопках, особенно на периферии грота, стратиграфия была нечеткой, слои во многих местах нарушены, и удавалось выделить в лучшем случае только 3 культурных слоя.

Первый слой, как и во всех гротах, образован овечьим пометом, он не глубок, до 20 см, и оказался в основании смещен с верхним горизонтом нижележащего слоя.

Второй слой, довольно плотный, весь пронизан кострищами, сложен красноватой обожженной глиной цвета терракоты. Слой дал значительное число находок кремня (рис. 1), керамики, предметов быта (например, нефритовый пест), три обломка металлических изделий. Максимальная мощность слоя 80 см.

Третий слой, мощностью до 110 см, образован светлыми суглинками и во многих местах пронизан кострищами. Слой дал кремневые и керамические находки. Стерильные прослойки в слое отсутствовали.

Четвертый культурный слой самый мощный, до 160 см, сложен коричневыми плотными суглинками и завалами плитняка, на большей части площади залегал на стерильной голубой глине. Отдельными пятнами по слою были разбросаны кострища, вокруг которых концентрировались находки: в верхних горизонтах редкая керамика и кремень, начиная со средних — только кремень. Стерильных прослоек в слое также не было.

На небольшой площади удалось обнаружить между голубой глиной и четвертым слоем еще одну, пятую прослойку, содержащую кремень.

Следует отметить, что кремневые и керамические находки из Дам-Дам-Чашма I находят полные аналогии в инвентаре хронологически соответствующих слоев Дам-Дам-Чашма II. Но некоторые типичные для Дам-Дам-Чашма II изделия в рассматриваемом гроте отсутствовали или были представлены редкими и грубыми экземплярами. Так, обнаружено мало изделий геометрического облика. Отсутствовали трапеции, «пиловидные» скобели, почти нет поверток с тонким жалыцем.

В четвертом слое в числе прочего материала найдены два крупных сегмента и грубый крупный треугольник. В его верхнем гори-

зонте обнаружен обломок наконечника дротика с односторонней обработкой по краю крупным отжимом.

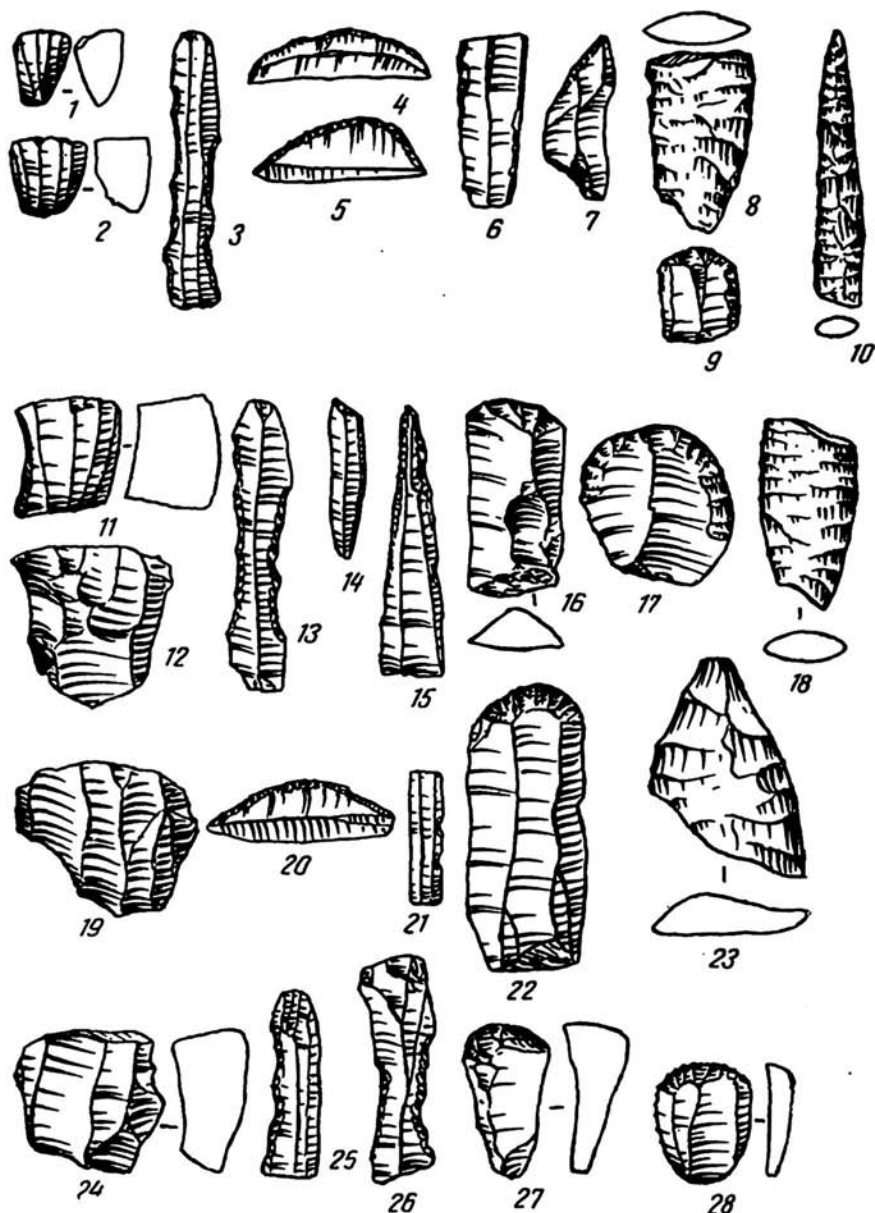

Рис. 1. Дам-Дам-Чашма I. Изделия из кремня:

1-7, 10-второй слой; 8,9,11-18-третий слой; 19-23-четвертый слой; 24-28-пятый слой

В третьем слое из кремневых находок следует назвать обломок тщательно обработанного с обеих сторон наконечника дротика, длинные пластины с ретушью и выемками и др.

Во втором слое, наряду с прочим, встречены 4 грубых сегмента, одно изделие, напоминающее треугольник или очень грубую крупную трапецию, обломок двусторонне обработанного наконечника дротика.

В верхней части третьего и во втором слое найдено несколько фрагментов серой лощеной керамики с орнаментом в виде горизонтальных полос, прореченных зигзагов или желобков (рис. 2).

Рис. 2. Дам-Дам-Чашма I. Серая лощеная орнаментированная керамика

В первом слое был обнаружен грубо выделанный односторонней частичной ретушью по краю наконечник стрелы с асимметричной выемкой у черешка, попавший туда, очевидно, из второго слоя.

Близость расположения гротов, сходство обнаруженных там археологических комплексов дают основание полагать, что в обеих пещерах обнаружены стоянки, принадлежавшие одной и той же этнической группе. Но, как отмечалось, в гроте Дам-Дам-Чашма I имелись не все виды изделий, характерные для соседней пещеры.

Вследствие значительной мощности мезолитических культурных слоев в Дам-Дам-Чашма I⁶, отсутствия в них стерильных прослоек, их нельзя рассматривать как остатки временных сезонных стоянок. Вместе с тем, при однотипности материала с находками из соседнего грота Дам-Дам-Чашма II, но сравнительной его бедности и фрагментарности, напрашивается мысль, что основное поселение располагалось в Дам-Дам-Чашма II, а рассматриваемый грот использовался в каких-то вспомогательных целях. Обращает на себя внимание и известное сходство комплексов находок из Дам-Дам-Чашма I и из развееванных стоянок по Нижнему Узбою⁷, там, где их сейчас найти довольно трудно.

⁶ В гроте Дам-Дам-Чашма II мощность мезолитических слоев достигала: восьмого слоя—40 см, седьмого—25 см, шестого—15 см, пятого—10 см, четвертого—до 80 см. Слои были густо насыщены находками.

⁷ Г. Е. Марков. Материалы по каменному веку Прибалхана, сб. «Материальная культура Туркменистана», Ашхабад, 1971.

Возможно, что своеобразие кремневого инвентаря в Дам-Дам-Чашма I зависело также и от других причин. Среди него встречается немалое число изделий, функциональное назначение которых понять довольно трудно. Это грубые сколы и неправильные отщепы с более или менее тщательной краевой ретушью, не похожие на орудия из Дам-Дам-Чашма II и с берегов Узбоя. Скорее всего, они напоминают как бы ученические работы.

Обращаясь к данным этнографии, можно попытаться найти объяснение этому явлению. Известно, что у многих первобытных народов широкое распространение имел институт возрастных классов. Одним из них был класс мальчиков, проходивших обучение под руководством опытного члена их группы. При этом многое, особенно связанное с духовной культурой, было племенной тайной и тайной от женщин, почему мальчиков и держали в условиях известной изоляции. Не исключена возможность, что в какие-то времена года грот Дам-Дам-Чашма I служил своего рода «школой», где происходило обучение обработке камня.

Данные по эпохам мезолита и неолита запада Средней Азии и соседних областей позволяют высказать некоторые соображения о культурно-археологической типологии и локализации в это время. При этом можно попытаться установить стратиграфию — горизонтальную и вертикальную — на разных уровнях: от уровня самых общих гипотетических культурных общностей до общностей, основанных на этнокультурном родстве.

Наличие самых общих черт сходства в кремневой индустрии, как то, например, микролитическая пластинчатая индустрия, позволяет чисто гипотетически наметить «археологический ареал», охватывающий обширные области южной, степной полосы Восточной Европы, Западной и Южной Сибири, Средней и Передней Азии, Северной Африки. Никаких данных о генетическом родстве культур, составляющих этот ареал нет, но по ряду формальных археологических признаков он может быть противопоставлен, скажем, ареалу, лесных культур Европы или Азии.

В рамках «культурного ареала» можно выделить реально более осязаемые «археологические провинции», где уже не исключается возможность генетического родства составляющих их культур. Известное сходство в кремневых комплексах орудий позволяет очертить для мезолита и неолита «прикаспийскую археологическую провинцию», включавшую области Северного Ирана и Северного Ирака, Западную Туркмению, возможно, и более северные области — Кызылкумы, и вплоть до Казахстана и Южного Приуралья. Развитие мезолитических и неолитических традиций этой провинции находит довольно убедительное объяснение в верхнепалеолитических находках из Дам-Дам-Чашма II. В неолитическое время эта провинция обнаруживает существенные черты различий с провинцией, протянувшейся от низовьев Амударьи, и низовьев Зарафшана до Западной Сибири.

На основе еще более близких признаков сходства, позволяющих предполагать несомненное генетическое, а возможно, и этническое родство, можно выделять «археологические подпровинции». Например, культуры Северного Ирана и Восточного Прикаспия («Балханская подпровинция»). Возможно, что здесь может идти речь о конкретно существовавших племенных объединениях.

В рамках «подпровинции» могут быть выделены «археологические культуры». Их признаки: полное сходство в комплексах инвентаря, типах орудий, технологии изготовления, хронологическая синхронность.

И, наконец, «локальные варианты» археологических культур, отличающиеся один от другого незначительными, второстепенными чертами. Эти различия могли накапливаться с течением времени, постепенно, возникая наподобие так называемой «лингвистической непрерывности» (Бубрих, Толстов).

Эта культурно-археологическая систематизация должна основываться на типологическом анализе материала и исследовании технологии. Оба эти приема в равной степени важны, однако играют различную роль на разных уровнях исследования. При выделении «ареалов», «провинций», важнейшее значение имеет типологическое сходство комплексов. Сходство в технологии может вызываться здесь не обязательно генетическим родством, а конвергенцией, заимствованиями и т. п. При выделении «подпровинций», «археологических культур», «локальных вариантов» особенно большое значение наряду с типологией имеет технологическое исследование, так как оно позволяет разделить смешанный материал на гомогенные комплексы, установить культурную принадлежность материала временных стоянок, где отсутствует весь набор орудий, характерных для той или иной археологической культуры, установить генетические линии развития.

Важнейшее значение для выделения культурно-этнических общностей в эпоху неолита имеет керамический материал, дающий нередко более надежные данные, чем нередко фрагментарно представленный кремневый инвентарь.

Применяемая выше в связи с культурно-археологической типологией и локализацией терминология условна и вполне может быть заменена другой. Важен, однако, принцип стратиграфии уровней культурно-археологических общностей, построенный по аналогии с лингвистической генеалогической классификацией по языковым семьям и их ветвям. Такой подход представляется вполне допустимым, так как развитие культуры происходило всегда в рамках определенных общностей.

Т. МИРСААТОВ

О ТЕХНИКЕ ИЗГОТОВЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНОМ НАЗНАЧЕНИИ КОСТЯНЫХ И РОГОВЫХ ОРУДИЙ УЧТУТА

На неолитической стоянке Учтут, расположенной на территории колхоза «Ленинград» Навоийского р-на Бухарской области, к настоящему времени открыто 32 шахты. Только в 1972 г. в них найдено около 30 тыс. экз. галечных и кремневых орудий и отбросов производства. Кроме того, в шахтах обнаружены очень интересные костяные и роговые орудия.

Роговые орудия встречаются в каждой шахте. В основном они изготовлялись из отростков рога бухарского оленя тремя способами:

1. Пиление отростка кремневыми орудиями. При расчистке шахты № 22 осенью 1972 г. обнаружен рог бухарского оленя, на обеих ветвях которого у сломанных верхних отростков имеются поперечные бороздки длиной 40 мм и шириной 4—5 мм. Судя по форме продольных краев, бороздки пропилены каменным орудием¹.

Пиление кости каменным орудием было известно не только жителям эпохи неолита, но и эпохи позднего палеолита стоянки Елисеевичи². М. Томпсон³ и С. А. Семенов⁴ установили, что при размачивании рога в воде в течение нескольких дней обработка его значительно облегчается. Такие выводы соответствуют результатам наших экспериментов, проведенных в Учтуте. Однако мы обрабатывали рога не резцом, а пилкой, сделанной из отщепов. Кроме того, в процессе пиления размачивали обрабатываемый рог, поливая бороздку водой. В этом случае времени затрачивается в два раза меньше, чем при пилении без размачивания.

2. Рубка. Для отделения отростка рога оленя от стебля обитатели Учтута, вероятно, наносили кремневыми топорами глубокие насечки несколькими сильными круговыми ударами, вырубая в намеченной точке круговой канал до губчатой массы.

О подобной технике обработки свидетельствуют найденные кремневые топоры, сделанные из массивных отщепов, и мелкие

¹ Т. Мирсаатов, А. Камбаров, В. Рузанов. Редчайшая находка из Учтутской неолитической шахты, ОНУ, 1973, № 10, стр. 59.

² С. А. Семенов. Первобытная техника, МИА, 1957, вып. 54, стр. 185.

³ D. Clark and M. W. Thompson. The Groove and Splinter Technique of working antler in Upper Paleolithic and Mesolithic Europe. PPS, vol. XIX, pt. 2, 1953.

⁴ С. А. Семенов. Развитие техники в каменном веке, Л., 1968.

орудия из пластин и отщепов, на рабочих частях которых по обеим сторонам лезвия топора остались занозистые фасетки. Такие фасетки, по мнению С. А. Семенова, имеют, как правило, волнообразную поверхность, резкую, короткую линию скалывания и нередко крутой залом. Фасетки следует рассматривать не как признаки обработки отщепа, а как следы, оставшиеся после обработки костяных орудий⁵. Мы рубили кремневыми топорами два отростка рога бухарского оленя и три ветви боярышника, растущего на склонах Каратау, диаметром 5—6 см. Сопоставляя рабочие части экспериментальных топоров с рабочими частями топоров Учтута, мы убедились в том, что они почти аналогичны. Надо отметить, что из-за плохой сохранности роговых орудий следов кремневых топоров на роговых орудиях не осталось.

3. Обжигание. Сначала на костре обжигается разветвленная часть стебля, затем отросток легко переламывается. Этот способ был известен еще древнепалеолитическому человеку. Так, по мнению А. Брейля, олений рог обрабатывался синантропами не только каменными орудиями, но и огнем⁶. Обламывание рога с помощью огня, очевидно, широко применялось в Учтуте, о чем свидетельствуют многочисленные обломки рогов бухарского оленя со следами обжига у разветвленной части. Особенно хорошо видны следы обжига на отростке из шахты № 28.

Отростки рогов бухарского оленя служили для рытья шахт и подбоев; следы на рабочих частях отростков рога оставлены в процессе землекопных работ. Линейные следы роговых орудий из шахты Учтута полностью совпадают со следами наших роговых экспериментальных орудий.

Все роговые орудия в шахтах и подбоях Учтута встречаются в виде отростков. Очевидно, они закреплялись в рукоятке; не исключено, что кирковидными орудиями могли быть раздваивающиеся отростки рога, которые не нуждались в деревянной рукоятке.

Костяные орудия. В монографии «Древние шахты Учтута» показаны три вида отпечатков орудий, оставленных первобытными людьми. По одному отпечатку мы предположили, что первобытные люди изготавливали из отростков рогов острые кирки, от которых на стенах шахты и на своде галереи остались следы шириной 2—3 см, длиной 3—4 см⁷. Тогда мы ограничились лишь предположением, так как кирковидных орудий у нас не было. Однако при полевых работах 1972—1973 гг. были обнаружены 3 костяные кирки, изготовленные из трубчатой кости тура. По всей вероятности, они имели рукоятки, которые закреплялись кожаными ремнями. Длина кирок от 13 до 15 см, а ширина — от 3 до 4,5 см. Все три экземпляра изготовлены техникой оббивки из продольно расколотого диафиза. Один экземпляр сохранился хорошо (рис. 1), по его

⁵ С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 180.

⁶ H. Breuil. Le feu et l'industrie de pierre et d'os dans le gisement du «Sinanthropus» a Chou-Kou-Tien. L'Anthropologie, t. 42, 1932.

⁷ Т. Мирсаатов. Древние шахты Учтута, Ташкент, 1973, стр. 12.

краям ясно видны следы обработки. Способ обработки орудий такого типа показан в книге С. А. Семенова⁸. В концевой части этой кирки прекрасно сохранились следы изношенности, характерные для землекопных орудий.

Клин. Орудие пока в единственном экземпляре. Найдено на глубине 5,5 м в шахте № 28. Изготовлен из трубчатой кости тура.

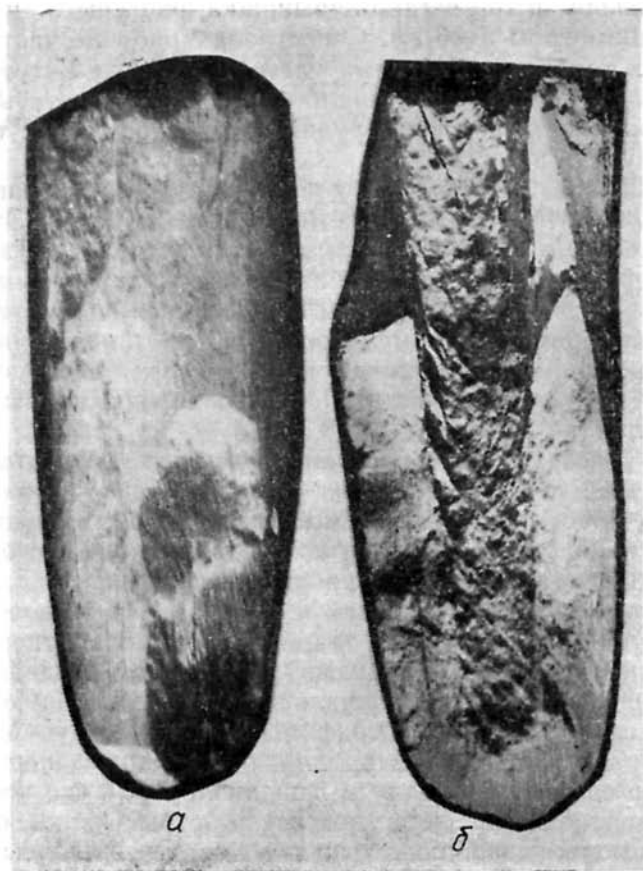

Рис. 1. Кирка из трубчатой кости тура:

а — внешняя сторона, *б* — внутренняя

Длина орудия 10 см, ширина рабочей части 3 см, средняя ширина 3,5 см. Сохранность орудия очень хорошая (рис. 2). Судя по форме орудия и следам, оставшимся на обоих концах, можно предполагать, что оно служило в качестве клина. Очевидно, при работе его держали левой рукой, вставляя рабочую часть в нужную точку, а правой рукой наносили удар по противоположной части колотуш-

⁸ С. А. Семенов. Первобытная техника, стр. 179.

кой или отбойником. Об этом свидетельствуют четко сохранившиеся продольные линейные следы и несколько сколов, видимо, от удара колотушкой.

Обнаружены три шила, не встречавшиеся ранее в шахтах Уч-тута. Длина их от 7 до 10,5 см, утолщение на конце использовалось в качестве рукоятки. Все три экземпляра изготовлены из трубчатых костей, и у всех сломаны острия. Один экземпляр, по размеру больший, чем остальные, использовался и после того как был сломан: под бинокляром четко прослеживаются линейные следы на поверхности излома. У всех трех экземпляров в боковых частях видны линейные следы, характерные для шильев. Рукоятки заполированы трением руки.

Аналогичные костяные шилья применялись в хозяйстве первобытных людей на территории Узбекистана начиная с верхнего палеолита. Аналогичные шилья обнаружены в седьмом слое Обирахмата⁹ и в мезолитических стоянках Обишир I—V и Мачай¹⁰.

Несколько экземпляров костяных орудий обнаружено на поселении эпохи бронзы — Сапаллитепа¹¹.

Вышеуказанные орудия — кирки и клинья из костей тура и отгостков рогов бухарского оленя применялись при добыче кремня, шилья же, видимо, оказались в шахтах случайно. Большое число роговых и костяных орудий свидетельствует о том, что они широко использовались при добыче желваков кремня и рытья шахт наряду с каменными орудиями.

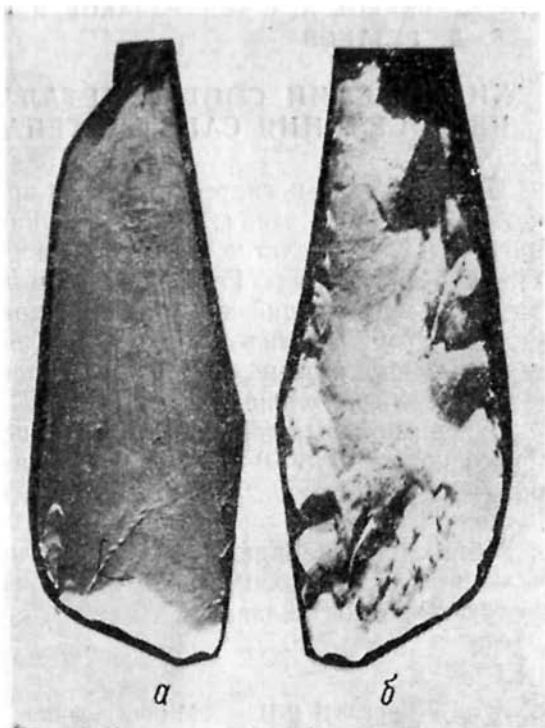

Рис. 2. Клин из трубчатой кости тура:
а — внешняя сторона, б — внутренняя

⁹ Р. Х. Сулейманов. Статистическое изучение культуры грота Обирахмат, Ташкент, 1972.

¹⁰ У. Исламов. Результаты раскопок пещерных стоянок мезолитического времени в Узбекистане, «Успехи среднеазиатской археологии», вып. 1, Л., 1972, стр. 74, рис. 7.

¹¹ А. Аскаров. Сапаллитепа, Ташкент, 1973.

**А. А. АСКАРОВ, А. А. АБДУРАЗАКОВ, И. В. БОГДАНОВА-БЕРЕЗОВСКАЯ,
В. Д. РУЗАНОВ**

ХИМИЧЕСКИЙ СОСТАВ МЕТАЛЛИЧЕСКИХ ПРЕДМЕТОВ ИЗ ПОСЕЛЕНИЯ САПАЛЛИТЕПА

Планомерные и систематические археологические раскопки на поселении Сапаллитепа, одном из уникальных памятников эпохи бронзы (II тысячелетие до н. э.), расположенном на территории совхоза «Советабод» Гагаринского р-на Сурхандарьинской области, дали богатейший материал по древнему металлургическому производству¹, анализ химического состава которого позволяет выявить характерные особенности бронзовых сплавов металлических изделий поселения Сапаллитепа.

За два полевых сезона 1972 г. на поселении Сапаллитепа было обнаружено около 60 металлических изделий различного назначения — орудия труда, украшения, сосуды, печати, туалетные принадлежности и др.

Металлические предметы предыдущих раскопок на Сапалли были подвергнуты химическому анализу ранее². Были выделены следующие типы сплавов:

<i>Тип сплава</i>	<i>Название бронзы</i>	<i>Основные компоненты</i>
Бронза I (БI)	Мышьяковистая	Cu · As
Бронза II (БII)	Оловянно-мышьяковистая	Cu · Sn · As
Бронза А	Оловянистая	Cu · Sn
Бронза Б	Свинцовистая	Cu · Pb
Бронза В	Оловянно-свинцовистая	Cu · Sn · Pb

При наличии свинца более 1% типы Б I и Б II подразделяются на подгруппы Б' I и Б' II — соответственно, мышьяковистая бронза со свинцом и оловянно-мышьяковистая бронза со свинцом.

Из всей коллекции металлических изделий раскопок 1972 г. мы отобрали и проанализировали 52 предмета. Все изделия хорошо сохранили свою первоначальную форму и были покрыты слоем продуктов коррозии.

¹ А. А. Аскар ов. Поселение древних земледельцев на юге Узбекистана, ОНУ, 1971, № 8, стр. 40—43; Он же. Сапаллитепа, Ташкент, 1973.

² А. А. Аскар ов, И. В. Богданова-Березовская. Металлические изделия из поселения Сапаллитепа (результаты химического анализа), ОНУ, 1972, № 10, стр. 59—64.

Перед проведением спектрального анализа предметы были очищены электрохимическим методом³ (восстановлением водорода в момент его выделения) и затем покрыты тонким слоем ПБМА (15%) на ксилоле⁴. Расчистка показала, что все предметы, за исклю-

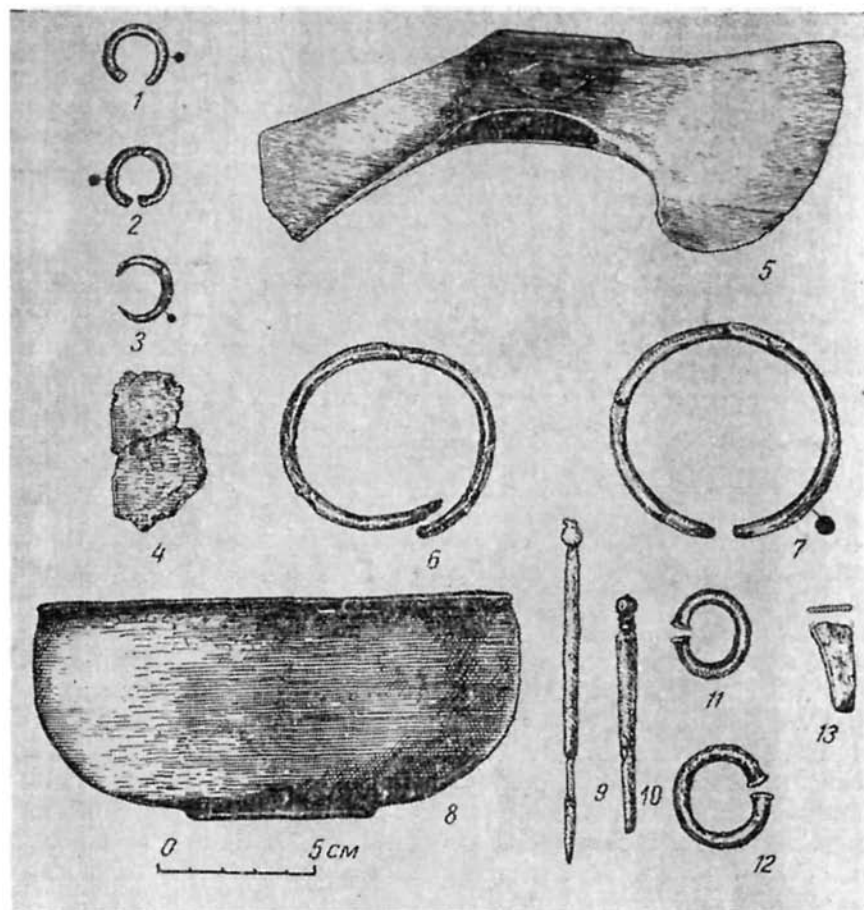

Рис. 1. Бронзовые изделия из Сапаллитепе

чением двух, имеют хорошую сохранность металла, коррозирование прошло неглубоко и равномерно по всей поверхности.

Пробы были высверлены из глубины и с поверхности предметов. При взятии навески было замечено, что стружка двух серег (рис. 1, 11, 12; табл. 1) отличается по цвету от других, и визуально они

³ А. В. Кирьянов. Реставрация археологических предметов, М., 1960, стр. 46—47, 60.

⁴ Очистка предметов проводилась в лаборатории реставрации Института археологии АН УзССР.

были отнесены к изделиям из серебра. Как показал качественный анализ, это предположение подтвердилось.

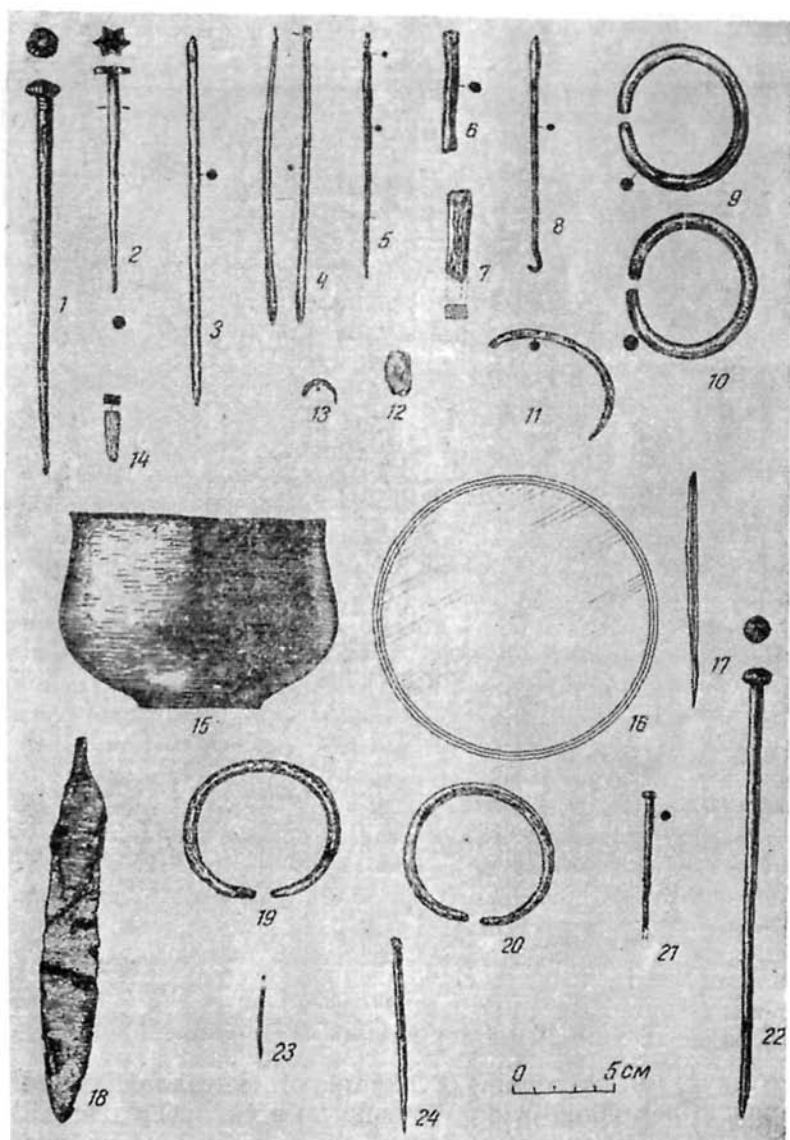

Рис. 2. Набор мелких бронзовых предметов из Сапаллитепа

Металл двух чаш (рис. 1, 8; 2, 15; табл. 1, № 22—73; 21—73) сохранился плохо, что отрицательно повлияло на точность характеристик сплавов, из которых были изготовлены изучаемые предметы. Количественный спектральный анализ проб был проведен в

лаборатории археологической технологии ЛОИА АН СССР научным сотрудником В. Д. Наумовым.

Как показали результаты количественного спектрального анализа, все предметы по химическому составу представляют собой бронзы — сложные двух-, трехкомпонентные сплавы на медной основе в различном сочетании с другими составляющими: оловом, мышьяком и свинцом.

Исключение составляют две серебряные серьги и ручка ножа, изготовленная из «чистой» меди.

В таблице 1 представлены результаты анализов, уже сгруппированных по химическому типу сплава. Такое расположение материала позволило, с одной стороны, подтвердить наличие бронз, выделенных на Сапаллитепа по предыдущим находкам, и правомочность подобной классификации, с другой стороны, отметить наличие сплавов с несколькими иным сочетанием компонентов, неизвестных пока в Средней Азии в эпоху бронзы.

Несмотря на разнообразие типов сплавов среди исследованных изделий наблюдается весьма постоянный качественный и количественный состав примесей. Небольшие колебания последних, по-видимому, могут быть объяснены прежде всего сохранностью изделия, а главное — спецификой обработки.

Исходя из сочетания основных компонентов (олово, свинец и мышьяк), все предметы можно разделить на три группы:

I. Предметы из мышьяковистой бронзы. Содержание мышьяка в них колеблется от 1,5 до 7,5%, а примесей других элементов менее 1%. В данной группе выделяется подгруппа предметов из мышьяковистой бронзы со свинцом, в которой содержание свинца колеблется в пределах от 1 до 20%.

II. Предметы из оловянно-мышьяковистой бронзы. Содержание олова от 2 до 15%, мышьяка — от 1 до 3,5%, примесей других металлов менее 1%. В этой группе можно выделить серию предметов из оловянно-мышьяковистой бронзы со свинцом, представляющих подгруппу Б'II, где содержание свинца колеблется в пределах от 1,3 до 4%.

III. Предметы из оловянистой бронзы, в которой содержание олова колеблется от 1 до 11%, а примесей других элементов менее 1%.

Предметы из мышьяковистой бронзы со свинцом и мышьякостоловянистой бронзы со свинцом ($Cu \cdot As \cdot Pb$, $Cu \cdot As \cdot Sn \cdot Pb$). Мышьяковистая бронза со свинцом отмечалась ранее среди изделий Сапаллитепа как подгруппа мышьяковистой бронзы $Cu \cdot As$ (Б'I), включающая свинец, и не выделялась в отдельный тип сплава⁵.

Сгруппированные по этому принципу в таблице 1 данные о предметах № 32—73, 37—73, 47—73, 39—73, в которых содержание

⁵ А. А. Аскарлов, И. В. Богданова-Березовская. Металлические изделия..., стр. 61.

Результаты количественного спектрального анализа

Тип сплава	Лабораторный номер	Наименование предмета	Рис.	Cu	Sn	Pb	Zn
Мышьковистая бронза со свинцом (Cu·As·Pb)	11-73	Сосуд	3,1	90,92	0,04	5,00	0,50
	53-73	Сосуд	3,2	84,02	0,05	8,00	0,02
	54-73	Сосуд	3,3	86,86	0,01	10,00	0,03
	15-73	Височное кольцо	3,4	83,41	0,05	5,00	0,10
	18-73	Височное кольцо	3,5	90,00	0,05	3,00	0,05
	27-73	Печать	3,6	78,40	0,02	20,00	0,02
	20-73	Зеркало с ручкой	3,7	86-54	0,30	4,50	0,15
		Тело зеркала		93,61	0,80	1,50	0,15
	8-73	Печать	3,8	75,94	0,01	18,00	0,10
	28-73	Обломок браслета	3,9	88,33	0,04	3,00	0,01
		Зеркало с ручкой	3,10				
	30-73	Ручка		87,32	0,05	10,00	0,03
		Тело		95,00	0,20	1,00	0,05
	32-73	Обломок стамески	3,11	94,36	0,03	1,50	0,02
	37-73	Шило	3,12	94,03	0,50	1,30	0,03
47-73	Шило	3,13	94,11	0,04	2,00	0,10	
39-73	Шпилька	3,14	95,71	0,30	1,00	0,03	
1-73	Булавка	3,15	88,75	0,10	5,00	0,10	
Оловянно-мышьяковистая бронза (Cu·Sn·As)	48-73	Серьга	1,1	81,97	15,00	0,15	0,10
	49-73	Серьга	1,2	95,24	2,00	0,70	0,10
	50-73	Серьга	1,3	86,91	10,00	0,50	0,20
	12-73	Обломок серпа	1,4	89,21	7,00	0,80	0,02
	31-73	Топор	1,5	86,75	8,50	0,15	0,03
	42-73	Браслет	1,6	83,35	15,00	0,12	—(?)
	16-73	Браслет	1,7	93,24	2,50	0,50	0,05
Оловянистая бронза (Cu·Sn)	22-73	Чаша	1,8	80,65	17,00	0,15	0,60
	5-73	Булавка	1,9	87,19	11,00	0,50	0,10
	2-73	Шпилька	1,10	97,81	1,00	0,10	0,70
Серебро	9-73	Серьга	1,11	Есть	—	0,70	0,05
Чистая медь	10-73	Серьга	1,12	Есть	—	2,50	0,05
	46-73	Ручка ножа	1,13	98,88	0,15	0,10	0,01

Таблица 1

металлических изделий из Сапалитепа, %

Bi	Sb	As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	Tl	In
0,03	—	2,50	+	?	0,01	—	≥1,00	—	—
0,01	1,70	6,00	+	—	0,10	—	0,10	—	—
+	—	2,00	+	—	0,08	0,01	1,00	+	0,001(?)
0,20	0,90	9,00	+	+(?)	0,25	0,08	≥1,00	—	0,001(?)
0,08	0,50	5,00	+	—	0,25	0,06	≥1,00	—	0,001(?)
0,04	0,08	1,40	+	—	0,03	+	0,01	—	—
+	0,03	7,50	+	+(?)	0,04	0,02	≥1,00	—	—
0,01	0,07	3,00	+	+(?)	0,25	0,01	0,06	—	—
0,05	—	5,00	+	—	+	—	0,90	—	—
0,02	0,06	7,50	+	+	0,04	—	≥1,00	—	—
+	0,03	2,50	+	—	0,06	—	0,01	—	—
+	0,05	3,00	+	—	0,10	—	0,60	—	—
+	0,02	3,00	+	—	0,25	+	0,80	—	—
0,03	0,02	4,00	+	+(?)	0,08	0,01	1,00	—	—
0,02	0,07	3,00	+	+(?)	0,06	—	0,60	—	—
+	—	2,00	+	—	0,06	—	0,90	—	—
0,10	0,10	5,00	+	—	0,05	+	0,80	—	—
0,02	—	2,00	+	—	0,06	—	0,70	—	—
0,04	0,05	1,70	+	+	0,12	—	0,05	—	—
0,01	—	1,70	+	—	0,08	—	0,60	—	—
0,04	0,01	2,50	+	—	0,12	+	0,30	—	—
+	0,02	3,50	+	—	0,15	—	0,90	—	—
+	0,01	1,00	+	—	0,45	—	0,07	—	—
0,03	0,05	3,00	+	+(?)	0,04	+	0,60	—	—
0,04	—	0,75	—	—	0,01	+	0,80	—	—
0,01	—(?)	0,30	+	—	+	+	0,50	—	—
+	0,01	0,30	+	—	0,01	+	0,07	+	—
+	—	—	Осн.	Есть	—	—	+	—	—
+	—	—	Осн.	Есть	—	—	+	—	—
+	0,01	0,60	+	—	0,15	+	0,10	—	—

Тип сплава	Лабораторный номер	Наименование, предмета	Рис.	Cu	Sn	Pb	Zn
Мышьковистая бронза (Cu·As)	26—73	Булавка	2,1	95,44	0,20	0,50	0,03
	35—73	Печать-булавка	2,2	90,18	0,25	0,80	0,05
	33—73	Шпилька	2,3	95,30	0,20	0,70	0,20
	38—73	Туалетная лопаточка	2,4	96,85	0,02	0,50	0,03
	52—73	Шило	2,5	93,67	0,80	0,50	0,03
	41—73	Кусок проволоки	2,6	91,01	0,15	0,80	0,02(?)
	23—73	Предмет неизвестного назначения	2,7	94,03	0,30	0,30	0,05
	40—73	Вязальный крючок	2,8	97,42	0,10	0,50	0,03
	19—73	Браслет	2,9	95,13	0,60	0,07	0,05
	17—73	Браслет	2,10	96,08	0,01	0,12	0,05
	36—73	Обломок браслета	2,11	95,23	+ (?)	0,05	0,02
	13—73	Предмет неизвестного назначения	2,12	96,93	0,15	0,50	0,02
	51—73	Обломок серьги	2,13	97,39	0,50	0,30	0,01 (?)
	43—73	Черенок от ножа	2,14	95,63	0,15	0,10	0,01 (?)
	21—73	Чаша	2,15	97,53	0,02	0,15	0,60
	29—73	Зеркало без ручки	2,16	96,42	0,20	0,05	0,01 (?)
	24—73	Шило	2,17	94,81	0,20	0,80	0,01
Мышьково-оловянистая бронза со свинцом (Cu·Sn·As·Pb)	6—73	Нож	2,18	93,69	2,50	1,50	0,2
	44—73	Браслет	2,19	88,76	7,00	1,50	0,01 (?)
	45—73	Браслет	2,20	89,01	7,00	1,50	0,01 (?)
	34—73	Булавка	2,21	89,13	6,00	2,00	0,04
	7—73	Булавка	2,22	93,85	2,00	1,30	0,10
	25—73	Шило	2,23	89,20	2,50	4,00	0,20
	3—73	Булавка	2,24	85,35	10,00	1,70	0,10

Примечание. Знак + означает следы элемента.

свинца не превышало 2%, вполне соответствовали предположениям о подгруппах со случайным попаданием свинца в сплав⁶.

Однако высокое содержание свинца в последующих пробах (табл. 1, № 18—73, 28—73, 20—73, 15—73, 1—73, 11—73, 54—73,

⁶ И. В. Богданова-Березовская. Химический состав металлических предметов из Минусинской котловины, сб. «Новые методы в археологических исследованиях», М.—Л., 1963, стр. 120.

Bi	Sb	As	Ag	Au	Ni	Co	Fe	Ti	Jn
0,01	0,03	3,00	+	+	0,09	+	0,70	—	—
0,02	0,20	7,50	+	—	0,06	0,04	0,90	—	—
+	0,03	3,00	+	—	0,07	—	0,50	—	—
0,04	0,02	2,50	+	—	0,01	—	0,03	—	—
0,01	0,10	4,00	+	+(?)	0,08	0,01	0,80	—	—
+	0,01	7,00	+	—	0,01	+	»1,00	—	—
0,01	0,05	4,00	+	+(?)	0,25	0,01	»1,00	—	—
+	0,02	1,70	+	—	0,15	0,01	0,07	—	—
0,04	0,07	3,50	+	—	0,04	+	0,50	—	—
0,03	—	3,00	+	—	0,01	+	0,70	—	—
+	—	4,00	+	—	+	—	0,70	—	—
0,03	0,01 (?)	1,70	+	—	0,06	+	0,60	—	—
+	?	1,50	+	—	0,10	—	0,20	+	—
+	-(?)	3,00	+	—	0,10	0,01	»1,00	—	—
+	—	1,20	+	—	+	—	0,50	—	—
+	—	2,50	+	—	0,02	—	0,80	—	—
+	0,02	3,00	+	+(?)	0,15	0,01	»1,00	—	—
0,02	0,02	1,50	+	—	0,06	+	0,50	—	0,001 (?)
+	0,08	1,70	+	—	0,25	—	0,70	—	—
+	0,05	1,70	+	—	0,025	—	0,70	—	—
+	0,05	2,00	+	—	0,08	—	0,70	—	—
0,05	0,05	2,50	+	—	0,07	+	0,08	—	—
0,01	0,08	3,00	+	+	0,10	0,01	0,90	—	—
0,04	0,01	1,70	+	—	0,20	+	0,90	—	—

30—73, 8—73, 27—73, 53—73) вряд ли можно объяснить тем, что свинец является случайной примесью, во всяком случае для Узбекистана.

Интересно, что за редким исключением содержание мышьяка довольно постоянно.

Выделяются большим содержанием мышьяка предметы под номерами 15—73, 20—73, 28—73 (рис. 3, 4, 7, 9). Это височное кольцо (9% мышьяка при 5% свинца), ручка зеркала (7,5% мышьяка при 4% свинца) и браслет (7,5% мышьяка при 3% свинца).

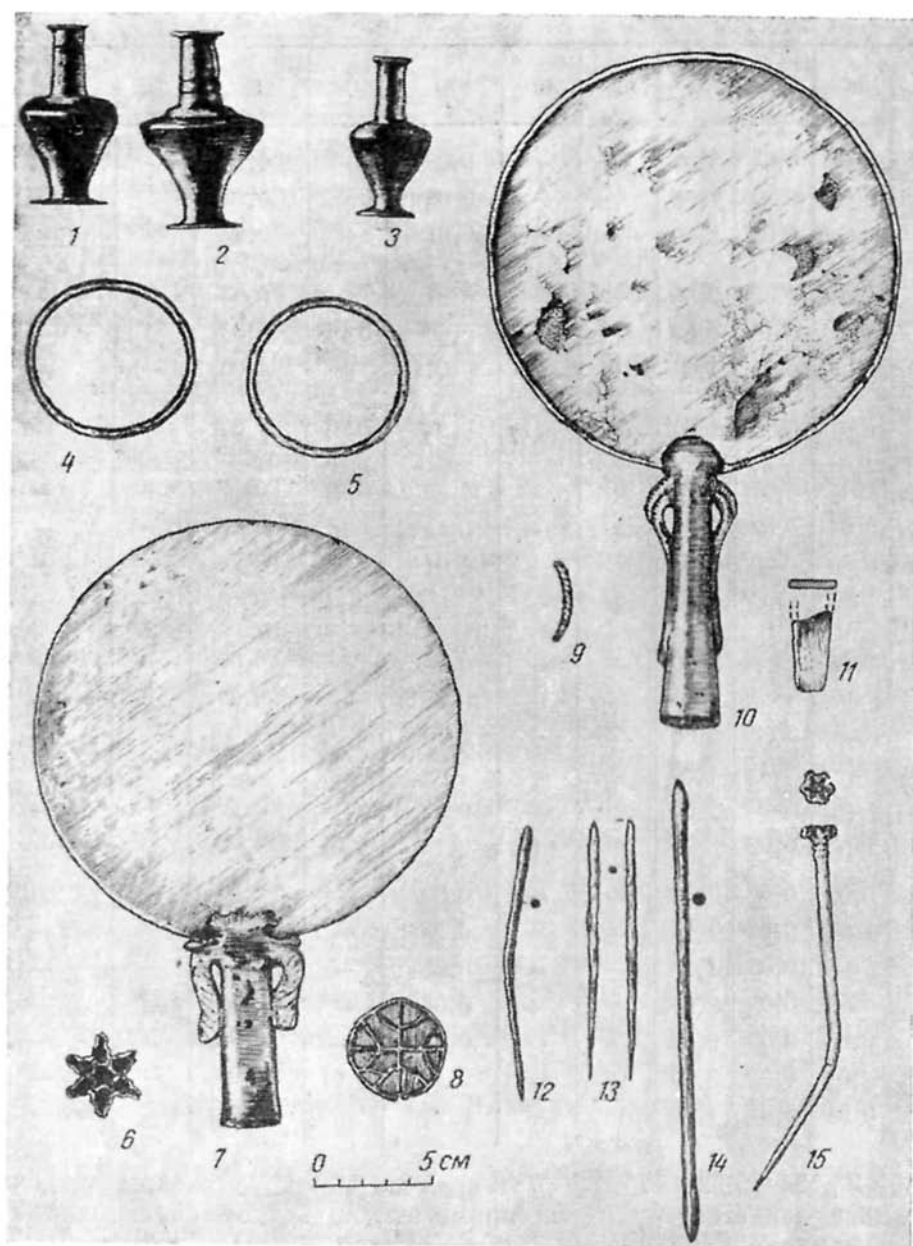

Рис. 3. Б; онзовые изделия из Сапаллитепа

~~Некоторые изделия, например, два височных кольца (рис. 3, 4, 5; табл. 1, № 15—73, 18—73), обломок стамески (рис. 3, 11; табл. 1, № 32—73) и тело зеркала (рис. 3, 7; табл. 1, № 20—73) отличаются от других повышенным содержанием никеля (0,25%). По сравнению с другими предметами этой подгруппы, у сосуда № 53—73 (туалетный флакон) (рис. 3, 2) обнаружено значительное количество сурьмы (1,7%). Однако, судя по назначению сосуда, правильной будет считать, что сурьма не входила первоначально в состав сплава, из которого он был изготовлен, а оказалась в пробе случайно, попав туда со стенки горловины сосуда. Флакон, по-видимому, служил для хранения сурьмы (сурьмяных притираний) излюбленного косметического средства женщин Востока, об употреблении которого, главным образом для подкраски глаз, часто упоминает Беруни⁷.~~

Небольшие колебания содержания остальных примесей у изделий этой подгруппы, по-видимому, можно объяснить теми же причинами; о которых было сказано ранее.

То же самое можно сказать и о подгруппе мышьяково-оловянистой бронзы со свинцом (Б'II), хотя этот сплав включает в свой состав свинец не в столь большом количестве (рис. 2, 18—24; табл. 1, № 6—73, 44—73, 45—73, 34—73, 7—73, 25—73, 3—73).

Состав остальных примесей довольно однороден и постоянен, причем два браслета (табл. 1, 44—73, 45—73) настолько близки по химической характеристике, что, возможно, они изготовлены из одного и того же сырья и по одному рецепту.

Заметно отличается по химическому составу шило (табл. 1, № 25—73), сплав которого содержит большое количество мышьяка (3%) и, в отличие от других изделий, включает следы золота, что указывает на использование металла, выплавленного из иного источника сырья.

У ножа (табл. 1, № 6—73) был проведен анализ ручки, так как после расчистки от продуктов коррозии лезвие ножа стало очень тонким и ломким, что лишило возможности отбора пробы на анализ. Редкоземельный элемент индий был обнаружен у изделий этой группы только в одном образце (нож).

Предметы из оловянно-мышьяковистой бронзы (Cu-Sn-As). Оловянно-мышьяковистая бронза, как и следующий тип сплава, благодаря наличию олова позволила выделить бронзы Сапалли-тепа среди других среднеазиатских бронз II тысячелетия до н. э.

Этот тип сплава представлен семью предметами — это 3 серьги, обломок серпа, топор и 2 браслета (рис. 1, 1—7).

Из таблицы 1 видно, что содержание мышьяка в них довольно постоянно и колеблется в пределах 1,7—3,5%. Исключение составляет лишь браслет № 42—73, в котором концентрация мышьяка не превышает 1%. Браслет отличается также отсутствием цинка и

⁷ Беруни. Минералогия, Пер. А. М. Беленицкого, 1963, стр. 22, 23, 118.

высоким содержанием никеля (0,45%), что указывает на применение никеленосных руд.

Почти все предметы представляют высокооловянно-мышьяковистую бронзу с содержанием олова от 7 до 15%. Количество олова, как правило, определяется назначением предмета. Наличие у некоторых изделий естественных примесей в виде кобальта, золота и сурьмы позволяет считать, что металл был выплавлен из различных медно-мышьяковистых руд с последующим внесением олова в металлическом виде или с бронзовым ломом при переплавке.

Предметы из оловянистой бронзы (Cu-Sn). Группа представлена тремя изделиями: чашей, булавкой и шпилькой (рис. 1, 8—10). Спектральный анализ (табл. 1, № 22—73, 5—73, 2—73) показал разное количественное содержание олова в предметах (при одном и том же типе сплава), что, вероятно, объясняется различным назначением и разной степенью сохранности этих предметов.

В отличие от шпильки, булавка и чаша изготовлены из высокооловянистой бронзы с содержанием олова от 11 до 17%. Состав остальных примесей, за исключением свинца и цинка, достаточно постоянен и однороден.

При определении состава сплава полностью коррозированной чаши был произведен анализ патины этого предмета, в которой было 0,75% мышьяка. Поэтому необходимо считаться с большим его содержанием в первоначальном металле.

Содержание мышьяка в этих предметах колеблется в пределах 0,3—0,75%.

Предметы из мышьяковистой бронзы (Cu-As). Группа представлена 17 изделиями. Это булавка, печать-булавка, шпилька, туалетная лопаточка, шило, кусок проволоки, вязальный крючок, два браслета, обломок браслета, предмет неизвестного назначения, обломок серьги, черенок от ножа, чаша, зеркало без ручки, шило (рис. 2, 1—17).

Как показывают данные анализа (табл. 1), для этого сплава характерно достаточно постоянное количество мышьяка, содержание которого колеблется в пределах 1,7—4%.

По повышенному содержанию мышьяка и свинца выделяются печать-булавка и проволока, в которых соответственно процент As и Pb равен 7,5% и 0,8%; 7% и 0,8%.

По отношению к другим предметам этой группы, у серьги (рис. 2, 13; табл. 1, № 51—73) и чаши (рис. 2, 15; табл. 1, № 21—73) содержание мышьяка несколько ниже — соответственно 1,5% и 1,2%. Можно предполагать, что причина пониженного содержания мышьяка в этих предметах заключена в следующем: для проведения спектрального анализа серьги удалось отобрать пробу в 2,5 мг, вместо положенных по методике 10 мг, а при определении состава сплава чаши из-за плохой сохранности металла был произведен анализ патины. Это обстоятельство указывает на большее содержание мышьяка в первоначальном металле этих изделий.

Три предмета этой группы — шило, вязальный крючок и обло-

мок предмета неизвестного назначения отличаются повышенным содержанием никеля — 0,15% и 0,25%, следовательно, для них использовались медные никеленосные руды. Наличие естественных примесей в некоторых изделиях в виде кобальта, золота и сурьмы

Таблица 2

Распределение изделий по химическому составу сплава

Состав сплава	Черенок, ручки ножей	Обломок серпа	Обломок стамески	Топор	Шпатель	Чаша	Сосуды	Печати	Булавки
Cu·As	1	—	—	—	2	1	—	—	2
Cu·Sn·As	—	1	—	1	—	—	—	—	—
Cu·Sn	—	—	—	—	—	1	—	—	1
Cu·Pb·As	—	—	1	—	2	—	3	2	1
Cu·Sn·Pb·As	1	—	—	—	1	—	—	—	3
Серебро	—	—	—	—	—	—	—	—	—
„Чистая“ медь	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Итого	3	1	1	1	5	2	3	2	7

Продолжение табл. 2

Состав сплава	Браслеты	Зеркала	Височные кольца	Серьги	Вазальный крючок	Туалетная лопаточка	Шпильки	Кусок проволоки	Предметы неизвестного назначения	Всего
Cu·As	3	1	—	1	1	1	1	1	2	17
Cu·Sn·As	2	—	—	3	—	—	—	—	—	7
Cu·Sn	—	—	—	—	—	—	1	—	—	3
Cu·Pb·As	1	2	2	—	—	—	1	—	—	15
Cu·Sn·Pb·As	2	—	—	—	—	—	—	—	—	7
Серебро	—	—	—	2	—	—	—	—	—	2
„Чистая“ медь	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1
Итого	8	3	2	6	1	1	3	1	2	52

говорит о том, что для изготовления бронзы применяли руды различных месторождений. Остальные же примеси в этих изделиях включены примерно в одинаковых количествах.

Предметы, не входящие в состав отмеченных групп. Сюда относятся ручка ножа (рис. 1, 13) и две серебряные серьги (рис. 1, 11, 14).

Как показал спектральный анализ, ручка ножа изготовлена из «чистой» меди с небольшими включениями (0,01%) цинка, сурьмы, висмута, серебра и кобальта. Золото отсутствует. Концентрация олова, свинца и никеля несколько выше и достигает 0,15%; содержание мышьяка — до 0,6%.

Качественный состав серег однороден, имеются примеси в виде свинца, цинка, висмута, золота, меди, железа⁸. Несколько различна количественная характеристика (табл. 1, № 9—73). В серье № 9—73 концентрация свинца не превышает 0,7%, в то время, как в серье № 10—73 она достигает 2,5%. Скорее всего это объясняется составом использованных руд. Концентрация серебра в первой серье выше, чем во второй, а концентрация золота ниже.

При общем анализе химического состава сплавов металлических изделий из поселения Сапаллитепа (табл. II) выясняется, что наибольшее распространение в исследуемый период имели сплавы, содержащие мышьяк (Cu-As) и свинец (Cu-As-Pb). Характерной особенностью бронзовых сплавов Сапаллитепа является достаточно постоянный набор примесей, незначительные колебания которых связаны в основном с технологией изготовления и последующей обработкой⁹.

При расширении объема работ и накоплении данных о химическом составе предметов представится возможность более четкого объяснения и выявления зависимости между составом сплава и его функциональным назначением. Но и сейчас с достаточной достоверностью можно говорить об однородности примесей, что предполагает использование руд близких по химическому составу. С другой стороны, выделенные сплавы свидетельствуют о наличии недалеко от поселения значительных, а главное, доступных источников руд, содержавших в достаточно больших количествах медь, свинец, олово и мышьяк.

Выявление сплавов, включающих в свой состав в больших количествах свинец, позволяет предполагать наличие новых типов сплава в Узбекистане — это мышьяковистая бронза со свинцом (Cu-As-Pb) и оловянно-мышьяковистая бронза со свинцом (Cu-Sn-As-Pb).

И, возможно, не случайно в этой группе предметов первый сплав обнаружен в таком большом количестве (свыше 30%). По-видимому, наряду с древнейшим сплавом — мышьяковистой группой (Cu-As) он имел широкое распространение и был одним из ранних сплавов в Узбекистане.

Вместе с вышеуказанными сплавами был обнаружен сплав с иной химической характеристикой, основой которого является серебро, включающее достаточно большие количества таких примесей, как свинец и медь.

Продолжение систематического исследования металлических предметов Сапаллитепа на основе химико-технологического анализа позволит разрешить ряд историко-культурных проблем и яснее представить процесс развития древней металлургии на территории Узбекистана.

⁸ Был проведен только полуколичественный спектральный анализ.

⁹ А. А. Аскар, И. В. Богданова-Березовская. Металлические изделия..., стр. 63—64.

Д. КАБИРОВ

К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ СРЕДНЕЙ АЗИИ И КАЗАХСТАНА

Многочисленные наскальные рисунки, открытые почти во всех районах Средней Азии и Казахстана, дают богатый материал для установления различий в рамках единого стиля, свойственного той или иной эпохе.

Сюжет, тематика, стиль, степень сохранности, сравнительный анализ с рисунками других памятников наскальных изображений, остеологические, археологические, а также ряд косвенных данных позволяют сделать вывод о том, что нижняя граница древнейшего пласта петроглифов Сармышская относится к III тысячелетию до н. э., а верхняя — к I тысячелетию н. э.

К ранней хронологической группе, предшествующей эпохе раннего железа и датируемой временем энеолита и бронзового века, можно отнести и ряд комплексов Саймалыташа¹ и Каратау неподалеку от города Навои².

На территории Каратау обнаружено более 15 пунктов древних наскальных изображений. Наиболее интересны петроглифы Сармышская, где сосредоточены более 3500 фигур, причем значительная группа изображений может быть отнесена к ранней эпохе. Особенно характерны фигуры быков, выполненные в реалистическом тенево-м стиле, и большие контурные изображения быков (130—120 см). Среди петроглифов Каратау значительное место занимают изображения диких и домашних быков в орнаментально-ажурном стиле с различными вариантами заполнения туловища животных³. Такая своеобразная трактовка туловища животного — одна из основных особенностей петроглифов Каратау.

К раннему пласту петроглифов Каратау можно отнести реалистичные изображения горных козлов архаического типа, исполненные техникой выбивки (рис. 1).

Подобные изображения горных козлов отсутствуют в Саймалыташе, но часто встречаются на расписной керамике Каратепе в

¹ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалыташ, СЭ, 1952, № 2, стр. 65, рис. 4—6, 10.

² Д. Ж. Кабиров. Наскальные изображения Сармышская, ИМКУ, вып. 9, 1972, стр. 54, рис. 1.

³ Там же, стр. 51—52, рис.

Южной Туркмении, относящейся к III тысячелетию до н. э.⁴ Это свидетельствует об их связи как с севером, так и с югом Средней

	КАРАТАУ	САЙМАЛЫТАШ
БЫКИ И ЯКИ		
		
		
		
		
		
КОЗЛЫ		

Рис. 1. Сравнительная таблица изображений животных III—II тысячелетия до н. э.

⁴ В. М. Массон. Росписная керамика Южной Туркмении по раскопкам Б. А. Куфтина, Труды ЮТАКЭ, т. VII, 1956, табл. V, рис. 5—7; Он же. Кара-депе у Артыка, Труды ЮТАКЭ, т. X, 1961, табл. XXI, рис. 3, 5—7, табл. XXIV, рис. 3, 4, 7, 9; В. И. Сарияниди. Памятники позднего энеолита Юго-Восточной Туркмении, САИ, М., 1965, вып. Б, 3—8, табл. XIV, рис. 22—24; Он же. Тайны исчезнувшего искусства Каракумов, М., 1967, стр. 67.

Азии и с древним Востоком. Все это характеризует Каратау как своеобразный локальный комплекс наскальных изображений, вероятно, соответствующий какой-то культурной общности этого района. Своеобразие комплекса Каратау становится особенно заметным при сравнении его с рисунками Саймалыташа. Эти отличия заметны в трактовке фигур быков и яков. Во-первых, изображения Саймалыташа по размерам несколько меньше, чем изображения быков Сармичсая и Каратау. Во-вторых, выполнены они геометрическо-теневым стилем, при котором туловища животных трактуются двумя треугольниками, поднятыми головами, узкими мордами и двумя тонкими рогами. Эти изображения характерны для Саймалыташа и указывают на специфические отличия комплекса⁵.

На скалах Саймалыташа встречаются также фигуры козлов в виде прямоугольника, выбитые сплошным силуэтом⁶. Козлы изображены с узкими мордами, двумя загнутыми назад рогами, длинной шеей, четырьмя прямыми короткими ногами и маленькими хвостами. Аналогичные изображения встречены в Сармичсаяе и других местах Каратау, что подтверждает хронологическую близость обоих комплексов.

Значительно большее число локальных вариантов можно отметить для наскальных рисунков эпохи раннего железа, иногда называемой сакским или скифским периодом. Здесь отчетливо различаются четыре территориальные группы, обладающие каждая рядом стилистических особенностей (рис. 2).

К первой территориальной группе относятся петроглифы Каратау. На скалах Каратау, в частности в ущелье Сармичсая, зафиксировано множество рисунков горных козлов, лошадей, хищников и других животных, выполненных как контуром, так и сплошным силуэтом. Выделяется группа изображений, выполненных тщательно, чрезвычайно живо и реалистично.

Горные козлы нанесены техникой сплошной выбивки рукою искусного художника. Морды козлов узкие, головы подняты, рога сильно загнуты к спине, туловища стройные и гибкие, ноги длинные и тонкие. Передние ноги прямые, а задние согнуты в колене. Маленькие хвостики либо опущены, либо прямые, редко загнуты вверх.

Изображения хищников также нанесены техникой выбивки. Они изображены с округлыми мордами и выделенными ушами, короткими шеями, удлинненными туловищами, опущенными вниз хвостами, кончик хвоста заканчивается в виде закрученной спирали. Вместо четырех ног, показаны две, согнутые в колене. Отчетливо видны когти, характерные для семьи кошачьих.

⁵ А. Н. Бериштам. Наскальные изображения Саймалыташа, СЭ, 1952, № 2, стр. 61, рис. 10.

⁶ Там же, стр. 57, рис. 5.

Так же реалистично исполнены изображения лошадей. Они характеризуются совершенно своеобразным стилем: массивные головы, маленькие уши, плавно загнутые лебединые шеи, стройные туловища с двумя тонкими ногами и опущенными вниз хвостами, на крупе оставлены невыбитые участки округлой формы. Аналогичных фигур лошадей еще нигде не обнаружено.

Реалистичные изображения животных являются одной из основных специфических особенностей наскальных изображений Каратау сакского времени. Несмотря на ряд существенных отличий, этот

	КАРАТАУ	ФЕРГАНА	КИРГИЗИЯ И ПАМИР	КАЗАХСТАН
Козлы				
Лошади				
Хищники				

Рис. 2. Сравнительная таблица изображений животных сако-скифского времени

локальный вариант изображений животных находит близкие аналогии среди петроглифов и археологических материалов Евразской степи, горных районов Средней Азии, Казахстана, Южной Сибири и Монголии, относящихся к эпохе ранних кочевников — VII—I вв. до н. э.

Ко второй территориальной группе следует отнести петроглифы долины Ахангарана, горных районов Северной, Западной и Южной Ферганы, а также верховьев Зарафшана, из которых отдельные датируются второй половиной I тысячелетия до н. э.⁷

В отличие от реалистических наскальных изображений Каратау, они характеризуются грубым исполнением, схематизированной трактовкой. Корпус, ноги, хвосты, морды изображаемых фигур передаются линейно-схематическим стилем. Козлы воспроизведены

⁷ Г. В. Шацкий. Редкие сюжеты на петроглифах Охны, ИМКУ, вып. 7, Ташкент, 1966, стр. 41, рис. 1, 2; В. А. Рапов. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте, Труды ИИ АН ТаджССР, XXIX, вып. 2, Сталинабад, 1960, стр. 124, рис. 1, 9, 10; А. Н. Дальский. Наскальные изображения в бассейне реки Зарафшана, МИА, вып. 15, стр. 232—240, табл. 102.

с четырьмя ногами, удлиненными туловищами и двумя длинными рогами. Иногда верхние части рогов соединяются друг с другом. Хищники изображены с открытой пастью, короткими шеями, удлиненными туловищами, четырьмя ногами, длинными хвостами. Все фигуры нанесены техникой выбивки. Среди петроглифов Каратау подобных фигур животных не обнаружено.

Линейно-схематическим стилем выполнена и основная масса рисунков Шайданса и Курукса. Только отдельные изображения нанесены сплошным силуэтом более реалистично. Привлекает внимание фигурка козла с большими рогами, вогнутой спиной, поднятой головой и ажурной трактовкой на корпусе. Фигурка датируется VII—I вв. до н. э.⁸

Третью территориальную группу представляют наскальные рисунки Киргизии и Памира. Они несколько ближе к петроглифам Каратау, но и между ними имеются заметные различия. Во-первых, изображения лошадей Айрымачтау по размерам в несколько раз больше, чем фигуры в Каратау. Во-вторых, отдельные детали фигур лошадей Айрымачтау несколько схематизированы, хотя в целом рисунки выполнены теневым реалистичным стилем, датируемым второй половиной I тысячелетия до н. э.⁹

В киргизской территориальной группе, в частности в Саймалыташе, можно выделить изображения козлов, хищников и различных животных, выполненные линейно-схематическим, реалистичным теневым и орнаментально-реалистичным стилем, относящиеся к сако-сарматскому времени¹⁰.

Аналогичные изображения встречены в долине р. Талас¹¹.

Петроглифы Киргизии имеют много общего с петроглифами Каратау. Но отдельные детали (общая трактовка туловища, рога, ноги, хвост и манера изображения) отличают фигуры Каратау от изображений Киргизии. Для петроглифов Саймалыташа сако-сарматского времени характерно изображение козлов с вогнутыми спинами и ажурная трактовка туловища, которая не встречается в Каратау. Для этой территориальной группы характерны древние петроглифы Памира¹². По сюжету, тематике, технике, размерам и стилю они приближаются к петроглифам Киргизии. Исходя из этого, можно предположить, что петроглифы Памира и Восточного

⁸ В. А. Ранов. Новые наскальные изображения в Кураминском хребте, стр. 125, рис. 1, 9.

⁹ М. Е. Массон. Древние наскальные изображения домашних лошадей в Южном Киргизстане, Фрунзе, 1948, Труды ИЯЛИ Киргизского ФАН СССР, вып. 2, стр. 129—134, рис. 1, 2; Ю. А. Заднепровский. Наскальные изображения лошадей в урочище Айрымачтау, СЭ, 1962, № 5, стр. 127, рис. 2; Он же. Древнеземледельческая культура Ферганы, М.—Л., 1962, стр. 178—181, рис. 41.

¹⁰ А. Н. Бернштам. Наскальные изображения Саймалыташ, стр. 59—65, рис. 7, 8.

¹¹ В. М. Гапоненко. Наскальные изображения Таласской долины, сб. «Археологические памятники Таласской долины», Фрунзе, 1963, стр. 105.

¹² В. А. Ранов. Краткий обзор наскальных рисунков Горно-Бадахшанской автономной обл. Таджикской ССР, СЭ, 1966, № 2, стр. 110—119, рис. 1, 2.

Тянь-Шаня относятся к одной культурно-исторической общности.

Четвертую территориальную группу представляют наскальные рисунки Казахстана. Разнообразны и богаты по сюжету, тематике, стилю и размерам петроглифы казахстанской территориальной группы. Среди них встречаются отдельные группы фигур горных козлов, архаров, хищников, лошадей и других животных, отличающиеся от наскальных изображений Каратау. Изображения горных козлов Сарыбулака в Бетпак Дала выполнены схематично: с саблевидными рогами, вытянутыми вперед головами, тонкими шеями, схематичными туловищами, двумя короткими, прямыми ногами и маленькими хвостиками. Архары нанесены сплошным силуэтом с двумя сильно закрученными рогами, вытянутыми вперед мордами, длинными шеями, более реалистичными туловищами и двумя короткими ногами. Датируются петроглифы VI—I вв. до н. э.¹³

На скалах верховий Иртыша встречаются изображения козлов, лошадей, хищников и других животных, датируемые V—III вв. до н. э.¹⁴ Лошади изображались более грубо: с большими головами, короткими шеями, гибкими туловищами, двумя ногами и опущенными вниз хвостами. Нарисованы они схематично и отличаются от фигур Каратау и Айрымачтау меньшими размерами. Хищники выполнены более реалистично: морды округлые, шеи довольно короткие, туловища массивные, короткие хвосты опущены вниз, на двух ногах четко показаны когти¹⁵.

Таким образом, петроглифы Средней Азии и Казахстана сако-скифского времени, ориентировочно разделенные на четыре территориальные группы, по стилю, размерам, художественному исполнению и трактовке не только заметно отличаются друг от друга, но и имеют много общих черт и принадлежат единой эпохе. В петроглифах Ферганы и долины Зарафшана фигуры животных выполнены в линейно-схематическом стиле, каратауские же рисунки выделяются реалистичными изображениями животных. Для наскальных изображений Саймалыташа характерны ажурные фигуры козлов. Петроглифы Казахстана по стилю исполнения близки к петроглифам Киргизии.

Интересно, что петроглифы чаще всего сосредоточены в районах с обильной травой и источниками воды, т. е. в яйлажных, горных и степных районах Средней Азии и Казахстана, которые в древности были заняты племенами кочевников. Творцами этих петроглифов могли быть саки-скифы, массагеты, усунь и другие племена.

¹³ Л. Р. Қызласов. Сары-Булакская писаница в Бетпак Дала, ҚСИИМК, вып. XXXV, 1950, стр. 140—141, рис. 47.

¹⁴ С. С. Черников. Наскальные изображения верховий Иртыша, СА, 1947, № 9, стр. 251—280, рис. 4, 1; 9, 1; 12, 1; 15, 2; А. Г. Максимова. Наскальные изображения урочища Тамгалы, «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1958, № 9, стр. 108—110, рис. 2, 4, 5, 31, 34.

¹⁵ С. С. Черников. Наскальные изображения верховий Иртыша, стр. 265—269, рис. 12, 4; 15, 1.

Б. УРАКОВ

КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ПОЗДНЕАНТИЧНЫХ ПАМЯТНИКОВ КЫЗЫЛҚЫР 1 И СЕТАЛАҚ 1

Развалины двух поселений известны под названием Кызылқыр 1 и Сеталақ 1, расположены в Бухарской области, в 45 км от Бухары на границе пустынной зоны.

Кызылқыр 1 — невысокий округлый холм диаметром около 80 м и высотой 3,5 м. Памятник был обследован в 1953—1960 гг. сотрудниками Махандарьинского отряда под руководством акад. АН УзССР Я. Г. Гулямова. Результаты работ были опубликованы в предварительных сообщениях, где полученные материалы датируются в целом I в. до н. э. — I в. н. э.¹

Сеталақ 1, находящийся в 2 км к северу от Кызылқыра 1, впервые изучался в 1968—1969 гг. Я. Амировым. Им был заложен шурф на холме, из которого получен керамический материал и несколько медных монет, относимых к чекану Гиркода.

В данной статье рассматриваются комплексы керамики этих двух памятников².

Керамика Кызылқыра 1 представлена в основном материалами позднего строительного периода. Как для Кызылқыра, так и для Сеталақа характерно сочетание устойчивого набора форм посуды, изготовленной на круге, с некоторым количеством лепных горшков. Встречаются и очажные подставки.

Среди гончарной керамики выделяются 5 основных форм — чаши, кувшины, корчаги, фляги, хумы.

1. Чаши — самая характерная форма рассматриваемого комплекса. Они высокие, уплощенные, со слабым изгибом корпуса и слегка выпуклыми в верхней части стенками, часто довольно толстостенные с рыхловатым черепком, покрыты красным ангобом. снаружи по краю поверх ангоба нанесена черная краска. Высота сосудов 7—11 см, диаметр венчика 12—17 см (рис., 1—3).

2. Кувшины представлены тремя основными формами:

а) крупные яйцевидные кувшины с одной ручкой или без нее, с расширяющейся средней частью тулова и отогнутым наружу округ-

¹ Я. Г. Гулямов. Археологические работы к западу от Бухарского оазиса, Труды ИИА АН УзССР, вып. 8, Ташкент, 1956, стр. 158.

² В связи с тем, что в статье использованы материалы раскопок других исследователей, автор не имеет возможности дать четкое местонахождение керамики и послышное количественное соотношение материала.

лым венчиком; диаметр венчика 5—10 см, толщина стенок 7—9 см; ангоб грязновато-желтого цвета, обжиг средний, тесто без примесей и хорошо промешанное (рис., 6);

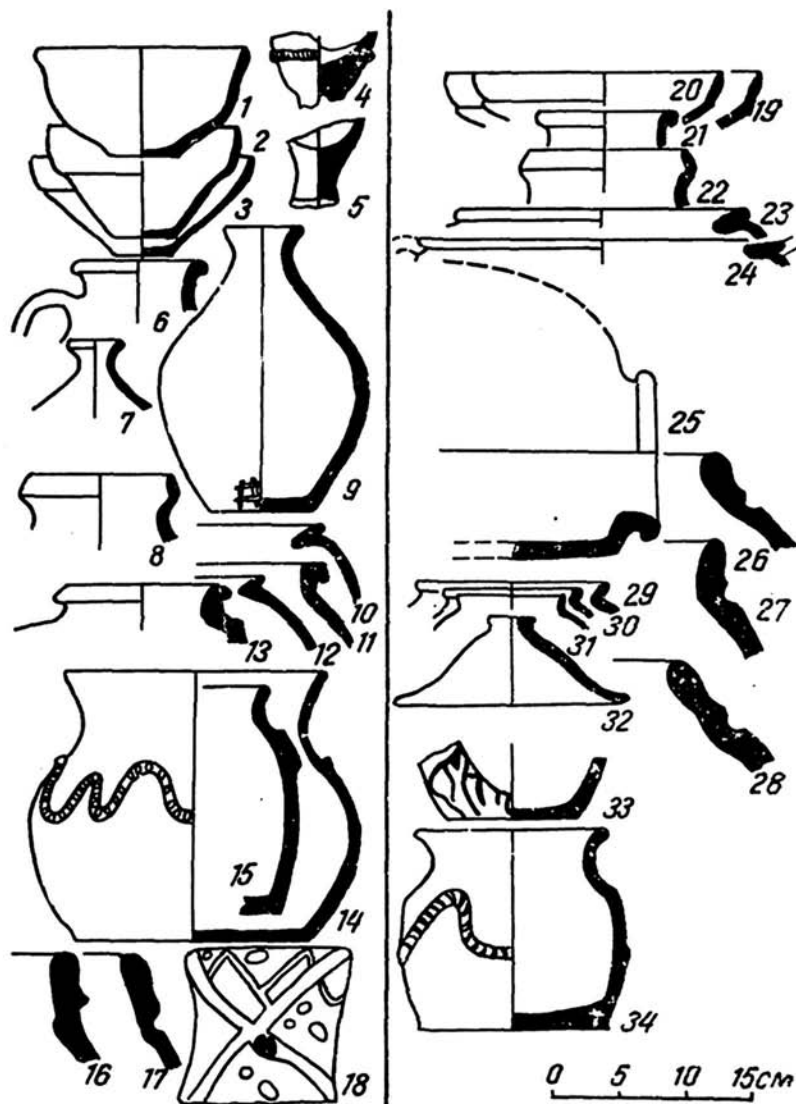

Рис. 1. Комплекс керамики из памятников Кызылкыра I и Сеталак I:
1—18—керамика Кызылкыра I; 19—34—керамика Сеталака I

б) сосуды с короткой шейкой, завершенной отогнутым наружу венчиком, округлым или подтреугольным в разрезе (рис., 1. 8); обжиг хороший, ангоб плотный, красный или серый; плечики обычно

пологие, но встречаются и круглые; диаметр венчика 6—11 см, толщина стенок от 0,3 до 1,5 см;

в) графитообразные небольшие сосуды с узкой горловиной и обычно яйцевидной формой корпуса различной вытянутости; обжиг средний, ангоб чаще различных оттенков серого цвета, но встречаются сосуды и с красным ангобом (рис., 7, 9).

Одним экземпляром представлен крупный сосуд с яйцевидным, сильно вытянутым корпусом, с широким плоским дном и узкой короткой горловиной. Наружная поверхность покрыта желтовато-розовым ангобом с потеками черного или темно-коричневого цвета. Глина хорошо промешана, обжиг хороший. Высота сосуда 40 см, диаметр дна 16 см.

3. Широкогорлые корчаги с широкими носиками под резко отогнутым венчиком (рис. 10—12). Сосуды имеют шаровидное тулово, завершающееся отогнутым наружу плоским венчиком. Большая часть сосудов внутри и снаружи покрыта красным ангобом, но широко применяется и беловато-серый ангоб с потеками коричнево-черного цвета. Тесто хорошего качества, обжиг сильный. Диаметр венчика 20—26 см, толщина стенок 3—7 мм. Аналогичные сосуды, но меньших размеров и без венчика, встречаются на Аултепе, где датируются V—VI вв.³

4. Фляги составляют незначительную часть керамического материала. Это сосуды шаровидной формы, уплощенные с одной стороны, с небольшой горловиной, завершенной отогнутым наружу венчиком (рис., 13).

Изготовлены сосуды в хорошей гончарной технике, покрыты грязно-желтым или же красноватым ангобом, иногда с потеками коричнево-черной краски. Диаметр венчика их колеблется от 8 до 11,5 см, толщина стенок от 0,5 до 1,5 см. Аналогичные фляги найдены на многих памятниках первых веков нашей эры — на Баштепе (Бухарская обл.)⁴, в низовьях Сырдарьи⁵, Актобе 2 (Ташкентская обл.)⁶, в районе г. Ташкента⁷, Ферганы⁸, Таласской долины⁹.

³ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда III—IV веков, СА, 1963, № 1, стр. 219—230, рис. 2, 31.

⁴ В. А. Шишкин. Археологическая разведка на Баш-Тепе, Труды ИИА АН УзССР, т. VIII, Ташкент, 1956, стр. 168, рис. 3, 13, стр. 170—171.

⁵ С. П. Толстов. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг., ТХЭ, т. II, М., 1953, стр. 245, рис. 119, 6.

⁶ Л. М. Левина. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э., М., 1971, стр. 126, рис. 40, 27, 28.

⁷ Г. В. Григорьев. Келесская степь в археологическом отношении, «Известия АН КазССР», 1948, № 46, вып. 1, рис. 87.

⁸ Т. Г. Оболдуева. Отчет о работе первого отряда археологической экспедиции на строительстве Большого Ферганского канала, Труды ИИА АН УзССР, т. IV, Ташкент, 1951, стр. 12, табл. I, рис. 25, 8; С. С. Сорокин. Некоторые вопросы происхождения керамики катакомбных могил Ферганы, СА, XX, 1954, стр. 136, рис. 4, 33.

⁹ И. Кожамбердыев. Могильник Акчий-Карасу в долине Кетмен-Тюбе, «Известия АН КиргССР», т. II, 1960, вып. 3, стр. 2, 3.

5. Хумы комплекса однотипны, с плоским венчиком, переходящим сразу в крутые плечики и отделенные от него ложбинкой (рис., 16, 17). Венчик обычно с орнаментом в виде параллельных вдавлений пальцем на поверхности. Основа корпуса изготовлялась на круге с последующей доработкой руками. Хумы покрывались черным ангобом. Сосуды относительно тонкостенные, толщина венчика 2 см, толщина стенок в верхней части от 1 до 1,2 см. Подобные хумы были обнаружены в нижних слоях Варахши, где они датируются началом нашей эры¹⁰.

Кроме того, найден хум с валикообразным венчиком, отделенным от корпуса ложбиной. Цвет черепка в изломе красноватый, ангоб отсутствует, обжиг хороший, глина без примесей. Толщина стенок 2,5 см. Аналогичный сосуд, найденный на Варахше, датируется III—IV вв.¹¹

Сосуды ручной лепки встречаются сравнительно редко. Это в основном различные формы больших и малых горшков и две курильницы.

Горшки изготовлены из плохо отмученной глины с примесью дресвы. Тулова широкие, приземистые, венчик невысокий и вертикальный, иногда слегка отогнутый наружу. Устья и днища широкие, почти равные по диаметру. Сосуды покрыты грязно-желтым ангобом и часто орнаментированы наклепной зигзагообразной лентой, иногда с насечками на ней (рис., 14—15). Некоторые сосуды на уровне наклепной полосы украшены выступами. Диаметр венчиков от 10 до 20 см, толщина стенок 5—7 мм.

Интересны горшки с вытянутой в высоту и относительно высокой узкой горловиной и слегка отогнутым наружу краем. Донце плоское. Один из них украшен полосой насечек с выступами на резко подчеркнутых плечиках. В глине примесь дресвы, обжиг слабый. Ангоб пятнистый, буровато-желтый. Диаметр днища 14 см, толщина стенок 7 мм.

Курильницы представляют собой короткие, грубо слепленные полые стержни, плавно расширяющиеся кверху и к низу таким образом, чтобы в верхней части возможно было сделать углубление—выем для чаши, а внизу — подставку для сосуда (рис. 4, 5). Подобная курильница II—IV вв. была найдена на кургане Куюмазарского могильника¹².

Кроме основных описанных форм керамического комплекса Кызылкыр I есть и некоторые промежуточные формы, сочетающие в себе признаки основных форм, например, корчаги с удлиненным горлом, напоминающие кувшины.

В комплексе Кызылкыр встречены керамические очажные подставки и пряслица. Очажные подставки плоские, с закругленными

¹⁰ В. А. Ш и ш к и н. Варахша, М., 1963, стр. 117, рис. 55, 26.

¹¹ Там же, рис. 55, 39.

¹² О. В. Обельченко. Курганные погребения I в. н. э. и кенотафы Куюмазарского могильника в Бухарской области, Труды САГУ, Археология Средней Азии, Ташкент, 1957, вып. 4, стр. 109—129.

сторонами, овальные у основания, сужающиеся кверху. Высота почти равна ширине — 11—12 см. Обычно в середине нижней части подставки имеется отверстие. Некоторые из подставок украшены ложбинками, нанесенными крестообразно, углублениями (рис., 1, 18), а на одну из подставок штампом наложен прямоугольник. Характерны фигурные подставки с изображениями на верхних углах бараньих голов, выполненных налепом. Подставки слабого обжига, глина с большой примесью шамота.

Очажные подставки были распространены очень широко. Встречаются они на Каунчитепе (I—II вв. н. э.)¹³, Шортепе, Дагайтепе, Каркавальтепе¹⁴, Джангальтепе (в Кашкадарье)¹⁵, в нижних слоях Варахши (III—IV вв.)¹⁶.

Пряслица кольцевидные диаметром от 3 до 5 см с плоскими сторонами, но встречаются и закругленные с одной стороны.

Комплекс керамики Сеталака I того же облика, что и в Кызыл-кыре. При раскопках Сеталака I выявлено несколько строительных периодов, но все материалы этого памятника рассматриваются как единое целое, так как заметных отличий между ними не замечено. Раскопки этого объекта только начаты и комплекс керамики сравнительно малочислен.

Керамика станковой работы представлена чашами, кувшинами, корчагами, флягами, хумами и горшками.

Чаши неглубокие, с широким устьем. Как внутри, так и снаружи они были покрыты темно-красным или коричневым ангобом. Иногда снаружи по краю сосуда проходит полоса черного ангоба. Обжиг хороший, тесто без примесей. Диаметр венчиков от 12 до 27,5 см (рис., 19—20).

Кувшины по форме венчика и горлышка можно разделить на два типа: а) с сильно профилированным венчиком и изогнутой шейкой (рис., 1, 22); б) с прямой шейкой и венчиком в виде валика вокруг устья (рис., 21). В некоторых кувшинах встречаются отверстия, просверленные при ремонте сосуда. Сосуды изготовлены в хорошей гончарной технике. Глина хорошо промытана и обожжена, есть небольшие примеси гипса.

К корчагам можно отнести фрагменты с плоскими, резко отогнутыми наружу венчиками (рис., 23—24). Ангоб сосудов красный или черный. В верхней части тулова часто изготовлялся цилиндрический слив, толщина стенок 3—5 см.

Встречаются фрагменты фляг, аналогичные кызылкырским (рис., 1, 25). Сосуды этого вида покрывались красным или темно-коричневым ангобом. Тесто без примесей, обжиг хороший, толщина стенок 6 см.

¹³ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янги-Юльской археологической экспедиции в 1937 г., Ташкент, 1940, стр. 27, рис. 37, 38.

¹⁴ С. К. Кабанов. Археологические данные по истории Нахшеба в III—IV вв., ВДИ, М., 1956, № 2, стр. 168, рис. 9.

¹⁵ Там же, стр. 222, рис. 3.

¹⁶ В. А. Шишкин. Варахша, стр. 122.

Хумы также представлены формами, известными уже по Кызылкуру. Венчик плоский, отделяющийся от тулова желобком (рис., 26—28), а иногда слегка отогнутый наружу; с внешней стороны по венчику нанесены вдавления пальцем. Обжиг неравномерный, тесто пористое, с наружной стороны сосуд покрыт коричневым ангобом плохого качества.

Горшки встречены в мелких фрагментах, с пластинчатыми, отогнутыми наружу венчиками (рис., 29—31). Подобные сосуды на Кызылкуре не встречались. Снаружи они покрывались черным ангобом, внутри — красным. Тесто красное. Подобные венчики сосудов встречались в нижних слоях Варахши (III—IV вв.)¹⁷.

Лепных сосудов на поселении Сеталак I, сравнительно с Кызылкуром, было немного. В комплексе встречаются только жаровни и крышка большого сосуда. Найдено также несколько фрагментов котла или горшка с волнистым налипным фрагментом. Жаровни встречаются только в мелких фрагментах. Это сосуды с плоским дном и вертикальным бортиком, они грубо вылеплены, но тонкостенные, тесто с примесью песка, черепок пористый, обжиг низкого качества. Высота стенок около 3 см.

Как следует из приведенного описания, одной из типичных форм в комплексе Кызылкура и Сеталака является чаша с широким коническим корпусом и вертикальными, слегка закругленными внутрь краями. Чаши, представленные в Каунчинском комплексе Ташкентского оазиса, хотя и близки к нашим, имеют, однако, иной профиль. Каунчинские чаши (Каунчи I) как правило лепные, с прямыми или слегка отогнутыми наружу стенками.

Корчаги, близкие по форме сосудам Кызылкура и Сеталака встречаются в Кашкадарье, но датируются они там более поздним временем — V в.¹⁸

Кувшины и фляги имеют аналогии на Каунчи I (I—III вв. н. э.). Хумы Кызылкура и Сеталака находят аналогии в нижних слоях Варахши¹⁹ (начало н. э.).

Горшки также аналогичны каунчинским, датируемым I—III вв. н. э.

Все указанные выше аналогии приводят нас к выводу о том, что явное сходство керамики изучаемых объектов с керамикой Каунчи дает нам право предполагать их культурную общность и отнести их к первой половине I тысячелетия н. э.

Рассмотренные комплексы керамики позднеантичных памятников низовьев Зарафшана по своему облику очень близки и во многом совпадают с комплексом Каунчинской культуры²⁰ и керамическими комплексами этого времени Кашкадарьи²¹. Кроме того, кол-

¹⁷ Там же.

¹⁸ С. К. Кабанов. Археологические данные..., стр. 121, рис. 2, 31.

¹⁹ В. А. Шишкин. Варахша, стр. 121—122, рис. 59, 9.

²⁰ Л. М. Левина. Керамика Нижней и Средней Сырдарьи...

²¹ С. К. Кабанов. Археологические данные...

лекция того же облика была получена О. В. Обельченко при раскопках позднеантичных курганов Бухарской области²².

Но наряду со сходством основного набора типов имеется ряд локальных отличий комплекса керамики Бухарского оазиса. Так, например, чаши Кызылкыра отличаются своим профилем от каунчинских. Отсутствуют в Каунчи некоторые типы кызылкырских кувшинов и корчаг. Эти своеобразные черты комплексов Кызылкыр I и Сеталак I являются, как следует полагать, локальной особенностью керамики Бухарского Согда этого времени.

Таким образом, для поздней античной керамики западной части Бухарского оазиса характерно органическое слияние целого ряда особенностей керамики, присущих северным районам Средней Азии (круг Каунчинской культуры), с древней местной традицией самого Согда, представленной сериями тонкостенных чаш.

Керамика Кызылкыра I и Сеталака I, несмотря на единство облика, имеет каждая свои особенности. Так, например, чаши Сеталака I более приземистые, широкие и тонкостенные. В Кызылкыре, по сравнению с Сеталаком, велико количество лепной кухонной посуды. Это, видимо, следует объяснить тем, что верхний комплекс Кызылкыра имел жилой характер, а Сеталак I являлся сооружением общественного назначения.

²² О. В. Обельченко. Курганные погребения..., стр. 109—129.

О. М. РОСТОВЦЕВ

ИЗУЧЕНИЕ СЕЛЬСКИХ ПОСЕЛЕНИЙ САМАРКАНДСКОГО СОГДА

Самаркандская область — третья по величине в Узбекистане после Бухарской области и Каракалпакской АССР. В пору раннего и развитого средневековья она входила в земли Согда и была густо заселена¹.

В связи с составлением «Свода памятников истории и культуры Узбекистана» Зарафшанский отряд Института археологии АН УзССР в 1971—1973 гг. провел разведочные работы по фиксации памятников Самаркандской области².

Цель настоящей работы — выявление некоторых закономерностей географо-топографического размещения сельских поселений в долине Зарафшана, их типологии и функционального назначения. Памятники этого рода введены в научную археологическую литературу под термином «тепе».

Изучение территории Самаркандской области выявило некоторые особенности в расположении памятников. Наряду с густой древней застройкой в зоне орошаемых земель, которые составляют немногим более 10% (314 тыс. га) от всей площади области³, большие группы памятников расположены и в Задаргомской степи, где орошение очень незначительно даже и в настоящее время. На ограниченной территории сравнительно узкой полосы предгорий от Раватходжи на востоке и до Каттакургана на западе насчитывается более 300 первоклассных археологических объектов (Кафыркала, Кулдортепе и др.), которые могли появиться только в условиях мягкого климата, когда большое количество осадков и тепло дава-

¹ Абу-л-Касим ибн Хаукаль. Извлечение из книги «Пути и страны», пер. Е. К. Беггера, Труды САГУ, вып. IV, Ташкент, 1957, стр. 17.

² В 1971 г. начальником отряда являлся Ю. Ф. Буряков, в составе отряда работали научные сотрудники Института археологии О. М. Ростовцев, Р. З. Равшанов, от Института искусствоведения — Т. В. Беляева, от Музея истории культуры и искусства Узбекистана — Я. К. Крикис и от Самаркандского Совета Общества охраны памятников — Г. С. Мендесидес. Осенью 1971 г. и весной 1972 г. отрядом руководил Р. Х. Сулейманов. С осени 1972 г. начальником отряда является Ш. С. Ташходжаев.

³ М. М. Тагиев. Из истории развития ирригации Самаркандского оазиса, Ташкент, 1973, стр. 72.

ли прекрасную возможность использовать земли предгорий под богарное земледелие⁴.

Благоприятные климатические условия в предгорьях Нуратинского хребта, в северной части долины, способствовали появлению многих отдельных и небольшими группами расположенных памятников. Но такого скопления памятников как в Задаргомской степи здесь нет. Не обнаружено больших скоплений памятников и в других областях Узбекистана, где предгорные (адырные) зоны памятников не имеют или, как это наблюдается в Ташкентской области, имеют большие группы курганных захоронений, оставленных кочевниками.

В средневековую пору Задаргомская степь входила в состав нескольких рустаков (районов), из которых наиболее известными были Маймург и Абгар (Абаргар). Последний называли житницей Согда⁵. Однако преимущественно памятники располагаются в зоне поливного земледелия.

Ирригационная сеть с древних времен начиналась от селения Раватходжа, там, где в настоящее время реку перегораживает плотина им. «1 Мая». Отсюда берет начало древний канал Даргом⁶, который оконтурил с юга земли левобережья Зарафшана, площадью более 700 км², с городом Самаркандом в центре. Полноводный и глубокий Даргом кроме того, что служил для орошения, представлял собой естественное препятствие для врагов. На оконтуренном каналом острове до сих пор сохранилось более 200 памятников, в числе которых и всемирно известный Афрасиаб. По берегам Даргома с обеих сторон располагаются остатки мощных крепостей. Вероятно, здесь мы сможем локализовать рустак Даргом, о котором писал Ибн Хаукаль⁷.

Кулдортепе, которое отождествляется со столицей рустака Маймург⁸, датируется III—XII вв., Кафыркала⁹ датируется VI—началом VIII вв. Раскопки на Гульдуртепе, расположенном на самом берегу Даргома, дали материал со II в. до н. э. по XII в. н. э.

На правом берегу Даргома находится изучавшееся ранее городище Талибарзу, которое датируется концом II в.—началом VIII в. н. э.¹⁰ Из памятников, обследованных Зарафшанским отрядом, ана-

⁴ С. М. Мамарасулов. Водная проблема бассейна Зарафшана и пути ее решения, Ташкент, 1972, стр. 14.

⁵ Абу-л-Касим ибн Хаукаль. Извлечение из книги «Пути и страны», стр. 18.

⁶ А. Мухаммажанов. Қуйи Зарафшон водийсининг суғорилиш тарихи, Тошкент, 1972.

⁷ Абу-л-Касим ибн Хаукаль. Извлечение из книги «Пути и страны», стр. 16.

⁸ Б. Я. Ставиский. М. Х. Урманова. Городище Кулдортепе (по материалам раскопок в Ургутском районе Самаркандской обл. в 1955 г.), СА, 1958, № 1, стр. 231—235.

⁹ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. н. э., Ташкент, 1966, стр. 24.

¹⁰ Б. Я. Ставиский. О датировке ранних слоев Тали-Барзу, СА, 1967, № 2, стр. 27.

логичный материал был получен с городища Тугайтепе, расположенного на левом берегу Зарафшана в 30 км восточнее Талибарзу. С других раскапывавшихся здесь памятников получен более поздний материал (V—VIII вв.).

На том же левом берегу, но ниже по течению, из Зарафшана выведен канал Нарпай, который, как и Даргом, оконтуривает территорию левого берега, но несколько меньшую по размерам — около 600 км². В этом микрооазисе насчитывается более 150 памятников. Наиболее ранний материал был получен с Кулагайтепе (III в. н. э.)¹¹.

У Самарканда Зарафшан раздваивается на рукава: южный — Карадарья и северный — Акдарья. Этими двумя рукавами образован остров Мнанкаль площадью до 1000 км², на котором сохранилось более 300 тепе. Самый ранний материал из них дает Кумышкенттепе¹². Со слов Т. В. Беляевой, занимавшейся раскопками этого памятника, получен материал первых веков до н. э.

Обильный памятниками, микрооазис создан на северном, правом, берегу Зарафшана, на площади, оконтуренной Булунгурарыком и Мирзаарыком. Здесь также насчитывается более 300 тепе. Менее крупные скопления прослеживаются вокруг Митана, Хатырчи и по Санзарсаю.

В общей сложности по области насчитывается более 1500 памятников, объединяемых термином «тепе»¹³. По сохранившемуся виду и топографическим элементам все памятники можно разделить на пять типов. В своей монографии В. А. Нильсен достаточно подробно останавливается на четырех типах¹⁴. К первому он относит двухъярусное тепе и в виде примера приводит аналогичные памятники из разных оазисов Узбекистана. К сказанному можно лишь добавить, что подобного типа тепе имеют самое широкое распространение и наиболее многочисленны. Из 100 обследованных тепе в Сельском районе Самарканда около 50 оказались двухъярусными и датируются не ранее V в. н. э.

Видимо, этот тип замка с большим, обнесенным стеной, двором, примыкавшим непосредственно к цитадели, был удобен и повсеместно строился по какому-то выработанному плану, хотя размеры замков колеблются от 0,2 до 5 га с двором. Размеры самой цитадели изменяются довольно значительно — от 10×15 м до 15×20 м, а самые большие имеют размеры 40×50 м. Высота цитадели от 6 до 20 м.

¹¹ Основой для датировки наших объектов послужила стратиграфическая шкала Согда, разработанная по Афрасиабу. См.: Г. В. Шишкин и А. Древний Самарканд в свете стратиграфии западных районов Афрасиаба, Автореферат канд. дисс., Ташкент, 1969.

¹² Работы на Кумышкенттепе ведутся Институтом искусствоведения Министерства культуры УзССР под руководством Г. А. Пугаченковой.

¹³ О. М. Ростовцев. Тезисы доклада на сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 года в СССР, Ташкент, 1973, стр. 175.

¹⁴ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии., стр. 111—183.

Однако из этой группы следует исключить памятники типа Киндыктепе, которое приводилось как пример двухъярусного памятника¹⁵. Подобного рода памятники мы относим ко второму типу, довольно широко распространенному в Самаркандской области и представляющему собой цитадель, отделенную рвом от поселения, окружающего ее в виде кольца или полукольца. Как правило, это многослойные поселения, где цитадель представляет собой монументальное фортификационное сооружение типа крепости-замка.

Наиболее известным памятником этого типа в Самаркандской области является городище Талибарзу, которое упоминается В. А. Нильсеном¹⁶. Но при изучении этого объекта Г. В. Григорьев ссылается на то, что памятник похож на Кафыркалу, в плане так оно и есть¹⁷. Однако Кафыркала упоминается как город, а Талибарзу — как крупное сельское поселение¹⁸.

Обращая внимание на этот факт, необходимо отметить, что грани перерастания крупного сельского поселения в город довольно неясны, а сами древние авторы не были едины в отнесении ряда пунктов к поселениям или городам. Некоторые авторы считали, что отличительным признаком города было наличие в нем минбара, и приводили слова Мукаддаси: «Сколько усилий должны были потратить жители Байкенда, пока им было разрешено учредить минбар»¹⁹.

Раскопки одного из памятников этой группы — Ходжа-Сакотепе показали, что эта крепость-замок, как и Кафыркала, Талибарзу и более 70% других крепостей в этой зоне²⁰, погибла в VIII в., по всей вероятности, от рук арабских завоевателей.

К третьему типу относятся тепе небольших размеров площадью 0,1—0,2 га и высотой 3—4 м, сохранившиеся в основном без шлейфа двора, хотя в некоторых случаях следы двора сохранились. Примером может служить отдельно стоящая усадьба у Кафыркалы²¹.

К четвертому типу может быть отнесен невысокий, от 2 до 4 м, холм площадью 0,5—0,8 га. Таких тепе немного в Самаркандской области, нами их насчитано 6. В связи с небольшими размерами они быстро распахиваются под поля.

Пятый тип похож на памятники хорезмского типа, на развалины Якке-Порсана, представляющего собой прямоугольник стен размером 120×125 или 300×400 м с цитаделью высотой 10—15 м в середине. Таких памятников также осталось немного. Нами зафик-

¹⁵ Там же, стр. 118.

¹⁶ В. А. Нильсен. Архитектурные памятники..., стр. 186.

¹⁷ Г. В. Григорьев. Городище Талибарзу, ТОВЭ, Л., 1940, стр. 89.

¹⁸ В. А. Нильсен. Архитектурные памятники..., стр. 24, 186.

¹⁹ А. Мец. Мусульманский ренессанс, М., 1966, стр. 322.

²⁰ О. М. Ростовцев. Тезисы доклада..., стр. 175.

²¹ Г. В. Шишкина. Раннесредневековая сельская усадьба под Самаркандом, ИМКУ, вып. 2, Ташкент, 1961, стр. 192—222.

сировано всего 3 подобных памятника: 2 — в Нарпайском районе и 1 — в Хатырчинском (Ходжакурган).

Таким образом, наличие географически расчлененных территорий, оконтуренных водными магистралями, при дальнейшем изучении дает возможность предположительно разместить в их границах отдельные рустаки Согда. Очень четко отмечается факт расположения сельских поселений и замков вдоль каналов. Укрепленные поселения самого крупного типа имеют тенденцию к перерастанию в города. При сравнении кухендизов тех городов, которые нам известны (Дабусия, Рабинджан, Пенджикент и др.), наблюдается сходство в размерах и топографическом облике.

Функциональное назначение памятников остальных групп может быть выявлено лишь после раскопок, так как назначение их различно — это усадьбы феодалов, небольшие укрепленные рабаты, караван-сарай и различные культовые сооружения.

З. И. УСМАНОВА, С. К. КАБАНОВ

**К СТРАТИГРАФИИ ВЕРХНИХ (VIII—XIII вв.)
НАСЛОЕНИЙ ПАМЯТНИКОВ
ЗОНЫ ЧИМКУРГАНСКОГО ВОДОХРАНИЛИЩА**

Район среднего течения Кашкадарьи исследовался в археологическом отношении в 1955—1957 гг. С. К. Кабановым и В. Д. Жуковым при строительстве Чимкурганского водохранилища. В зоне затопления и подтопления было обследовано около 25 памятников, из которых многие представляли собой руины раннесредневековых поселений и замков, обживавшихся до монгольского завоевания.

Нас интересуют верхние наслоения на этих городищах, так как результаты их изучения почти не известны, опубликованы лишь очень краткие сообщения об этих наслоениях¹. В последнее время получен новый материал для характеристики этих наслоений. Осенью 1972 г. по заданию Республиканского общества охраны памятников З. И. Усманова и Г. Я. Дресвянская проводили работы по составлению археологической карты Камашинского р-на. При этом были посещены и памятники зоны Чимкурганского водохранилища, в их числе Сарытепе, исследованное в 1957 г. В. Д. Жуковым². В результате обследования получен новый археологический материал, требующий своего освещения³ и сопоставления с ранее выявленным. Это и является целью предлагаемой статьи.

Обратимся к материалам работ В. Д. Жукова на Сарытепе и С. К. Кабанова на Большом Кызтепе, проводившихся в 1957 г.

Сарытепе располагалось близ селения Кайки, получившего свое название от некогда существовавшей на левом берегу поймы Кашкадарьи паромной переправы. На противоположном берегу находились остатки другого средневекового поселения под названием Кургантепе.

До затопления Сарытепе возвышалось до 9 м над прилегающей местностью и занимало площадь около 4,5 га. По микрорельефу

¹ С. К. Кабанов. Археологические памятники зоны Чимкурганского водохранилища, «Известия АН УзССР», СОН, 1957, № 2, стр. 75—79; В. Д. Жуков. Археологическая разведка на Буритепе в 1956 г., «Известия АН УзССР», 1958, № 5, стр. 53—58.

² В. Д. Жуков. Городище Сарытепе, Рукопись, Архив Института археологии АН УзССР, д. № 55, стр. 238—245.

³ Краткие сообщения об этих работах см.: З. И. Усманова, Г. Я. Дресвянская. Работы на Кашкадарье, «Археологические открытия 1972 г.», М., 1973, стр. 472—473.

обозначались два въезда на городище — с юга и юго-востока. Близ южного склона центрального бугра, почти параллельно к нему, проходил вал, восточная часть которого терялась на занятой жилыми участками территории селения Кайки. Вокруг городища были видны следы рва. В обнажениях северного фаса городища на высоту 7—8 м прослеживались зольно-угольные толщи с включениями костей животных, керамики. На прилегающей к Сарытепе территории с востока, юга и запада возвышались небольшие бугры, на которых собрана средневековая посуда.

В подъемном материале В. Д. Жуков отмечал терракотовые крышки, фрагменты глазурованной керамики с геометрическим, буквенным и растительным орнаментом, неполивной посуды, фрагменты со штампованным узором или росписью, нанесенной широкими красными вертикальными линиями, обломки грубой лепной посуды с вмятинами от пальцев по наружной стороне. Во многих местах на поселении зарегистрированы и керамические шлаки, свидетельствующие о местном производстве посуды. Весь комплекс находок В. Д. Жуков относил к караханидскому времени и считал, что Сарытепе погибло вследствие монгольского нашествия, после которого жизнь здесь совершенно замерла и перешла на расположенные по соседству участки, причем последние уже не имели оборонительных стен.

Для получения стратиграфии культурных слоев и увязки подъемного материала в юго-западной части городища был заложен раскоп на площади 450 м² и сделана попытка выявить остатки оборонительной стены, которая оказалась пахсовой.

Под рыхлым слоем, на глубине 30—40 см были обнаружены остатки строения из сырца, размерами 38×18×18, 38×17×17, 43×22×8,5 см с использованием жженого кирпича 22×21×4 см. Заполнение комнат содержало завалы глинобитных кусков, золы, угля и костей животных, много керамики — крышки, котлы с примесью белых зерен в черепке, дастарханы и др. Глазурованные чаши, пиалы и миски на плоском и кольцевом поддоне покрывались прозрачной свинцовой глазурью по белому, темно-коричневому и кирпичному фону, а также бирюзовой, зеленой и желтой глазурями. Здесь же встречены глазурованные чираги с длинным носиком и петельной ручкой⁴.

Особую группу находок из этих помещений составляет керамика, украшенная росписью по светлomu ангобу в виде широких красных полос, треугольников, ромбов, сеток, пунсонов. В основном это среднего размера горшкообразные сосуды с розовым черепком толщиной 0,5 см, тулово и горловина которых покрывалась росписью. Обычно роспись покрывала всю внешнюю поверхность сосуда, шла по венчику и часто переходила на внутреннюю сторону и дно сосуда. В. Д. Жуков считал, что расписная посуда — рыноч-

⁴ Материалы раскопок В. Д. Жукова на Сарытепе хранятся в Музее истории народов Узбекистана им. М. Т. Айбека в Ташкенте.

ного производства, и предназначалась она для молочных продуктов. Специально расписной керамикой В. Д. Жуков не занимался, в особую группу находок выделяем ее мы⁵.

На глубине 1 м между двумя капитальными стенами расчищена узкая улица, вымощенная гравием и фрагментами керамики. Аналогичная вымостка была встречена на таком же уровне в северной части городища, где в настил включали и фрагменты жерновов, куски керамических шлаков. По поливной керамике В. Д. Жуков датирует улочки XII веком. Ширина их 2 м.

Изучение остатков обводных пахсовых стен по западному склону тепе показало, что в последний период жизни на Сарытепе оборонительная стена потеряла свое былое значение, и на гребне постройки сооружались задолго до монгольского завоевания. Здесь на глубине 1 м от поверхности были выявлены остатки стен жилых и хозяйственных помещений с двориками, отмечены хозяйственные и мусорные ямы глубиной до 3—4 м. По глазурованной посуде В. Д. Жуков датирует этот строительный горизонт XII веком. В мусорных ямах много посуды и стеклянных изделий, особенно много стеклянных сосудов с длинными носиками, которые широко употреблялись в средневековых химических лабораториях⁶.

Из уникальных находок В. Д. Жуков отмечал «предмет из терракоты, как бы представляющий собой макет здания. Он подвергся действию сильного и продолжительного огня, покрыт светлым ангобом и в сохранившейся части имеет следующие размеры: высота 16 см, ширина 20 см, глубина 10 см, высота купола 12 см с наверхом 14,5 см. Сверху по краям портала возвышались боковые башенки, а посередине сохранились остатки венчания с отходящими от него выступами, загнутыми в виде рогов в разные стороны. Портал и боковые фасы его украшены прямыми и зигзагообразными линиями и изображениями деревьев с плодами. Назначение этого предмета определить затруднительно, но, возможно, он использовался как очажок с орнаментированной плитой перед ним для возжигания огня и, конечно, сохранил еще свое ритуальное значение»⁷.

В верхних наслоениях В. Д. Жуков отмечает также отдельные фрагменты керамики V—VII вв., попавшие из нижних культурных слоев, которые на Сарытепе не были им исследованы. Таким образом, из отчета вытекает, что верхний строительный горизонт датируется XI—XII вв., однако здесь же встречается керамика V—VII вв., что указывает на продолжительность обживания поселения. Остается невыясненным период жизни поселения с VIII по

⁵ Расписные сосуды из раскопок В. Д. Жукова предполагает использовать З. И. Усманова при специальном исследовании расписной посуды зоны Чимкунганского водохранилища.

⁶ М. Амиджанова. Средневековые стеклянные сосуды из музеев Ташкента и Самарканда, ИМКУ, вып. 3, Ташкент, 1962, стр. 99, рис. 3, 15.

⁷ В. Д. Жуков. Городище Сарытепе, стр. 243.

X в. Стратиграфия культурных напластований получилась не совсем четкой.

Надо отметить, что Л. И. Ремпель датирует мавзолей (макет) несколько более ранним временем — IX—X вв.⁸

При составлении археологической карты зоны орошения канала Бердали⁹ С. К. Кабанов исследовал ряд памятников, из них

Рис. 1. Большое Кызтепе. План:

1—основной раскоп; 2—раскоп во дворе; 3—шурф

наиболее интересный для нашего исследования материал был получен на Большом Кызтепе, расположенном в 2 км к западу от Сарытепе на северном берегу реки.

Памятник представлял собой развалины двухъярусного сельского поселения с вышкой в западной части высотой 12 м, являвшейся развалинами здания типа замка (рис. 1). На вышке был заложен стратиграфический раскоп, в нижнем ярусе — шурф и еще один раскоп.

⁸ И. Ахраров, Л. Ремпель. Резной штук Афрасиаба, Ташкент, 1971, стр. 130.

⁹ С. К. Кабанов. К изучению аграрного строя Согда в V—VI вв., СА, 1966, № 3, стр. 53, рис. 1.

В результате раскопок выяснилось, что поселение существовало с первых веков до н. э. до XI—XII вв.¹⁰ На вышке слои X—XII вв. сохранились очень плохо, найдены лишь отдельные фрагменты поливной посуды этого времени. Здесь же были обнаружены и остатки позднего мазара. Более важные для характеристики верхних наслоений материалы были получены в нижнем ярусе памятника, который условно можно назвать двором. В северной его части был заложен раскоп размером 18×6 м. Сразу же под дерновым слоем был обнаружен завал средней плотности с включениями золы, угля и керамики. Местами удалось расчистить стену, а в южной части раскопа намечается помещение шириной 7 м, разделенное перегородкой. К южной стене помещения прилежала суфа шириною в 1 м, на которой был устроен тандыр из опрокинутого устьем вниз хума. Пол помещения расчищен на уровне 70 см от дневной поверхности, в него были вкопаны хумча и сосуд типа тагоры. Встречена поливная посуда на плоском дне типа чаш и блюд с растительным и геометрическим орнаментом на белом и красном фоне, есть чаши с зеленой расплывчатой глазурью. Глазурь — от прозрачной и блестящей, до мутной, отслаивающейся, что характерно для самой ранней глазурованной керамики IX в. Наряду с поливной керамикой встречается и неполированная, но с росписью, выполненной красным и темно-коричневым ангобом, нанесенным кистью по светло-желтому ангобу. Керамика этого вида на Сарытепе представлена более обильно.

Орнамент в виде горизонтального ряда треугольников, сочетания вертикальных и горизонтальных полос, ломаных линий. На одном фрагменте изображена птица (рис. 2). Расписные ручки кувшинов овальные в разрезе с рядом вертикальных желобков с круглыми налепами у основания. Такие ручки были широко распространены в V—VIII вв., встречались они и позднее¹¹. Такие же ручки имела расписная ваза VI—VII вв. из реликвария Мервской буддийской ступы¹².

Кувшины были довольно разнообразные — узкогорлые и широкогорлые, все в фрагментах. Лишь один сосуд этого типа встретился почти целым (рис. 3). Это довольно крупный сосуд (высота корпуса 33 см) из желтой глины, покрытой снаружи плотным ангобом. Сосуд яйцевидный, с узким дном и крутыми плечиками, завершенными валиком, обрамляющим основание узкого горлышка. Ручка небольшая, пластинчатая, прикреплена к расширенной части корпуса. Около ручки, сбоку — отверстие диаметром в 0,8 см. Наличие этого отверстия позволяет определить назначение сосуда. В Пенджикенте, в наслоениях VII—VIII вв. найден фрагмент сосу-

¹⁰ Материалы раскопок на Большом Кызтепе хранятся в Кашкадарьинском областном краеведческом Музее в г. Карши.

¹¹ Е. З. Заурова. Керамические печи VII—VIII вв. на городище Гяуркала Старого Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 206, рис. 23.

¹² Г. А. Кошелев. Ваза из буддийского святилища, «Памятники Туркменистана», 1968, № 2 (6), стр. 18—20.

да с точно такой же ручкой и с отверстием сбоку¹³, по этнографическим данным определено, что это — фрагмент маслобойки¹⁴.

Рис. 2. Керамика с росписью из раскопа во дворе

Такой же фрагмент маслобойки найден и в развалинах крепости на горе Муг¹⁵.

¹³ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.), Труды ТАЭ, т. IV, МИА, вып. 124, М.—Л., стр. 278, рис. 16.

¹⁴ Подобные сосуды применялись у горных таджиков. Ягнобская маслобойка «тугля» изготовлялась «из обожженной глины в виде высокого кувшина (до 1 м высотой) с узким горлышком. Приблизительно на половине высоты сбоку имеется отверстие в виде горлышка и рядом с ним небольшой выступ в виде рожка. Масло сбивается следующим образом: наливается в маслобойку кислое молоко, боковое отверстие затыкается тряпкой, верхнее отверстие завязывается пузырем. После этого маслобойку кладут на бок и держат одной рукой за боковой выступ, а другой — за верхний конец и катают по земле, время от времени подливая воду через боковое отверстие для того, чтобы масло лучше отделялось» (см.: М. С. Андреев. Таджики долины Хуф, вып. II, Сталинабад, 1958, стр. 144).

¹⁵ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента..., стр. 275—276.

Обращают на себя внимание длинногорлые тонкостенные кувшины (рис. 4, 7—8). В различных вариантах они характерны для раннесредневековых (V—VIII вв.) наслоений многих городищ Средней Азии, в частности для Варахши¹⁶.

Из материалов раскопа во дворе Большого Қызтепе интересен еще фрагмент сосуда типа кринки из светло-желтой глины, покры-

Рис. 3. Сосуд из раскопа во дворе (маслобойка)

тый беловатым ангобом. Венчик кринки характерен наличием плоской площадки для крышки по закраине устья сосуда (рис. 4, 3). Орнамент процарапан до ангобирования острием. Рисунок орнамента состоит из двух поясков, из них верхний, под венчиком, ромбический, образован пересекающимися косыми линиями. Нижний поясик орнамента — в виде кругового ряда сердцевидных врезов или, иначе, врезов в виде «червонных тузов». Как известно, такой орнамент встречается на некоторых предметах, связанных с религиозным культом. Г. В. Григорьев выдвинул предположение, что на очажке с Афрасиаба сердцевидные врезы изображают одну из сти-

¹⁶ М. Х. Урманова. Раскопки на центральном бугре городища Варахша в 1953 г., Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, Ташкент, 1956, стр. 131, рис. 7, 7—8.

хий — воздух¹⁷. Г. А. Пугаченкова подвергает сомнению это предположение¹⁸.

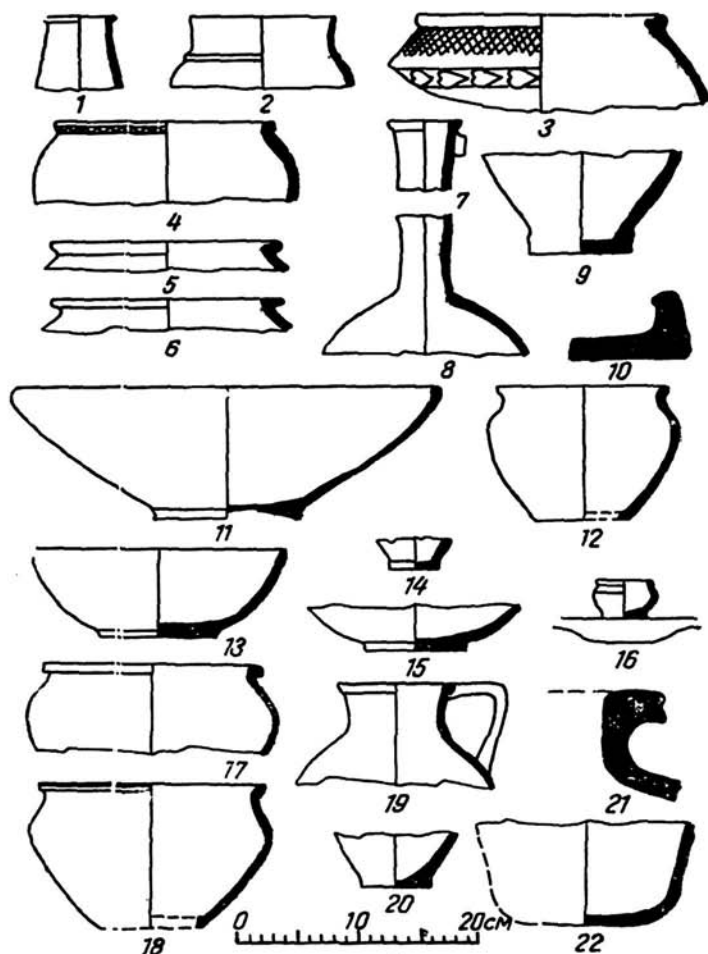

Рис. 4. Керамика из раскопа во дворе:

1—10—фрагменты сосудов из раскопа; 11—22—керамические изделия из шурфа

Найден миниатюрный, высотой 5 см флакон из зеленого стекла с шаровидным туловом и цилиндрическим горлышком (рис. 5); подобный сосуд был обнаружен в Пенджикенте¹⁹.

¹⁷ Г. В. Григорьев. Тус-гуш. К истории народного узора Востока, «Искусство», 1937, № 1, стр. 136.

¹⁸ Г. А. Пугаченкова. Элементы согдийской архитектуры на среднеазиатских терракотах, Труды ИИА АН УзССР, т. II, Ташкент, 1950, стр. 48.

¹⁹ Б. Я. Ставский. Раскопки квартала жилищ знати в юго-восточной части Пенджикентского городища (объект IV) в 1951—1959 гг., МИА, вып. 123, стр. 170, рис. 31.

— Таким образом, весь облик основных материалов, полученных в раскопе во дворе, показывает, что они определенно тяготеют к VIII—IX вв.; некоторые материалы, возможно, привнесены из более поздних, разрушенных верхних наслоений.

Шурф, заложенный в центральной части двора, размером 4×4 м, доведен до материкового лесса, обнаруженного на глубине 4,1 м от поверхности (рис. 6). Самый верхний слой, толщиной 1,25 м, довольно рыхлый, желтовато-серого цвета с включениями золы и керамики. На уровне 50—60 см встречена глинобитная стена, от основания которой идет прослойка золы, которая прерывается более плотным завалом, продолжающимся и под этой прослойкой. Толщина темно-желтого плотного слоя 75 см с включением зольников и органических остатков.

Ниже шла горизонтальная прослойка органических остатков толщиной 25—30 см. С этого уровня начинаются две круглые ямы, первая диаметром в 105 см, к западу от нее—вторая, диаметром 60 см, оказавшаяся заполненной рыхлой землей без керамики. Первая яма сплошь заполнена органическими остатками с довольно большим количеством керамики; дно ямы было вырублено уже в материке, на глубине в 4,9 м от поверхности.

С уровня 2,5 м от поверхности углублялась лишь северная часть шурфа на площади в $2,2 \times 1,6$ м. Под прослойкой органических остатков вскрыт слой земли желтоватого оттенка, отделяющийся от последующих напластований тонкой (5—7 см) прослойкой органических остатков. Под прослойкой идет плотный завал с включениями золы, угля, костей. Встречена сырцовая кладка стены из кирпича $46 \times 44 \times 9$ —10 см и в стороне 48 см при толщине 9 см. Ниже идет материковый слой (лесс) светло-желтого цвета.

Керамики в верхнем слое было мало, и датируется она, видимо, XI—XII вв. Второй слой под зольной прослойкой дал глазурованную посуду типа чаш — коса, блюд на невысоком поддоне, покрытых с двух сторон глазурью. Подглазурная роспись наносилась по белому фону — ангобу.

Остановимся на описании только одного поливного сосуда, найденного в обломках на глубине около 1,5 м, крупный фрагмент

Рис. 5. Стекланный флакон

которого дал возможность восстановить его форму (рис. 4, 11). Формой он напоминает глубокое блюдо. О. А. Сухарева определила его как «шох-коса». Дно на невысоком поддоне, нижняя его поверхность слегка вогнутая. Стенки полого расширяются от дна до самого устья, где они довольно круто закругляются и образуют слабо выраженный, почти вертикальный бортик. Сосуд очень тонкостенный, толщина стенок в середине всего 0,4 см, что при довольно больших его размерах (диаметр 34 см, высота 11,4 см) требовало от гончаров высокого мастерства.

Около дна замечаются признаки подрезки при формовке сосуда на круге. Глина обожжена до красного цвета. Весь сосуд покрыт

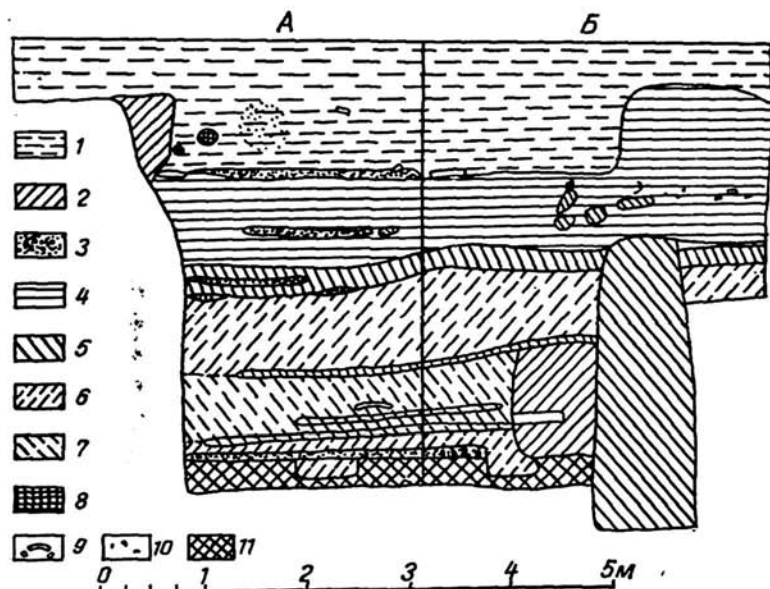

Рис. 6. Шурф во дворе. Условные обозначения:

А—северная стенка шурфа; Б—восточная стенка; 1—завал серого цвета с примесью золы; 2—глинобитная кладка; 3—зола, уголь; 4—плотный завал из темно-желтой глины; 5—органические остатки; 6—глина желтого цвета; 7—глина с примесью золы и угля; 8—обожженная земля; 9—керамика; 10—кости; 11—материковый лес

поливой. На внутренней поверхности нанесена довольно сложная орнаментальная композиция, в основу которой положен мотив шестиконечной звезды, составленной из двух переплетенных треугольников (рис. 7). Звезда выписана широкими полосами красного цвета различных оттенков, происшедших от неравномерного накладывания окрашенного ангоба кистью. Полосы окаймлены светло-зелеными линиями, а в середине расцвечены темно-коричневыми, почти черного цвета, полосками с белыми точками посередине. Промежутки между вязью основного узора заполнялись растительными завитками, выполненными в различных оттенках коричневого, зеленого и красного цветов. Роспись сверху покрыта бле-

стящей белой глазурью. Внутри, на дне сосуда, выделяются три пятнышка отставшей поливы — след керамической прокладки, ставившейся между сосудами во время обжига.

Другие поливные сосуды найдены лишь в мелких фрагментах с расплывчатой зеленой и коричневато-желтой поливой, нанесенной пятнами на белый ангоб. До покрытия поливой на сосуде процарапывался орнамент в виде несложного, небрежно нанесенного,

Рис. 7. Поливное блюдо X в. (фрагмент)

плетенья, причем в образовавшихся углублениях зеленая и желтая краски сгущались почти до черных оттенков.

Неполивная посуда представлена фрагментами узкогорлых сосудов, один из них — с выемчатым орнаментом около горлышка. Полностью восстановлена форма кринки с широким устьем (рис. 4, 12).

Весь комплекс керамики можно отнести к X в., чему не противоречит аналогичная керамика Самарканда²⁰.

Описанный слой с глазурованной и неглазурованной посудой перекрывает устье бадрабной ямы, заполненной органическими остатками с большой примесью керамических изделий.

Поливная керамика в комплексе бадраба представлена, прежде всего, почти целым сосудом типа миски (рис. 4, 13), изготовленным

²⁰ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда, Ташкент, 1967, стр. 33—77.

из глины светло-желтого цвета пористой структуры. Вплоть до наружной поверхности дна он покрыт плотной зеленой поливой, наложенной неравномерно: где поливы больше, там цвет ее темно-зеленый, где меньше — там полива с желтоватым оттенком. Характерно, что внутри на доньшке нет срывов поливы, образовавшихся на дне описанного выше блюда от трехногой прокладки при обжиге, но зато срывы имеются около края устья и внутри, и снаружи. Видимо, в данном случае применялся иной вид установки сосуда в печи.

Сосуд сформован на невысоком плоском поддоне, корпус полусферической формы. Высота сосуда 7,8 см, диаметр устья 21 см.

Зеленой непрозрачной глазурью покрывались и сосуды типа кувшинов (рис. 4, 14). Найден фрагмент блюда с плоским дном (рис. 4, 15), покрытый мутно-белой поливой. Непрозрачные свинцово-оловянные глазури широко применялись в Средней Азии с IX в.²¹

Из неполивной керамики особо следует отметить невысокие кринки с широким устьем (рис. 4, 17), покрытые поверх светлого ангоба черной краской, положенной вертикальными полосками, между которыми вертикальные же ряды точек. Краска наложена кистью неровными мазками. Нужно отметить, что это редкий случай попытки орнаментировать сосуд черной краской, обычно последняя наносилась внаброс, отчего образовывались потеки. Случайно или не случайно, роспись красной краской, образцы которой встречались в описанном выше раскопе, в шурфе совсем не встретились.

Крышки из шурфа одинаковы с крышками из описанного раскопа. На поверхность крышек от руки наносился разнообразный орнамент: заостренной палочкой до обжига процарапывались круговые и по радиусу полосы сплошными линиями и пунктиром в различных сочетаниях, а также овалы, лепестки, сетки. Одна крышка интересна изображением древнего символа — «дерева жизни», переданного в своеобразной композиции: круг делится на четыре части стилизованным изображением дерева (рис. 8), в каждом секторе расположены схематические изображения козлов, в одном даже два. Получается, что каждая веточка с двух сторон охраняется изображением козлов.

Подводя итоги раскопкам во дворе Большого Кызгепе нужно, прежде всего, отметить, что наслоения XI—XII вв. в этой части городища четко не выявляются, как и на вышке, хотя возможности обживания памятника в это время исключить нельзя. Вполне четко выражен слой X в. и явные признаки слоя VIII—IX вв. В нижних наслоениях шурфа около отмеченной выше кладки из сырцового кирпича найдено очень немного материалов, из них наиболее характерен фрагмент кубковидной чаши, подобный чашам, найденным

²¹ Э. В. Са-й-ко. История технологии керамического ремесла Средней Азии VIII—XII вв., Душанбе, 1966, стр. 140—143; Она же. Глазури керамики Средней Азии VIII—XII вв., Душанбе, 1963, стр. 12—14.

на Аултапе и датированным V—VI вв.²² Видимо, к этому времени относится и нижний слой данной части городища, хотя кирпичная кладка, похоже, еще более древняя.

Выше уже отмечено, что осенью 1972 г. в период спада воды З. И. Усманова и Г. Я. Дресвянская осмотрели берега Чимкурган-

Рис. 8. Крышки сосудов VIII—IX вв.

ского водохранилища. Вновь обнажились затопленные памятники, и удалось ознакомиться с Сарытепе, которое изучал В. Д. Жуков. Вода размывла все рыхлые наслоения, и на поверхности городища теперь четко читаются контуры жилых и хозяйственных помещений, стены которых сложены из сырца $43 \times 20 \times 9$ — 10 , $45 \times 23 \times 9$ см и пахсы, а иногда сочетанием кладки с пахсой. По всему северному фасу открывается картина обширной раскопочной площадки, вскрытой на одном уровне.

²² С. К. Кабанов. К изучению аграрного строя Согда..., стр. 54, рис. 1—2.

Почти в каждом жилом комплексе имеются тандыры диаметром 50—53 см, сохранившиеся на высоту 30 см, переносные очажки с художественным оформлением фасадной части и полукруглые очажки с прокаленными стенками, найденные как в помещениях, так и за их пределами. На поверхности городища обнаружены 50 жерновов толщиной 3—9 см при радиусе 19—30 см, несколько

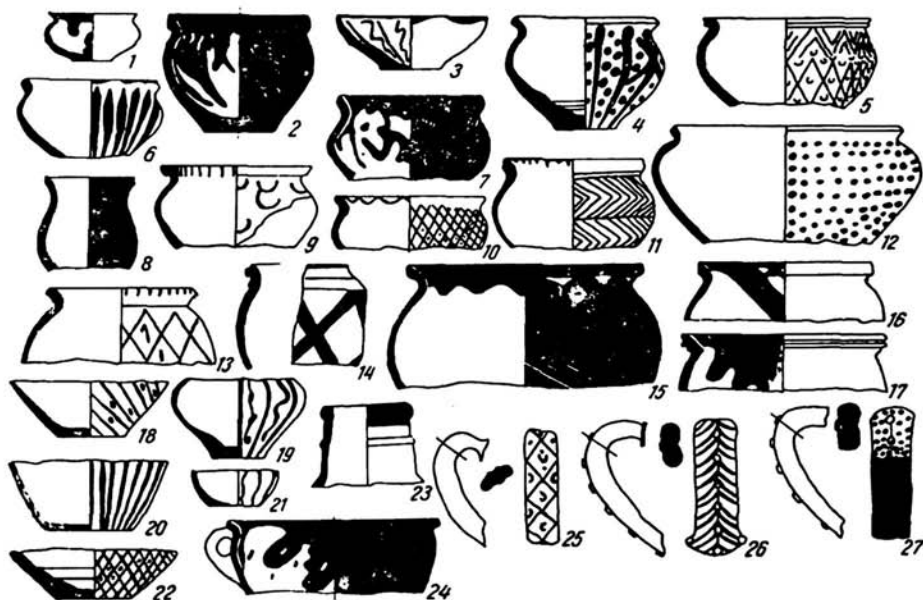

Рис. 9. Расписная керамика Сарытепе 1—8, 13, 22—24; Сарытепе 2—1—4, 6, 7, 11, 12, 14—19, 21; Безымянное тепе—5, 9, 10, 20, 25—27

зернотерок, металлические изделия, стеклянные и каменные бусы, украшения.

Керамика представлена кувшинами вытянутых пропорций, широкогорлыми горшками с шаровидным туловом на плоском дне (кринки), покрытыми на одну треть красно-коричневым ангобом снаружи и по венчику изнутри. На некоторых сосудах подтеки светло-коричневой краски или роспись в виде крупных горошин, треугольников, вертикальных линий и др. (рис. 9). Найдены котлы, чираги — плошки, курильницы и крышки с орнаментом на ручках и на самих крышках. На одной крышке изображена виноградная лоза — излюбленный мотив раннесредневековых мастеров²³.

Чаши невысокие, приземистые с прямопоставленным венчиком, плавно переходящим в стенки, которые слегка изгибаются при переходе к донцу. Интересны мелкие кувшинчики с одной ручкой,

²³ В. А. Шишкин. Варахша, М., 1963, стр. 180, рис. 97; Л. И. Ремпель. Архитектурный орнамент Узбекистана, Ташкент, 1961, стр. 92, рис. 31, 2; Скульптура и живопись древнего Пенджикента, М., 1959, табл. XIII, 2.

повторяющие каплеобразную форму сасанидских кувшинов; часть из них расписана²⁴.

Найдена медная монета плохой сохранности с квадратным отверстием согдийского чекана, позволяющая весь этот комплекс датировать до IX в. Вершина тепе не покрывается водой и густо заросла травой, в которой собрана керамика, относящаяся по глазурованным фрагментам к IX—XII вв. и повторяющая сборки В. Д. Жукова.

Нами было исследовано второе Сарытепе, расположенное в 2 км к юго-востоку от плотины, на южном берегу Чимкурганского водохранилища. Городище высотой 8 м, ныне оно с трех сторон омывается водой. На поверхности городища после спада воды хорошо видны гребни стен из пахсы и сырца размером 45×22×8—10 см, 47×23×9—10 см. Четко читается план жилого сооружения с выделенным хозяйственной части, состоящей из узких коридорообразных помещений с множеством вкопанных в пол хумов, изготовленных ленточным способом, очагами и специальными хозяйственными ямами, обмазанными глиной.

В восточной части холма, в одной из комнат жилой половины был расчищен алтарь в виде очага, имитирующего архитектурное сооружение с арочным входом и разделкой фасада на три яруса декоративных ниш. Высота алтаря 20—22 см, длина 28 см, ширина 36 см. Перед очажком находился лоток с отверстием для стока жидкостей длиной 40 см, шириной 45 см, под ним на уровне нижнего пола находился второй лоток, идентичный первому по размерам и форме. Между лотками в обмазке пола найдено несколько черепков керамики VIII—IX вв., что косвенно указывает на дату функционирования помещения. Недалеко от помещения была поднята медная монета второй половины VIII в., что подтверждает наши предварительные датировки.

Алтарь со стоящим перед ним лотком для возжиганий и культовых возлияний очень напоминает нам очажок-алтарь в виде макета здания с Сарытепе 1, отмеченный В. Д. Жуковым. Они помогут изучить развитие форм домашних святилищ, существовавших в Средней Азии и в более позднее время, в XI—XII вв., как проявление старых языческих верований.

Вторым культовым предметом, найденным вне расположения алтаря на Сарытепе 2, является терракотовая, полая изнутри головка идола в виде шара с чуть приплюснутой тыльной частью и ярко выраженными тюркскими чертами лица (рис. 10). Волосы на голове условно переданы волнистыми линиями. Бровные дуги соединяются у переносицы, глаза миндалевидные, нос и борода отбиты, рот маленький, с оттопыренными губами. Через отверстие в голове диаметром 7 мм внутрь опускались разные бусы: стеклянные, железные, каменные, глиняные с наклепными глазками (глазчатые

²⁴ Л. Н. Рутковская. Античная керамика древнего Мерва, Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 102—105.

бусы), использовавшиеся в качестве оберегов. Головка стояла на подставке, прислоненная к стене (след тонкого штыря остался на месте шеи), и связана была с обрядом исполнения желания того, кто опускал в головку бусину. Для Средней Азии известны святилища с фигурками идолов, но они совсем не похожи на нашу головку²⁵.

На этом же тепе собрано большое количество керамики, свидетельствующей о многослойности памятника. Наиболее древние ма-

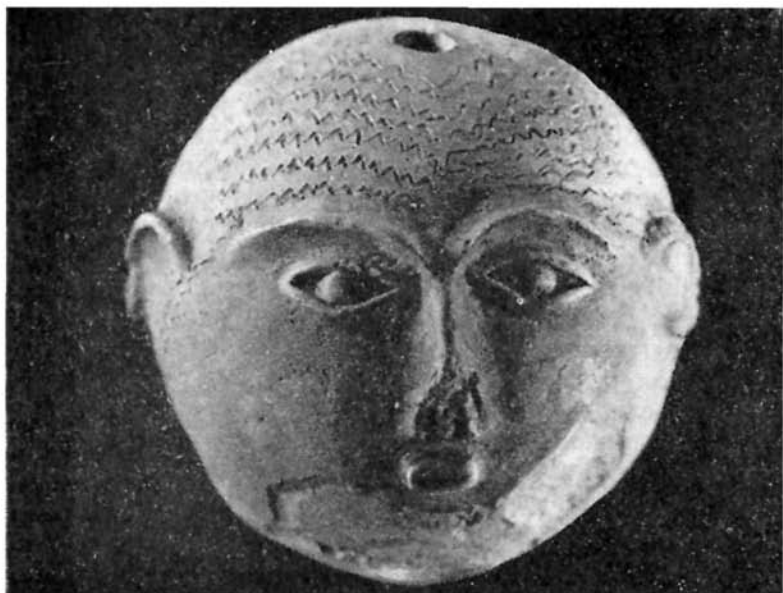

Рис. 10. Терракотовое изображение головы «идола»

териалы относятся к III—V вв., представленным ранее материалами раскопок на Джангальтепе и Малом Кызтепе небольшими кувшинами и курильницами²⁶. К V—VI вв. можно отнести бокалообразные чаши и сосуды типа кринок со сливом под венчиком, найденные ранее на Аултепе²⁷. Этим же временем или немного поздним (до VII в.) можно датировать керамические дисковидные тарелки с защипами по бортику с изображением птицы, напоминающей петуха с пышным хвостом и хохлатой головкой. Такие диски аналогичны находкам с Большого Кызтепе²⁸. К более позднему времени, к VII—VIII вв., относятся приземистые чашки-кружки с

²⁵ Г. А. Брыкина, И. Н. Мартынова. Раскопки усадьбы Кайрагач, сб. «Археологические открытия 1971 г.», М., 1972, стр. 549—550.

²⁶ С. К. Кабанов. Археологические данные к этнической истории Южного Согда в III—VI вв., СА, 1963, № 1, стр. 221, рис. 2, 15, 16, 25.

²⁷ Там же, рис. 2, 31, 33.

²⁸ С. К. Кабанов. К изучению аграрного строя Согда..., стр. 57—58.

прямыми стенками и крутым изломом при переходе к донцу, а также глубокие чашевидные кружки с волнистым бортом (рис. 11). Обе эти формы типичны для керамики Пенджикента этого времени²⁹.

Найдена также поливная керамика IX—XII вв.

Собрана большая коллекция расписной посуды, на которой хотелось бы остановиться несколько подробнее, поскольку в архео-

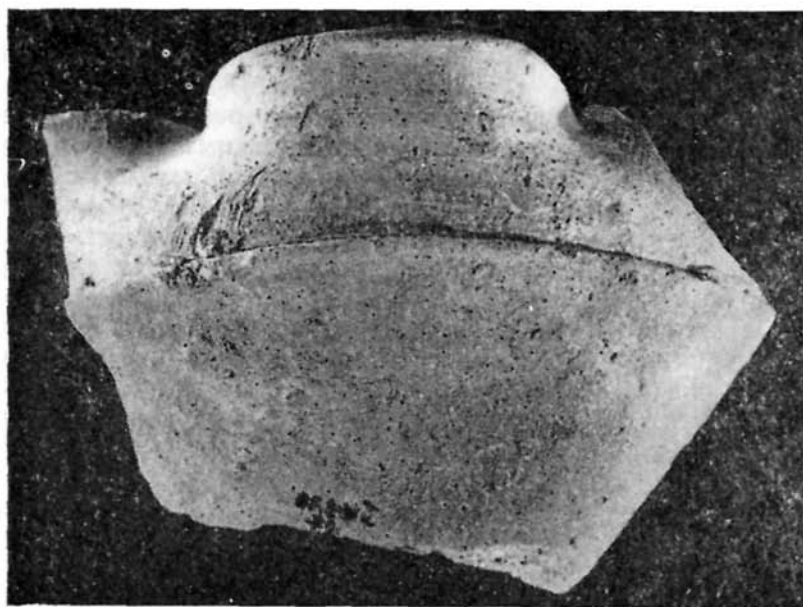

Рис. 11. Чашевидная кружка VII—VIII вв.

логической литературе она датируется по разному: от античности до начала XIII в. Эта керамика, так называемая «псевдо-трипольская», вначале была выявлена на Афрасиабе В. Л. Вяткиным. Расписная керамика с Афрасиаба очень грубая, сделана от руки, черепок красного цвета с залощенной до металлического блеска поверхностью. Чаще всего кувшины грушевидной формы с узким и длинным горлом, имитирующие металлическую посуду с изображением даже металлических колец. В. Л. Вяткин отмечал, что эти сосуды встречаются в наслоениях VII—VIII вв.³⁰

В Пенджикенте обнаружены кувшинообразные сосуды станковой работы, украшенные росписью, отличающейся высоким качеством исполнения³¹.

²⁹ И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя..., стр. 280—285.

³⁰ В. Л. Вяткин. Афрасиаб — городище бывшего Самарканда, Ташкент, 1927, стр. 37—40.

³¹ А. М. Беленицкий. Общие результаты раскопок городища древнего Пенджикента (1951—1953 гг.), Труды ТАЗ, т. III, МИА, вып. 66, М.—Л., 1958, стр. 131—132.

В долине Кашкадарьи расписная керамика отмечена на трех названных объектах—Сарытепе 1 и 2, Большое Кызтепе; известна она и на Буритепе³². Такая же керамика отмечена З. И. Усмановой и Г. Я. Дресвянской еще на одном (Безымянном) тепе близ плотины Чимкурганского водохранилища, на северном его берегу.

Собранная на Сарытепе 1 и 2, а также на Безымянном тепе керамика по формам делится на две группы: горшки и горшкообразные сосуды с выпуклыми стенками и плоским дном (диаметр венчика 8—22 см, высота 5—15 см) и широкогорлые кувшины с ручками и высокой горловиной, по которой наносилась роспись (рис. 9).

Сосуды первой группы делятся, в свою очередь, на сплошь покрытые снаружи и внутри по венчику красным ангобом и на сосуды орнаментированные. Орнамент разнообразный: из прямых или волнистых линий, их сочетаний, пересечений с вкраплением «горошин», полуколец в образовавшиеся ромбы, полосы.

Вторая же группа сосудов (кувшины) расписывалась еще более сложным орнаментом, сочетающим геометрические и растительные мотивы, зооморфные и антропоморфные изображения. Часть из них напоминает орнаментацию на керамических дисках — тарелках, крышках, особенно изображениями людей и фантастических существ. Эта группа памятников находит прямые аналогии в керамике Гайраттепе по форме и по орнаментальным мотивам³³.

Рассматривая стратиграфию верхних наслоений некоторых памятников средней части долины Кашкадарьи, мы сделали попытку классифицировать материал по времени, выявили ряд интересных памятников материальной культуры и идеологии ее древнего населения. Некоторые материалы требуют специального изучения, в частности поставлен вопрос о датировке расписной керамики; возможно предположение, что она в данной местности датируется VIII—IX вв.

³² В. Д. Жуков. Археологическая разведка на Буритепе..., стр. 56.

³³ В. И. Козенкова. Гайрат-тепе, СА, 1964, № 3, стр. 230—233.

Я. Г. БРУСЕНКО

ЗООМОРФНЫЕ МОТИВЫ В ГЛАЗУРОВАННОЙ КЕРАМИКЕ БИНКЕТА X—XII вв.

Многолетние исследования на территории древнего Ташкента¹ позволили накопить богатейшие комплексы керамики с самыми разнообразными мотивами орнаментации, в числе которых встречена керамика с зооморфными изображениями.

Зооморфные сюжеты неоднократно встречались в орнаментике средневековой посуды различных областей Средней Азии. Можно перечислить серии зооморфных образов в керамике Южного Казахстана² (голубь, павлин, лев, барс, олень, лисица), Семиречья³ (фазан, лягушка, медведь), Ферганы⁴ (олень, голубь, рыба, фазан), Самарканда⁵ (голубь, орел, утка, козел, лошадь, рыба, фантастические животные).

Особенно многообразна по своим сюжетам средневековая керамика Мерва, в орнаментике которой зафиксировано до пятнадцати видов животных⁶.

В Хорезме зооморфные изображения на средневековой глазурованной керамике можно отметить лишь в единичных экземплярах⁷. Излюбленными зооморфными образами для керамистов Ча-ча являются пернатые: гусь, фазан, голубь, орел и фантастические птицы. Иногда встречаются изображения рыб, из животных известны олень, баран, лошадь.

¹ Раскопки и наблюдения проводились сотрудниками Ташкентского археологического отряда. Научный руководитель — акад. АН УзССР Я. Г. Гулямов, начальник отряда — канд. ист. наук В. Н. Булатова.

² Т. Н. Сенигова. Средневековый Тараз, Алма-Ата, 1972, стр. 159—161.

³ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции «Чуйская долина», МИА, № 14, М.—Л., 1950, стр. 136.

⁴ Г. А. Брыкина. Зооморфные изображения в средневековой керамике Ферганы, КСИА, вып. 132, М., 1972, стр. 97—99.

⁵ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика Самарканда IX — начала XIII вв., Ташкент, 1967, стр. 54—57.

⁶ М. Е. Массон. Городища Нисы в селении Багир и их изучение, Труды ЮТАКЭ, т. I, Ашхабад, 1949, стр. 57, рис. 15; С. Б. Лунина. Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII — начала XIII в. в квартале керамистов старого Мерва, Труды САГУ, вып. 172, Ташкент, 1960, стр. 81—99; С. Б. Лунина. Гончарное производство в Мерве X—начала XIII вв., Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1962, стр. 247, 249, 317, 318, 327.

⁷ Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XVIII вв.), Труды ХАЭЭ, т. IV, М., 1957, стр. 203, рис. 15 (1).

По техническим признакам всю керамику с зооморфными сюжетами можно разделить на две группы: 1) расписная керамика; 2) керамика со штампованными изображениями.

Для анализов этих типов привлечены материалы, найденные в 1967—1973 гг. при раскопках шахристана Бинкета и прилегающих к нему тепе. Частично использовался археологический материал из Ташкентской области.

При рассмотрении керамики, относящейся к первой группе, наблюдается различие в манере исполнения рисунков. На одних со-

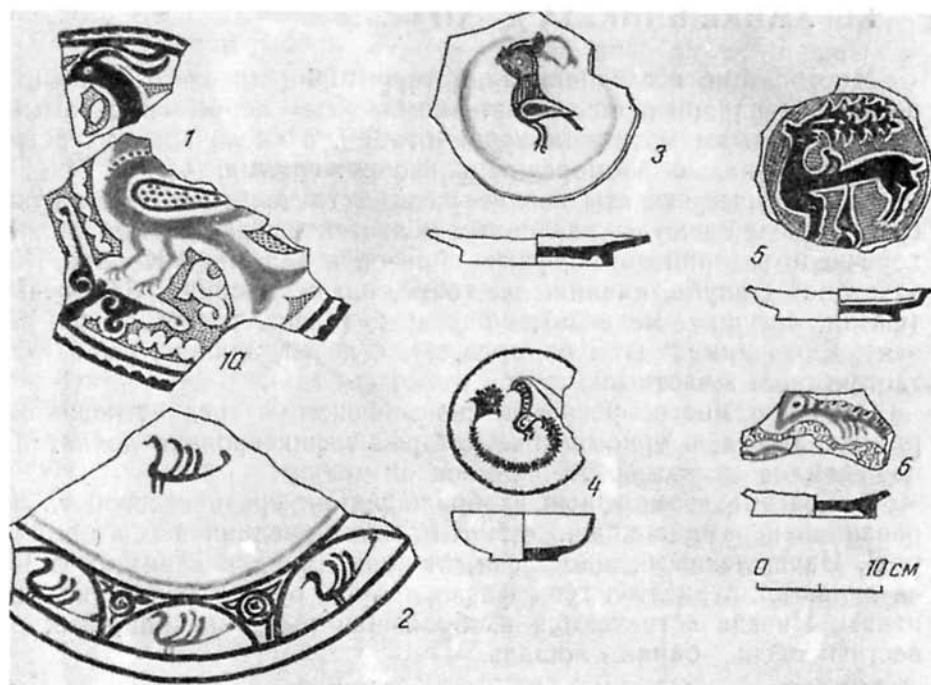

Рис. Фрагменты глазурованных чаш IX—XII вв. с изображениями животных и птиц

судах изображения выполнены силуэтным рисунком, на других — контурным, в отдельных случаях используются и те, и другие элементы. К силуэтным можно отнести несколько фрагментов с изображениями пернатых и один фрагмент с фигурой животного.

Интересен фрагмент⁸ конической чаши, на бортике которой изображена голова хищной птицы (рис., 1). Рисунок нанесен чер-

⁸ Обнаружен в бадрабе X в. на городище Мингурюк М. И. Филанович и В. А. Булатовой. Комплекс керамики из этого бадраба зафиксирован в отчете Д. Г. Зильпер «Об археологических работах на городищах Мингурюк и Кувантепе в 1973 г.» Рукопись хранится в архиве Института археологии.

ной краской на белом ангобе под прозрачной бесцветной глазурью. От головы птицы отходят назад два развевающихся хохолка, острый клюв слегка загнут вниз, глаз круглый с ярко-красным зрачком. Свободное пространство вокруг птицы занимают причудливые фигурки с точечным заполнением. По краю чаши проходит фестончатый бордюр черного цвета. Темный силуэт птицы с ярко-красным зрачком производит зловещее впечатление.

Эта птица напоминает бозсуйских птиц, которых Д. Д. Букиннич связывал с образами сказочной птицы Рух⁹. Другие исследователи склонны считать подобных сказочных птиц воплощением добра и счастья и относят их к птицам среднеазиатской мифологии — Симуург или Кахка¹⁰.

Как бы примыкает к вышеописанному фрагмент конической чаши (рис., 1а) из этого же бадраба с изображением туловища сказочной птицы. Изображена она оливковым цветом на белом фоне под бесцветной прозрачной глазурью. Крыло выделено охристо-красным контуром и заполнено такого же цвета пятнами. Нижняя часть шеи украшена ожерельем из красных бусин. Хвост напоминает рыбий плавник, ноги полусогнуты и заканчиваются острыми когтями. Свободное пространство вокруг туловища птицы заполнено самыми разнообразными элементами: трилистниками на точечном фоне или в виде причудливо извивающихся облаков и перевитых полупальметт. Вся композиция завершается фестончатым черным бордюром, окаймляющим край чаши.

Привлекает внимание серия предельно стилизованных небольшого размера птичек (рис., 2), выполненных одноцветными довольно выразительными мазками, изображающими крылья, туловище, хвост и голову. Обычно художник-керамист помещает их по одной в центре блюда, но чаще всего их можно увидеть в орнаментальном бордюре из крупных овалов, в каждом из которых чередуются контрастного цвета фигурки птиц. Таким бордюром украшались края глазурованных чаш или плечики кувшинов.

Аналогичные зооморфные рисунки широко применялись в орнаментике глазурованной посуды X в. Самарканда¹¹, керамики X в. Ферганы¹² и штампованной керамики XI—XII вв. Мерва¹³.

Следующий фрагмент тарелки с изображением фигуры оленя¹⁴, где в центре сосуда на дне по белому ангобу под прозрачной желтоватой глазурью оливковым цветом нанесено силуэтное изображение стоящего оленя с запрокинутой назад головой, увенчанной

⁹ Д. Д. Букиннич. Боз-суйская птица. СОНАТ. 1938, № 11, стр. 93.

¹⁰ З. Усманова. Материалы по средневековой керамике г. Ташкента. Сборник студенческих работ САГУ, вып. X, Ташкент, 1955, стр. 66.

¹¹ Г. В. Шишкина. Самарканд в свете данных стратиграфии западной части городища Афраснаб, канд. дисс., Ташкент, 1969, стр. 169, 171.

¹² И. А. Ахбаров. Керамика Ферганы IX—XII вв., канд. дисс., Ташкент, 1966, стр. 95—96.

¹³ С. Б. Луннина. Зооморфные сюжеты..., стр. 88, 93, рис. 3.

¹⁴ Блюдо обнаружено в бадрабе, расчищенном в срезях котлована на территории шахристана Бинкета Л. Г. Брусенко, в комплексе с посудой X в.

ветвистыми рогами (рис., 5). Изображение крупное, занимает почти все дно тарелки. Свободное пространство заполнено рядами мелкой вертикальной штриховки, напоминающей чеканку на серебряных и медных изделиях. Подражание металлическим изделиям в керамике Средней Азии наблюдается уже с периода раннего средневековья¹⁵. Такое же явление наблюдается и позже в глазурованных изделиях IX—X вв. На нашем фрагменте художник-керамист пытался средствами живописи передать фактуру, характерную для металлических изделий.

Художественный образ оленя имеет глубокие древние корни, уходящие в искусство степных племен Средней Азии, Алтая и Сибири¹⁶.

В эпоху раннего средневековья изображения оленя довольно часто встречаются на изделиях из серебра¹⁷, в настенной живописи. На городище Топраккала в одном из залов нижняя часть стен украшена «фризом с фигурами оленей, пасущихся в свободных позах»¹⁸, изображенных в натуральную величину.

В IX—X вв. образ оленя нашел свое отражение в глазурованной керамике Ферганы¹⁹. В таком же стиле выполнено силуэтное изображение барана²⁰ на блюде, обнаруженном в г. Алмалыке. Рисунок нанесен оливковым цветом по белому фону. Рога животного рубчатые, ноги обвязаны развевающимися лентами. Изображение барана часто встречается на сасанидских тканях²¹. В нашем примере баран является отражением образа фарна²², который связан с древнейшими культовыми представлениями у различных народов Средней Азии.

В следующую подгруппу объединяются находки с контурными изображениями пернатых. Одна из них представляет собой небольших размеров чашечку²³, на дне которой по белому ангобу под прозрачной, слегка желтоватой глазурью изображен фазан

¹⁵ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв., Труды Гос. Эрмитажа, т. V, Л., 1961.

¹⁶ Г. В. Григорьев. Краткий отчет о работах Янгильской археологической экспедиции 1937 г., Ташкент, 1940, стр. 10; И. С. Руденко. Искусство Алтая и Передней Азии, М., 1961; С. В. Киселев. Древняя история Южной Сибири, М.—Л., 1949.

¹⁷ Я. И. Смирнов. Восточное серебро. Атлас древней серебряной и золотой посуды восточного происхождения, СПб., 1909, табл. XXIV; Б. И. Маршак. Согдийское серебро, М.—Л., 1950, табл. 34.

¹⁸ С. П. Толстов. Археологические и этнографические работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг., М., 1958, стр. 201.

¹⁹ И. Ахраров. Керамика Ферганы..., стр. 95; Г. Брыкина. Зооморфные изображения..., стр. 97—99.

²⁰ Чаша найдена школьниками-краеведами под руководством Ю. Е. Дерглагова.

²¹ И. В. Дьяконова. Сасанидские ткани, Труды Гос. Эрмитажа, Л., 1969, стр. 90.

²² Б. А. Литвинский. Кангюйско-сарматский фарн, Душанбе, 1968, стр. 90, 94.

²³ Сосуд обнаружен в комплексе с керамикой X — начала XI вв. в бадрабе на территории шахристана Бинкета археологом М. И. Филанович.

(рис., 3). Птица нарисована жирным черным контуром. Ее непропорционально большая голова посажена на толстую, длинную шею, утончающуюся книзу и украшенную тремя красными мазками. Большой чечевицеобразный глаз занимает почти всю голову. от длинного острого клюва назад отходят «перья» хохолка в зиде тонких расширяющихся книзу линий. Крыло слито с миндалевидным туловищем, а длинный тонкий хвост с отходящими от него перьями круто изогнут и заканчивается пышной кистью перед клювом птицы. Лапки переданы тремя полукруглыми мазками, изображающими когти. Несмотря на то, что цветовая гамма в рисунке построена на сочетании контрастных цветов черного и красного, общий колорит чашечки теплый. Он достигается покрытием рисунка светлой, слегка желтоватой глазурью, а красные мазки как бы оживляют всю композицию, ими украшена шея птички, а один из них небрежно положен на ее хвост. Снаружи по краю расположены косые темные мазки.

Образ фазана на средневековой глазурованной керамике довольно часто встречается в различных районах Средней Азии. В Ташкентской области, в г. Ангрене при раскопках в бадрабе X в. была обнаружена чаша с изображением по краю шествия фазанов, выполненных трехцветной росписью белым, коричневым, зеленым по черному ангобу под прозрачной бесцветной глазурью²⁴.

Большую известность получило семиреченское блюдо с изображением этой птицы²⁵, в Фергане образ фазана нашел свое отражение в глазурованной керамике XI—XII вв.²⁶ Этот же образ мы видим в штампованной керамике Мерва того же времени²⁷. «Прекрасно стилизованный фазан в духе сасанидского искусства» изображен на штампованной керамике Термеза XI—XII вв.²⁸

У народов Средней Азии фазан издревле считается священной птицей, символом огня и победы²⁹.

На другом сосуде³⁰, представляющем донную часть лагана, в центре по кремовому ангобу под прозрачной с легким желтоватым оттенком глазурью изображен попугай. Фигурка птицы нарисована темно-коричневым контуром. Изображение построено на сочетании контрастных цветов. Туловище птицы изображено коричневой косой штриховкой контуром; тем же цветом нарисовано крыло

²⁴ Чаша обнаружена ангренскими школьниками-краеоведами под руководством О. М. Ростовцева.

²⁵ А. Н. Бернштам. Труды Семиреченской археологической экспедиции..., стр. 4.

²⁶ Г. А. Брыкина. Зооморфные изображения..., стр. 98, рис. 1.

²⁷ С. Б. Лунина. Зооморфные сюжеты..., стр. 81.

²⁸ М. Е. Массон. Городища старого Термеза и их изучение, ТАКЭ, вып. 2, Ташкент, 1940, стр. 85.

²⁹ К. А. Иностранцев. Материалы из арабских источников для культурной истории сасанидской Персии. Приметы и поверья, ЗВО, т. XVIII, СПб., 1908, стр. 147.

³⁰ Фрагмент блюда обнаружен в слое XI—XII вв. при раскопках городища Мингурюк археологом О. В. Обельченко в 1958 г. при участии автора.

и хвост. Хохолок раскрашен расплывчатым ядовито-зеленым пятном. Рядом с попугаем располагаются соцветия из ярко-желтых, красных и зеленых пятен, последний элемент довольно характерен для украшений керамики XII—начала XIII вв.

Изображение экзотической птицы, не встречающейся в фауне Средней Азии, говорит о наличии культурных и торговых связей со странами, расположенными южнее. И возможно, образ ее был заимствован из художественных произведений прикладного искусства, завезенных извне, или у мастера-керамиста была живая модель, доставленная в область либо в качестве предмета торговли, либо подарка.

Во вторую группу объединяются несколько фрагментов чирагов³¹ со штампованными изображениями орлов в геральдических позах. Чираги, на которых они изображены, имеют граненный корпус и вытянутый носик, нижняя часть которого подрезана ножом. Круглая ручка завершалась листовидным щитком (пятой), украшенной вышеописанными изображениями. Покрты чираги прозрачной глазурью зеленого или коричневого цвета. При просмотре коллекций Д. Д. Букинича³² обнаружены несколько аналогичных чирагов, относящихся к XI—XII вв., один из них покрыт непрозрачной серого цвета с металлическим блеском глазурью, возможно, полученной в результате пережога изделия.

Геральдические изображения орлов встречены также на глазурованных чирагах XI—XII вв. в Самарканде³³. Нередки изображения хищных птиц на штампованной керамике Мерва³⁴ в XI—XII вв. Особенно часто хищные птицы встречаются в орнаментике глазурованной керамики Грузии и Азербайджана XI—XII вв.³⁵

Кроме пернатых и животных в эту группу входит один фрагмент с очень стилизованным изображением рыб (рис., б). Рыбы нарисованы на донной части полусферического блюда по белому ангобу зеленой краской под прозрачной желтой глазурью. Изображения выполнены жирными линиями и настолько условно и схематично, что скорее всего напоминают скелеты рыб.

Заканчивая обзор керамики с зооморфными сюжетами, можно сделать следующие выводы: керамисты Чача отдают предпочтение изображениям пернатых, так как образ птицы занимает важную роль в поверьях и мифологии народов Средней Азии.

³¹ Навершия чирагов обнаружены в комплексах керамики XI—XII вв. на территории шахристана Бинкета.

³² Коллекция керамики из раскопок в Ташкенте в районе Бозсу в 1937 г. хранится в Музее истории искусства и культуры Узбекистана, колл. ЛБ-6 479.

³³ Чираг с геральдическими изображениями орлов найден в 1973 г. при участии Л. Г. Брусенко и Э. Ю. Буряковой в слое XI—XII вв. при раскопках в северных районах городища Афрасиаб.

³⁴ С. Б. Лунина. Гончарное производство..., стр. 315.

³⁵ Л. Якобсон. Художественная керамика Байлакана (Орен-кала), МИА, вып. 67, М.—Л., 1959, табл. XXV, рис. 1; табл. XXVII, рис. 1, 3; М. Н. Мицшишли. Поливная керамика в древней Грузии (IX—XIII вв.), Тбилиси, 1969, табл. XVIII—XX.

При кажущейся общности в изображениях зооморфных сюжетов у керамистов из различных ремесленных центров наблюдаются свои индивидуальные особенности в художественных приемах передачи зооморфных образов. Особенно ярко выражена индивидуальность в трактовке крыла пернатых для керамики X в. Художники-керамисты Бинкета предпочитали в образах пернатых изображать крыло слитно с туловищем птицы и лишь иногда подчеркивали его контрастным цветом или незначительным просветом в отличие от трактовки крыла в Фергане³⁶, Хорезме³⁷ и Мерве³⁸, где крыло в X—XI вв. как правило изображается всегда отдельно от туловища, и Самарканде, где преобладают изображения птиц с распахнутыми крыльями³⁹.

Художественные приемы в изображениях зооморфных сюжетов Бинкета отличаются сочным колоритом и относительно реалистической трактовкой образов. Различные образы народной среднеазиатской мифологии — птица добра и счастья Симург, фазан, древний образ зороастрийского культа — символ огня и победы, баран — воплощения богатства, рыбы — символа чистоты и благополучия нашли свое отражение в народном прикладном искусстве древних керамистов Чача.

Рассматривая глазурованную керамику Бинкета, следует отметить наличие локальных особенностей в художественных приемах оформления керамики, что указывает на существование чач-илакской школы керамистов. Изделия, изготовленные ими, ничуть не уступают по своим художественным достоинствам керамической продукции таких крупных ремесленных центров Средней Азии, как Самарканд и Мерв, и занимает свое достойное место в их ряду. И поэтому не случайно керамика Чача вызывала восторженные отклики арабских путешественников X в.⁴⁰

³⁶ Г. А. Брыкина. Зооморфные изображения..., стр. 98.

³⁷ Н. Н. Вактурская. Классификация средневековой керамики..., стр. 203, рис. 15 (1).

³⁸ С. Б. Лунина. Гончарное производство..., стр. 247, рис. 16; стр. 249, рис. 17; стр. 250, рис. 18.

³⁹ Ш. С. Ташходжаев. Художественная поливная керамика..., стр. 54, рис. 10; стр. 114, рис. 27.

⁴⁰ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, соч., т. I, М., 1963, стр. 295.

К. АБДУЛЛАЕВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ ГОРОДИЩА КАНКА (1969—1972)

Значительная часть нынешней Ташкентской области входила в прошлом в Чач¹. На его территории, по сведениям средневековых письменных источников, находилось множество городов. Один из них, Харашкет, по сведениям Ибн Хаукаля (X в.), был вторым по величине городом Чача после Бинкета². В 1934 г. М. Е. Массон, исходя из данных средневековых путешественников (Истахри и Ибн Хаукаля), отождествил этот город с руинами городища Канка, расположенного в Аккурганском р-не Ташкентской обл., в 9 км к юго-востоку от места впадения Ангрена в Сырдарью³.

Изучение городища началось уже с 1868 г., когда здесь побывал русский художник В. В. Верещагин, однако подлинное научное его исследование с определением хронологических рамок обживания, расшифровкой этимологии слова «Канка» и составлением плана городища было сделано М. Е. Массоном только в 1934 году⁴.

Исходя из чрезвычайно важного значения этого городища, стоявшего на транзитном караванном пути из Согда в Чач⁵, для истории Чача, в июне 1969 г. началось комплексное его изучение Главным управлением по охране памятников и изобразительного искусства Министерства культуры УзССР под руководством автора данной статьи.

В статье рассматриваются лишь результаты археолого-стратиграфического исследования фортификационных сооружений городища, имеющих первостепенное значение для решения ряда кардинальных вопросов истории Канки.

Топографическая ситуация. Городище Канка в плане неправильной формы, расположенное на возвышенной лессовой гряде, омываемой с северо-востока одним из протоков р. Карасу, зани-

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, соч., т. I, М., 1963, стр. 226.

² Абу-л-Касим ибн Хаукаль. Извлечения из книги «Пути и страны», пер. Е. К. Бетгера, Труды САГУ, вып. IV, 1957, стр. 24.

³ М. Е. Массон. Ахангеран. Археолого-топографический очерк, Ташкент, 1953, стр. 105.

⁴ Там же, стр. 105—115; М. Е. Массон. Загадочное городище Канка, СОНАТ, 1934, № 10, 11.

⁵ Ю. Ф. Буряков. О втором караванном пути из Согда в Шаш, ОНУ, 1972, № 3, стр. 40.

мает площадь около 200 га. В его топографии четко выделяются пять частей: величественная цитадель и примыкающие к ней три площади, обнесенные оборонительными стенами, условно названные шахристан I, II, III, а также обширная территория рабада (рис. 1).

В северо-восточном углу городища находится цитадель, возвышающаяся над прилегающей территорией до 34 м, имеющая по

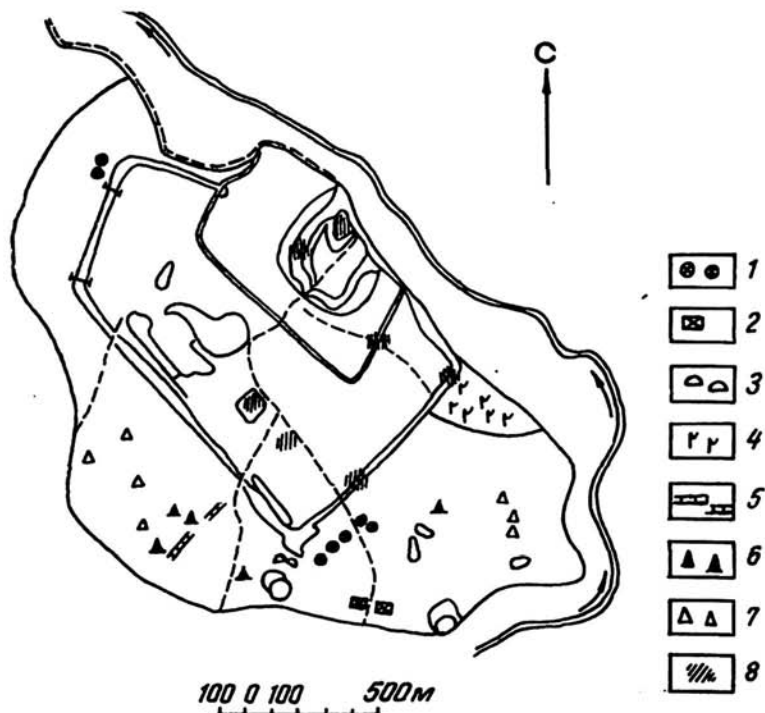

Рис. 1. Топографический план городища Канка. Условные обозначения:

1—гончарные печи; 2—печи для обжига кирпича; 3—осуарии; 4—современное мусульманское кладбище; 5—система кубуров; 6—скопления поливной керамики; 7—скопления неполивной керамики; 8—места раскопок

верху вид неправильной окружности диаметром от 36 до 41,5 м. Несмотря на значительный оплыв, склоны цитадели до сих пор очень крутые — 60—65°. В основании цитадель подквадратной формы (130 × 120 м). С трех сторон цитадель была обнесена рвом шириной в наиболее четко сохранившейся части до 20 м. Узкий 20-метровый перешеек через ров соединяет цитадель с шахристаном I, территория которого состоит как бы из двух площадей: возвышенной северо-западной с плотной застройкой (а) и пониженной (б), обнесенных мощной оборонительной стеной, в центре юго-западного фаса которой выделяется полукруг ворот с предвратным

башенным сооружением размером 17×22 м с подводящим к ним спиральным пандусом. Общая длина шахристана I на юго-восточном фасе стены — 230 м, на юго-западном — 225 м. С трех сторон шахристан I обведен (помимо стены) углублением типа рва шириной от 8 до 40 м.

Следующая крепостная стена окружает более значительную площадь, которая ориентирована под углом к стене первого шахристана. Восточный фас ориентирован по линии север—юг с 20° отклонением к востоку. Участок городища вдоль северного отрезка стены, судя по микрорельефу, был обжит довольно густо. На расстоянии 260 м от северо-восточного угла стена была разрезана бульдозером на ширину 8 м. Напротив в этой части городища идет понижение микрорельефа — извилистая нить магистралей улиц, к югу от него — хауз, в юго-западном углу понижение правильной формы, напоминающее площадь. Общая длина восточного фаса (т. е. стены) 420 м.

Южная стена длиной 807 м уходит на запад не под прямым углом к вышеописанной, а всего в 70° . Она имеет 310° северо-западного склонения. В этом фасе, как и в первом ряду, расположены ворота. Вторые ворота находятся в 355 м от южной точки стены (ширина пролета 10 м). На расстоянии 420 м от этой точки — овальный водоем, вытянутый вдоль стены на 70 м (на 747 метре разрез бульдозером до 773 метра).

Северо-западный сектор шахристана II обжит был несколько слабее: вдоль западной стены проходит ряд разрозненных построек.

Западная стена параллельна восточной (восточное склонение $20-30^\circ$). Длина стены 490 м. Под описанным углом стена идет 100 м, затем на 300 м отрезок разрушен, далее 90 м — уже под иным углом, на снижение которого повлиял, вероятно, древний проток, проходивший вдоль северной части западной стены городища в направлении север—юг.

Очертания северной стены не совсем правильные. Она, вероятно, проходила по краю русла, повторяя изгибы речной трассы. Стена идет ровно 355 м, затем понижается по рву (возможно, здесь были ворота). Далее на 60 м до цитадели ров понижается и, смыкаясь со стеной цитадели, продолжается на 110 м. Через 140 м от цитадели начинается стена первого шахристана, в 190 м от нее кончается стена шахристана II. Итак, общая длина стены 855 м. Ее ориентация $35-40^\circ$ западного склонения (или $320-325^\circ$).

В пределах второй стены интересен юго-восточный район. Обжит он довольно густо: по микрорельефу четко видны жилые кварталы, 4 крупных водоема (один из них квадратный) и магистрали, ведущие с юга и с востока из-за пределов стен. Менее густо обжит западный сектор.

В траншеях, заложенных под силосные ямы фермой колхоза им. Калинина, видно, что культурный слой в целом колеблется в пределах от 0,8 до 1 м, изредка опускаясь до 2,2 м (возможно, что

при строительстве фермы верхний слой толщиной 1,5—2 м был снят бульдозером). Нижние слои представлены зольником с примесью лепной керамики и обломками хумов с потеками, датированных примерно V—VI в.

Северо-западный сектор, как и восточный, обжит плотно. Здесь прослеживаются остатки больших архитектурных сооружений, особенно в примыкающей к северной части стены.

Третья крепостная стена охватывает значительную территорию, различную по густоте обживания. На севере она являет собой продолжение стен первого и второго шахристанов. Наиболее обжитыми были восточный и юго-восточный секторы, т. е. город имел тенденцию к развитию в этом направлении. На восток и на юг отходят основные магистрали.

Западный сектор был обжит слабее. В 70 м за пределами западного фаса второй стены, на ее северном отрезке были обнаружены остатки погребения, на поверхности которого виднелась несколько костей человека; следы двух костяков видны в разрезах арыков. По-видимому, в ранний период жизни, когда город ограничивался второй стеной, здесь было загородное кладбище. За кладбищем на обширной площади западного сектора поднимаются редкие всхолмления, вероятно, отдельные феодальные усадьбы.

Основная жизнь в пределах третьей стены, как отмечалось выше, протекала в восточных секторах. Здесь выделяются отдельные комплексы общественных сооружений. Одно из них, размером 95 × 95 м, прямоугольной формы с понижением двора в центре и помещениями (по 4 с каждой стороны), располагалось вдоль южной магистрали города неподалеку от ворот и могло представлять собой караван-сарай. Северо-западнее его в разрезах канавы были собраны металлические и керамические шлаки и куски спекшейся стеклянной неосветленной массы, т. е. следы ремесленного производства, датированного по керамике второй половиной I тысячелетия н. э.

От караван-сарая магистральная улица вела к южным воротам второй городской стены. Размеры третьей крепостной стены следующие: северо-восточный фас—400 м, восточный—768 м, юго-западный—1200 м, западный—570 м, северный—400 м.

В северо-западном углу стены фиксируется большая угловая башня.

Разрез крепостной стены шахристана I. Для выявления стратиграфии, времени возведения и фортификационных особенностей крепостной стены шахристана I на ее северо-западном фаса был заложен разрез шириной 3,15 м с небольшим расширением в юго-восточной части, обозначенный как Р-1 (рис. 2). Начатый с гребня стены, он опущен на глубину 15,5 м до материкового слоя. Весь разрез был разбит на квадраты (Г-10—Г-28), вертикальная фиксация шла по ярусам, причем гребень стены, т. е. начало разреза, приходился на XXXII ярус, поскольку роль репера для раскопов Р-1 и Р-4 выполняла самая высокая точка цитадели.

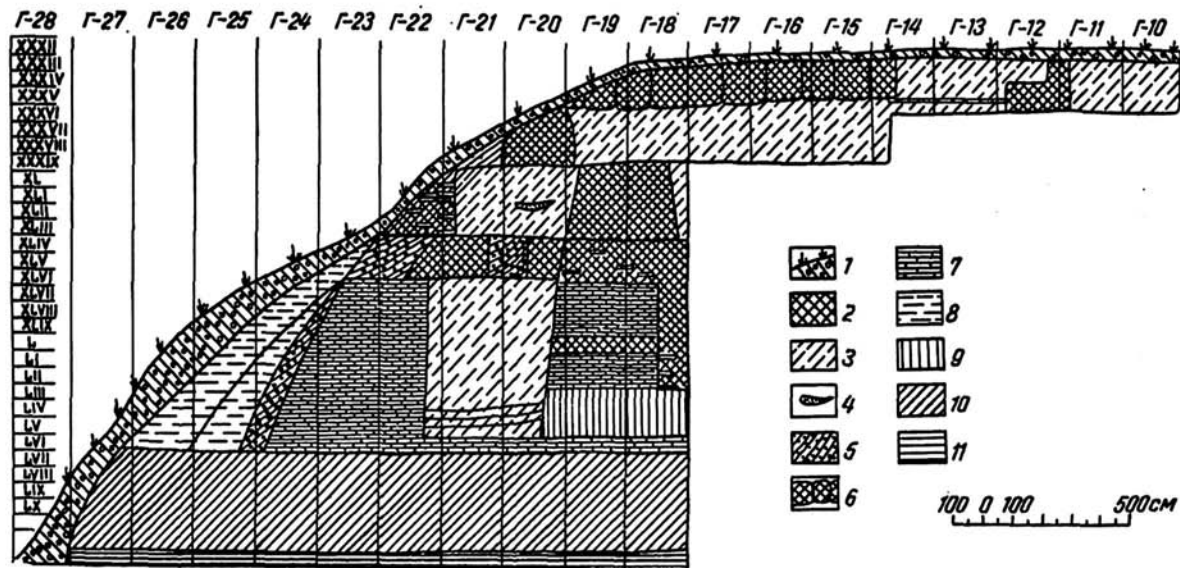

Рис. 2. Разрез первой крепостной стены. Условные обозначения:

1—натечно-надувной слой; 2—пахсовая стена; 3—культурный слой; 4—горелый слой; 5—оплыв стены; 6—пахсовые блоки;
7—сырцовый кирпич; 8—футляр башни; 9—платформа под стеной; 10—общая платформа; 11—лесс

В итоге проведенных раскопочных работ выявилась сложная картина культурных напластований, определены четыре периода функционирования крепостной стены. Описание их дается от нижних культурных слоев к верхним.

В первый период существования стены на материковом слое лесса была возведена мощная монолитная платформа высотой до 3 м из плотно утрамбованной земли, имеющая с внешней стороны откос в 70°. Над ней уложены три ряда сырцового кирпича размером 40 × 40 × 13 см, прослеживающиеся в длину на 13,9 м. Эти ряды кирпича вместе с платформой явились основанием, на котором, в свою очередь, были возведены основные крепостные стены с выносной полукруглой в плане башней. Основная крепостная стена возводилась приемом комбинированной кладки. Нижнюю ее часть составляет слой пахсы толщиной 1,5 м, над которым уложены 9 рядов сырцового кирпича формата 39 × 39 × 10—12 см, 40 × 40 × 12—14 см, на постелях которых имеются знаки в виде перекрещивающихся линий. Выше них шел ряд пахсовых блоков 50 × 50 см, а над ними — еще 13 рядов сырцового кирпича с аналогичными предыдущим кирпичам размерами и знаками на постелях. Общая толщина стены 4 м. Между стеной и башней встроено внутрибашенное помещение шириной 3,9 м, полностью заполненное в основании рыхлой землей с прослойками угля и золы.

Башня в плане имеет, по-видимому, полукруглую форму, но точный ее диаметр выяснить не удалось, поскольку она вскрыта на небольшое расстояние. Башня выстроена из сырцового кирпича размером 38 × 38 × 12 см, 39 × 39 × 12—13 см, на постелях которых отмечены знаки, идентичные предыдущим. С внутренней стороны кладка башни оштукатурена толстым (3—5 см) слоем глины с примесью самана. На высоте 2 м от уровня пола внутрибашенного помещения в кладке башни зачищена ниша размером 1,15 × 0,65 м, стенки которой покрыты глино-саманной штукатуркой. Сохранившаяся высота башни 4,7 м, ширина в верхней части до 3 м, в нижней — до 4,5 м. Внешняя грань башни шла с откосом в 60°. Перед башней имеется выносная площадка шириной 4,3 м. Башня выступает более чем на 8 м от крепостной стены.

Во второй период существования осуществлялись большие ремонтные работы стены. Тело основания крепостной стены и внутрибашенное помещение были заключены в Г-образный футляр из пахсы с включением отдельных прямоугольных сырцовых кирпичей размером 55 × 40 × 14 см, ширину которой проследить не удалось. С внешней стороны пришедшую в негодность башню заключили в пахсовую «рубашку», сооруженную в два приема; толщина первого футляра у основания — 1,8 м, толщина второго — 2 м. В результате этих перестроек значительно увеличилась ширина стены, достигшая более 18 м у основания, была забутована башня, появился внутрестенный проход шириной 1,2 м.

В третий период существования гребень старой крепостной стены был снивелирован, и на ней возвели новую стену с вынос-

ной башней и башенным помещением шириной 3,85 м, которая повторяет конфигурацию стены первого периода, причем башня стены сооружена из пахсы вперемешку с прямоугольным сырцовым кирпичом $52 \times 26 \times 10$ см, а сама стена — из плотной монолитной пахсы.

По-видимому, это последний период существования стены, так как в последующие периоды она перестает выполнять оборонительные функции. Об этом свидетельствуют обнаруженные в верхних слоях помещения жилого и хозяйственного назначения с небольшим двориком, выстроенные на оплывшей стене третьего периода. В самом верхнем слое под дерном, на уровне начала XXXIII яруса был отмечен ряд пахсовых блоков шириной от 0,6 до 1,35 м, покоившихся на рыхлом слое земли, которые заполняли одно из отмеченных выше помещений. Очевидно, что они фиксируют наиболее поздний этап обживания данного участка стены шахристана I.

Переходя к датировке и культурно-исторической оценке полученных материалов, отметим, что хронологическое определение выделенных выше периодов крайне затруднительно из-за малого количества фактических данных. Датировка первого периода отчасти может быть определена по строительному материалу, так как керамика немногочисленна. Как уже указывалось, крепостная стена и башня на этом периоде были выстроены из сырцового квадратного кирпича размером $39 \times 39 \times 12$ см, $40 \times 40 \times 12$ см, $41 \times 41 \times 12-14$ см.

Сырцовый кирпич аналогичных размеров имел повсеместное распространение в постройках Средней Азии начиная с V—IV в. до н. э. (Калалигыр в Хорезме) вплоть до IV—V в. н. э., а особенно широко применялся в первые века н. э.⁶ Среди находок на полах башни обращает на себя внимание фрагмент венчика чаши (рис. 3, 48) с Г-образным отгибом венчика и красным полосчатым лощением поверхности. Аналогичные сосуды найдены на Афрасиабе в комплексе конца IV—II вв. до н. э.⁷ Интересна найденная в заложении внутрибашенного помещения на уровне LIII яруса медная монета с изображением на лицевой стороне головы правителя

влево и тамгой

в окружении согдийской надписи на оборотной стороне. Монеты данного типа М. Е. Массон относил к III—

ротной стороне. Монеты данного типа М. Е. Массон относил к III—

⁶ Не отмечая весь обширный круг аналогий, сошлемся на основные сводки размеров сырцовых кирпичей на памятниках Средней Азии, приведенные Г. А. Пугаченковой (см.: Г. А. Пугаченкова. Халчаян, Ташкент, 1966, стр. 126—129) и В. А. Нильсеном (см.: В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии V—VIII вв. н. э., Ташкент, 1966, стр. 205—208).

⁷ Г. В. Шишкина. Керамика конца IV—II вв. до н. э. (Афрасиаб II), сб. «Афрасиаб», вып. III, Ташкент, 1974, стр. 44, рис. 5, 10.

IV в. н. э.⁸, а В. М. Массон высказывает предположение, что они относятся, возможно, к более раннему времени⁹. Действительно,

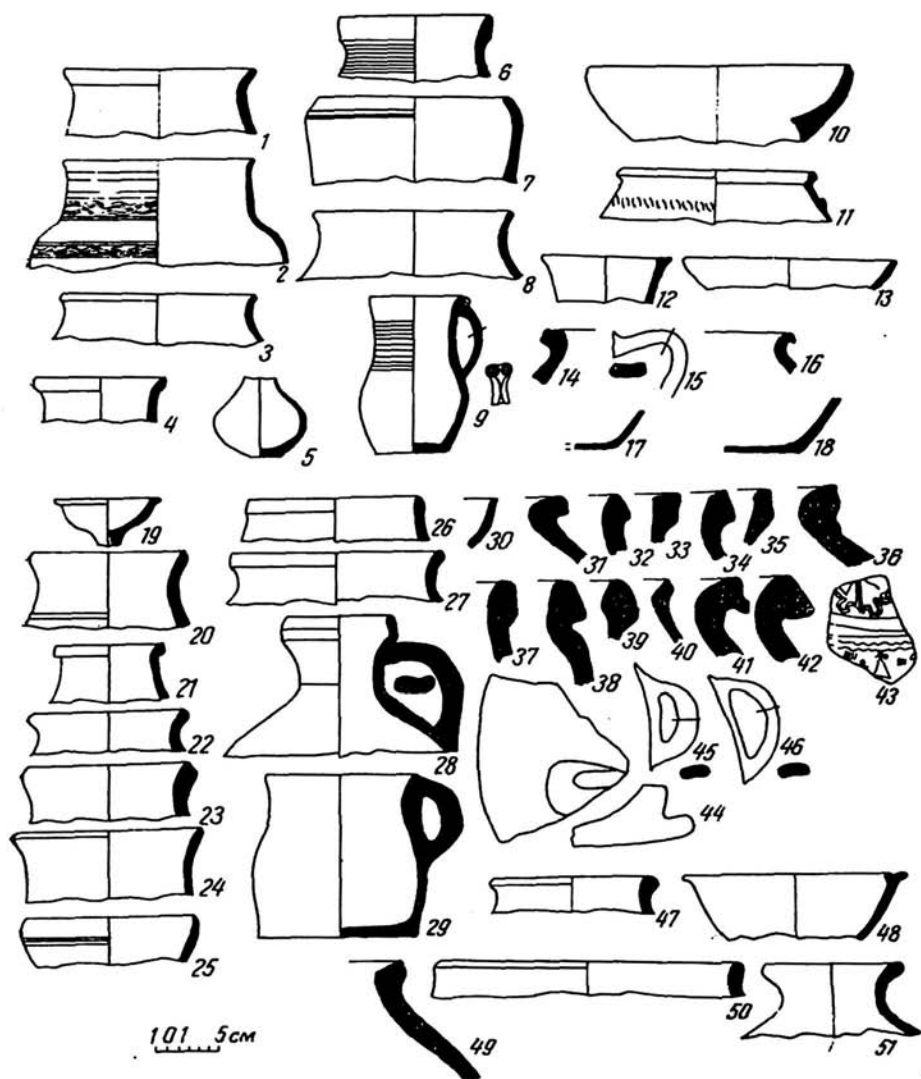

Рис. 3. Неполивная керамика раскопа № 1

почти идентичная основа тамги на монетах Канки и на раннехорезмийских монетах, относящихся к I в. до н. э. — I в. н. э., может

⁸ М. Е. Массон. Монетные находки, зарегистрированные в Средней Азии в 1930 и 1931 годах, Ташкент, 1933, стр. 7—8.

⁹ В. М. Массон. Хорезм и кушаны, ЭВ, 1966, № 17, стр. 80.

говорить о возможной синхронности их выпуска, на что также намекает и ряд иконографических деталей. Если предположение о более ранней дате этих монет верно, то тогда возведение крепостной стены на шахристане I возможно отнести к II—I вв. до н. э.

Из-за отсутствия керамического и иного материала, определяющего время его бытования, крайне затруднительна датировка второго периода. Это заставляет нас обратиться вначале к датировке третьего периода.

Наличие в структуре одной из стен, относящихся к этому периоду, прямоугольного сырцового кирпича $52 \times 26 \times 9$ —10 см позволяет датировать его временем раннего средневековья. Аналогичный по форматам кирпич на территории Средней Азии применяется преимущественно начиная с V—VI вв. и бытовал до второй половины VIII в., а возможно, и до начала IX в.¹⁰ Следовательно, третий период функционирования первой крепостной стены можно отнести к V—VI вв.

Не противоречит этой дате и даже несколько сужает ее найденная в основном во внутриваженном (?) помещении керамика. Отметим находки на уровне пола этого помещения (XLIII ярус) фрагментов кувшинов с одной ручкой и сливом-вмятиной на противоположной стороне (рис. 3, 28). Идентичные по форме кувшины отмечены на ряде памятников Чача и Согда в слоях второй половины VII—первой половины VIII вв.¹¹ К этому же времени относится и найденный целый сосуд с округлым, несколько вытянутым туловом, плоским дном и слегка отогнутым наружу венчиком, к одному из краев которого прикреплена ручка (рис. 3, 29). Аналогичные сосуды обнаружены в слоях VII в. городища Мингурюк¹². Таким образом, исходя из приведенных аналогий, дату третьего периода функционирования стены возможно сузить до VII—начала VIII вв. Учитывая датировку первого и третьего периодов, второй период мы можем отнести ко II—III вв.

Время существования четвертого периода хорошо определяют найденные на полу помещения фрагменты сосудов на слегка вытянутом поддоне, покрытые свинцовой прозрачной глазурью с подглазурным орнаментом растительного и геометрического характера, выполненным черной линией по светлому ангбу. Такая посуда характерна для керамики Чача X—XI вв.¹³

На эту же дату указывает найденная на полу помещения, на уровне конца XXXVIII яруса медная монета плохой сохранности, которую по ряду деталей можно определить как саманидскую второй половины X в.

¹⁰ В. А. Нильсен. Архитектура Средней Азии..., стр. 204—212.

¹¹ А. И. Тереножкин. Холм Ак-тепе близ Ташкента, Труды ИИА АН УзССР, Ташкент, 1948, стр. 114.

¹² И. Б. Бентович. Керамика верхнего слоя Пенджикента (VII—VIII вв.), МИА, 1964, вып. 124, стр. 270, рис. 6; сб. «Древний Ташкент», 1973, стр. 27, рис. 10.

¹³ Сб. «Древний Ташкент», стр. 90—97.

Итак, данные стратиграфического наблюдения свидетельствуют о том, что в четвертом периоде существования первая крепостная стена перестала выполнять свои непосредственные функции. На ней возводятся жилые помещения. Любопытно, что аналогичная картина наблюдается и на второй крепостной стене городища, которая была заброшена примерно в тот же период.

Раскоп № 3 (Р-3) был заложен в центре юго-восточного фаса стены шахристана II, т. е. внутри второй оборонительной стены городища, на месте разреза, сделанного бульдозером для прокладки дороги к действующему мазару.

Собственно Р-3 — это зачистка по краю бывшего разреза с углублением его во внутрь стены на 2,5 м. Цель его — выявление времени появления второй крепостной стены и этапов ее функционирования. Общая высота стены в данном участке 9,9 м от реперной точки, установленной рядом с разрезом, до рва.

В результате полученных здесь наблюдений выявляется интересная картина функционирования крепостной стены. Описание дается снизу вверх.

В первый период, приходящийся на VII—VIII вв. на выровненном и утрамбованном лессовидном слое толщиной 1,5 м с культурными остатками в виде золы и органических слоев, который в свою очередь покоился на чистом материковом слое лесса, была возведена крепостная стена из пахсовых блоков и прямоугольного кирпича обращенная внешней гранью ко рву. Общая толщина стены 4 м, сохранившаяся высота более 4 м (рис. 4). С внутренней стороны непосредственно к стене примыкает здание, часть которого была вскрыта в раскопе. Внешний его контур определяет пахсовая стена толщиной 80—100 см с проходом шириной 80 см в южной стороне. Внутри здание было разделено тонкими стенами из пахсы и обломков сырцового кирпича на ряд коридорообразных помещений, заполненных культурными отложениями.

Для керамического комплекса, найденного на полах этих помещений, характерно наличие неглубоких мисок со слегка отогнутым венчиком и резким перегибом при переходе ко дну, покрытых красным ангобом, иногда с лощением (рис. 5, 4). Аналогичные миски отмечены в керамике второй группы Шаушукумтобе, датруемой VI—VIII вв.¹⁴, в памятниках Ташкентского оазиса, в Согде и в Семиречье в слоях VII—VIII вв.¹⁵ Характерны для этого времени и кувшины с высокой горловиной и округлым венчиком, а также горшки с глубоким устьем и парными врезанными линиями, опоясывающими горловину (рис. 5, 1, 2, 5, 6, 11). К этому же времени относится и прямоугольный сырцовый кирпич 52×26×9—10 см, отмеченный в кладке пола одного из помещений. Исходя из этих

¹⁴ Л. М. Левина. Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи в I тысячелетии н. э., Труды ХАЭЭ, т. VII, М., 1971, рис. 51, 37, 40.

¹⁵ Б. И. Маршак. Влияние торевтики на согдийскую керамику VII—VIII вв., ТОВЭ, т. V, Л., 1961, табл. 1, 3; В. И. Распопова. Гончарные изделия согдийцев Чуйской долины, ТКЭ, т. IV, М., 1960, стр. 152, рис. 4.

аналогий, можно, по-видимому, датировать функционирование помещений первого периода, а также и самой стены VI—VIII вв.

Во втором периоде, соответствующем II—VI ярусам, внутренняя грань крепостной стены была частично подрублена, на образовавшемся уступе возвели стену, сложенную из сырцового кирпича $32 \times 16 \times 4-5$ см. С внутренней стороны к ней примыкала суфа размером $3,5 \times 3,5$ м, края которой обложены половинками сырцо-

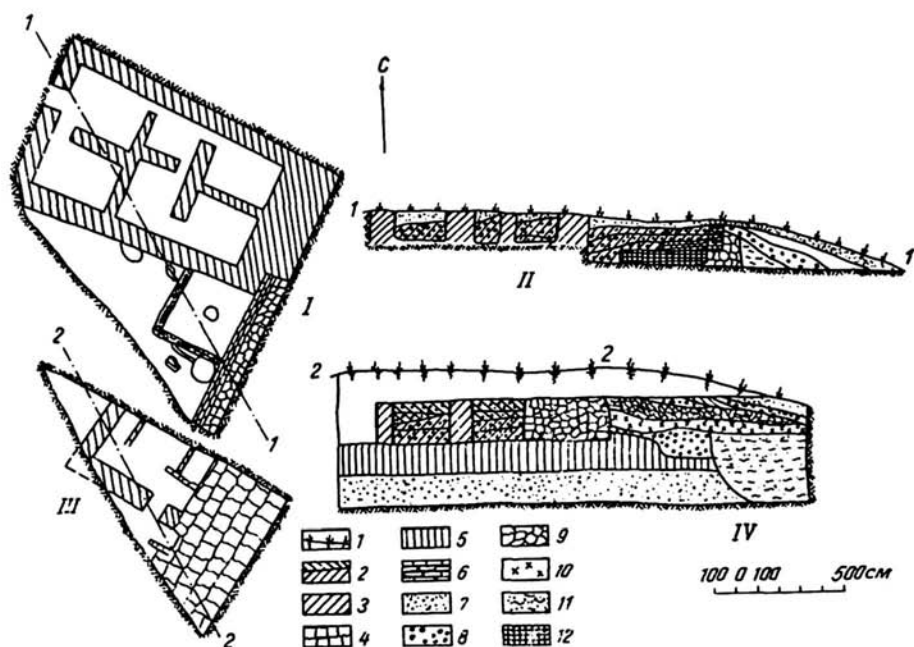

Рис. 4. Раскоп № 3.

I—план раскопа II—VI ярусов; *II*—разрез по линии 1—1; *III*—план раскопа VI—VIII ярусов; *IV*—разрез по линии 2—2. Условные обозначения: 1—дерновый слой; 2—культурный слой; 3—стены; 4—пахсовая стена; 5—лесс с включениями культурного слоя; 6—кирпичная стена; 7—лесс; 8—разрушенный слой сырцового кирпича; 9—разрушенная пахса; 10—плотный завал пахсы, 11—ров, заполненный рыхлым слоем; 12—суфа

вого кирпича. В заполнениях внутри помещений отмечены следы пожара в виде больших скоплений древесного угля, золы. Примечательно наличие здесь большого количества обгоревшей керамики.

Смежное с ним здание, расположенное к северу, вскрыто полностью. В плане оно подпрямоугольное с несколько скошенной юго-восточной частью, общие размеры по внутреннему обмеру $10,5 \times 5,9$ м по северо-западной стороне и 5 м по юго-восточной. Внутри здание разделено тонкими (от 50 до 80 см) перегородками стен из пахсы на шесть подквадратных в плане комнат, сообщающихся между собой проходами шириной 60—90 см. Главный вход в зда-

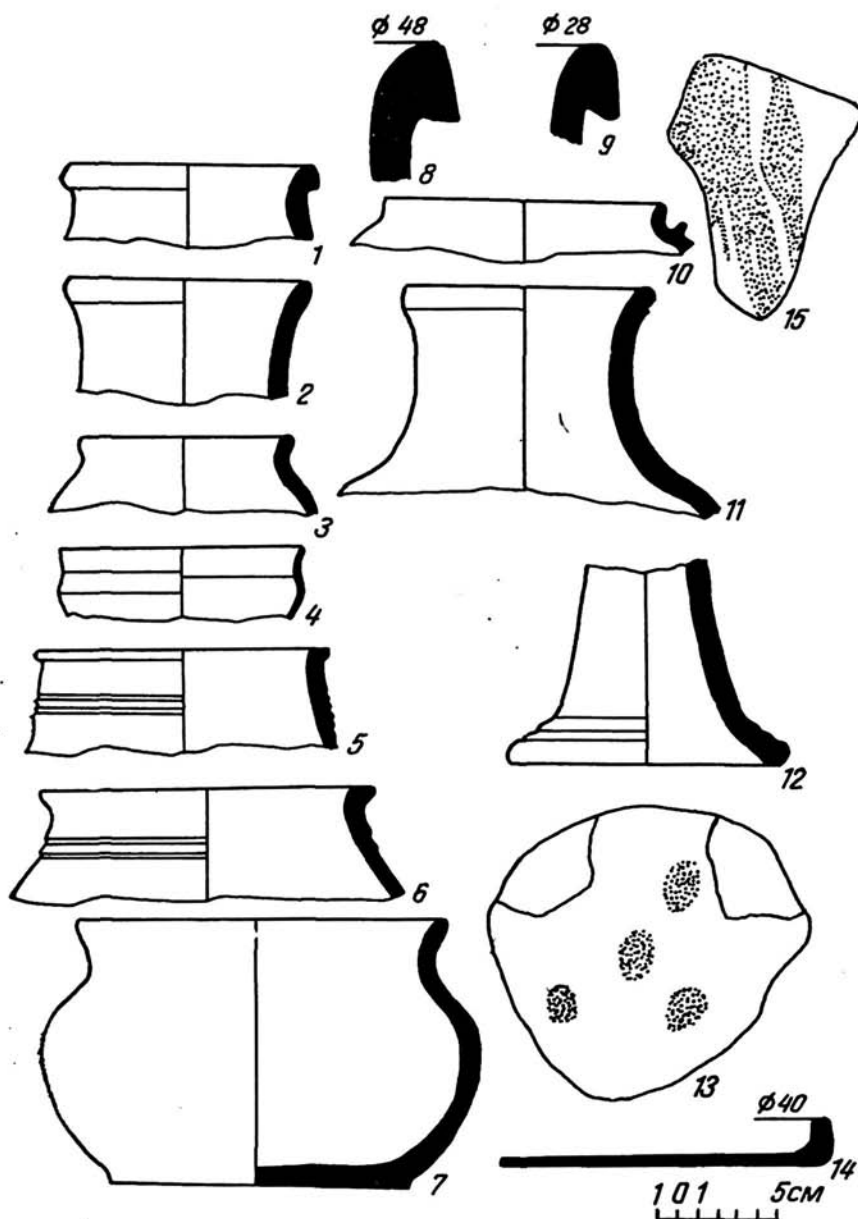

Рис. 5. Неполивная керамика из раскопа № 3 VII–VIII ярусов

ние находился почти в центре северо-западного фаса (рис. 5). Внешние и внутренние стены здания, сложенные из пахсы, сохранились на высоту от 1,5 до 2,1 м.

На основе полученных данных можно говорить о том, что во втором периоде крепостная стена шахристана II, по-видимому, утратила свое непосредственное значение (другой вопрос, полностью или частично), поскольку на ней были построены жилые помещения. Возможно, однако, и то, что вскрытые нами комнаты являлись караульными помещениями. Вопрос о периодах функционирования второй крепостной стены городища Канка остается открытым до производства специальных, больших по масштабам раскопок.

Датировка второго периода определяется по находкам монет и керамическому комплексу. На уровне пола помещения в VI ярусе квадрата Н-10 была найдена караханидская монета 41 (?) г. х. (1019—1029 гг., место чеканки стерто), а в заложённых помещениях в квадрате Л-17 на уровне начала V яруса — медная саманидская монета, чеканенная в 306 г. х. (918—919) в Бинкете от имени Насра б. Ахмада¹⁶. На основании находок этих монет второй период, а вместе с ним и период обживания здания верхнего культурного горизонта укладываются в рамки X — первой половины XI вв.

Разрезы третьей стены. Третья крепостная стена охватывает общую площадь более 140 га. На северо-востоке она продолжает стены шахристана II, а с трех сторон является самостоятельным оборонительным сооружением. Площадь шахристана III, составлявшая, за исключением цитадели и шахристанов I и II, около 100 га, развита с северо-запада на юго-восток и обжита, судя по микрорельефу, неравномерно. Наиболее густо был обжит юго-восточный сектор и отчасти юго-западный. В северо-западной части города оставались значительные малозастроенные территории.

Изучение шахристана III было начато со стратиграфических исследований и раскопок оборонительных сооружений. Последние исследовались раскопками в двух пунктах юго-восточной стены и зачисткой проломов в северо-восточном и северо-западном фасах.

Разрез № 6 был заложен в 45 м от северного угла юго-восточного фаса в наиболее узкой части. Ширина разреза 2 м, длина 20 м, глубина 5,5 м, т. е. ниже прилегающих площадей шахристана и рабада. Большая протяженность разреза была вызвана стремлением проследить стратиграфию на стыке шахристана и рабада.

В свете культурных наслоений можно наметить три основных строительных периода. Наиболее капитальные строительные работы были проведены в первом периоде.

I период. Выявленные на глубине IX яруса остатки русла указывают на существование здесь одного из речных протоков, функционировавших до возведения этой системы крепостных со-

¹⁶ Монеты определены Э. В. Ртвеладзе.

ружений. В период возведения стены русло было засыпано лессом. Затем на естественном стилобате, подрезанном внутри и снаружи, включавшем прослойки лесса, песчаные отложения русла и болотные наслоения, был возведен пахсовый стилобат с шириной по основанию в 8 м. Ширина естественного стилобата составляла 11,4—11,6 м, причем крутизна склона холма больше, чем снаружи. Внутри она составляла 80°, а снаружи, при переходе ко рву, она не превышала 45°.

Уклон основной стены составлял 70—75°. Подобная крутизна затрудняла штурм крепостной стены с помощью лестниц и обеспечивала хороший обстрел противника. Основным строительным компонентом в сооружении стены являлась пахса. Внутри стены выявлен проем, забутованный сырцовым кирпичом размером 56 × 32 × 10—11 и 52 × 28 × 10—11 см; здесь, по всей вероятности, заложена внутрстенная стрелковая галерея, связывавшая между собой выступающие крепостные башни.

II период. Перестает функционировать стрелковая галерея, проводится капитальный ремонт. Отсутствие вещественных находок затрудняет датировку основания стен, но данный период можно отнести к раннесредневековому периоду.

III период строительства был связан с новой эпохой в жизни города. По наслоениям, примыкающим к стенам, прослежен период, во время которого стена находилась в запустении. Позднее на с nivelированной площадке остатков древней крепостной стены была вновь возведена стена из крупных пахсовых блоков. Судя по материалам из прилегающих культурных наслоений, перекрытых завалом стены, последняя функционировала в IX—XI вв.

Более значительных размеров разрез, представивший основной материал для датировки данной линии оборонительных стен, был заложен на южном отрезке этого же фаса в 90 м восточнее южных ворот. Разрез шириной 4 м и длиной 40 м был опущен сквозь стены до материка на глубину XIX яруса (рис. 6).

Весь разрез разбит на 14 квадратов, вертикальная фиксация шла по ярусам. В результате раскопок выявилась очень сложная картина культурных напластований третьего периода функционирования крепостной стены. Описание их дается от нижних слоев к верхним.

В первый период были осуществлены следующие работы. На материковом слое лесса была возведена монолитная платформа шириной 10 м.

Основной массив оборонительной крепостной стены выведен из пахсы с уклоном внешней стороны шириной в основании более 9 м, включая внешний контрфорс; сохранившаяся высота стены 10 м. Стена подвергалась неоднократному ремонту. С юго-западной стороны в XII ярусе к ней примыкали помещения № 1 и 2. Стены помещений сложены из пахсы шириной 1 м. Пол помещения № 1 частично сохранился и был усеян сплошным керамическим боем, который впоследствии собрался в формы. Здесь же бы-

ла очищена свальная яма диаметром 1 м, из которой извлечено большое количество фрагментов керамики и 3 монеты.

Помещение № 1 примыкало к оборонительной стене, а комната № 2 была расположена к юго-западу от нее. Керамический материал в обеих комнатах идентичен.

Со временем эти помещения забутовали, поверхность их была снивелирована, а на новом уровне сооружено очередное помещение № 3 по размерам равное помещениям № 1 и 2 вместе взятым. Помещение № 3 функционировало одновременно с первой крепостной стеной. После ее заброса на руинах первой крепостной стены была возведена вторая крепостная стена шириной 6 м, сложенная из сырцового кирпича размером 50×25×10 см, 52×26×10 см. Фундаментом второй крепостной стены служили очень плотно забутованные помещения № 1, 2 и 3.

Данная стена отмечает второй период сооружения оборонительных стен шахристана III, однако структурные особенности не могут характеризовать ее достаточно подробно, поскольку она сохранилась на высоту лишь немногим более 1 м. Хронологическое ее определение дают материалы помещений № 4 и 5, функционировавших одновременно с этой стеной. Одновременность подтверждается и тем, что стены помещений № 4 и 5 сложены из сырцового кирпича 50×25×10 см, 52×26×10 см.

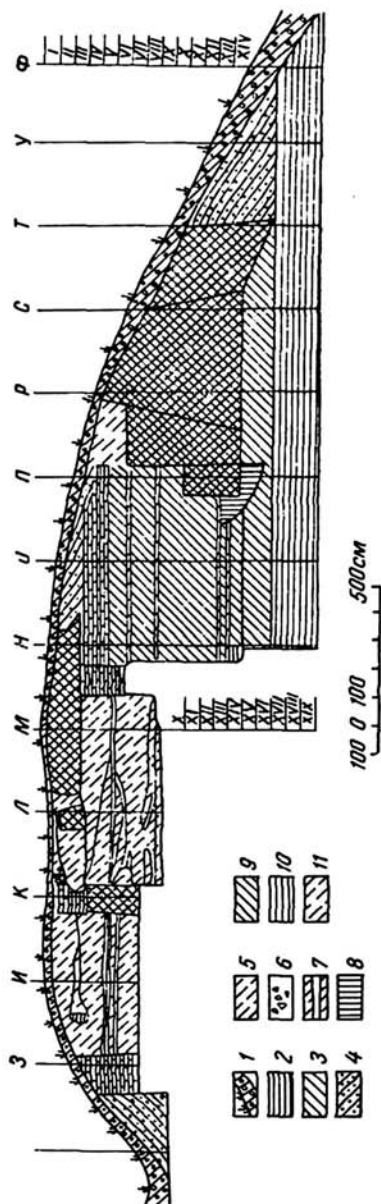

Рис. 6. Разрез № 7 третьей крепостной стены. Условные обозначения:

1—натечно-надувной слой; 2—сырцовый слой; 3—пахса; 4—разрушенный слой (оплыв); 5—культурный слой; 6—скопление керамики; 7—уровень полов; 8—яма; 9—рыжеватый слой с вкраплением туюна; 10—лессовый материал; 11—горелые слои

После нескольких ремонтов помещения и крепостная стена перестали существовать, а затем была возведена последняя крепостная стена из пахсовых блоков. Стена сохранилась в ширину на 6 м, в высоту от 0,5 до 1,5 м.

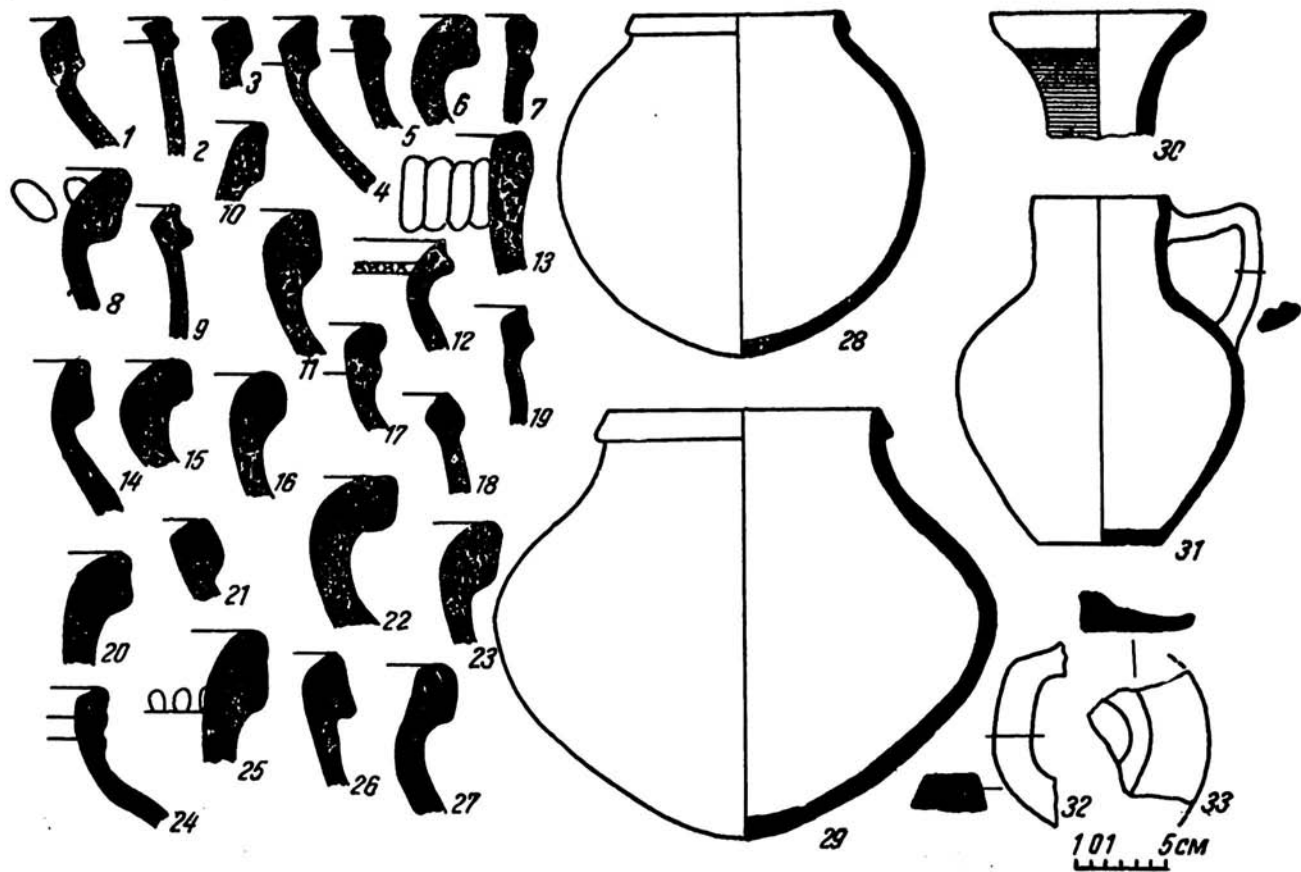
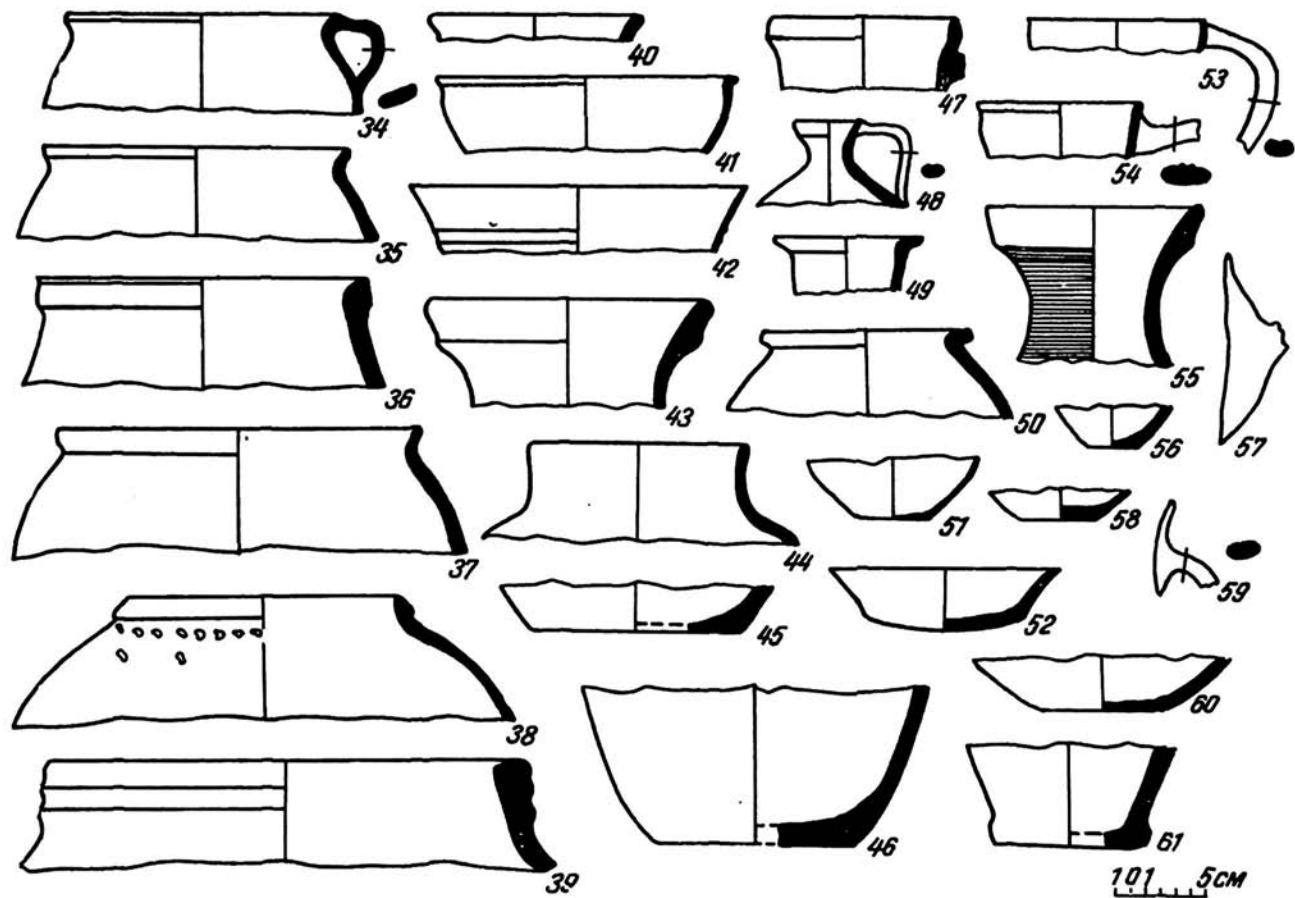
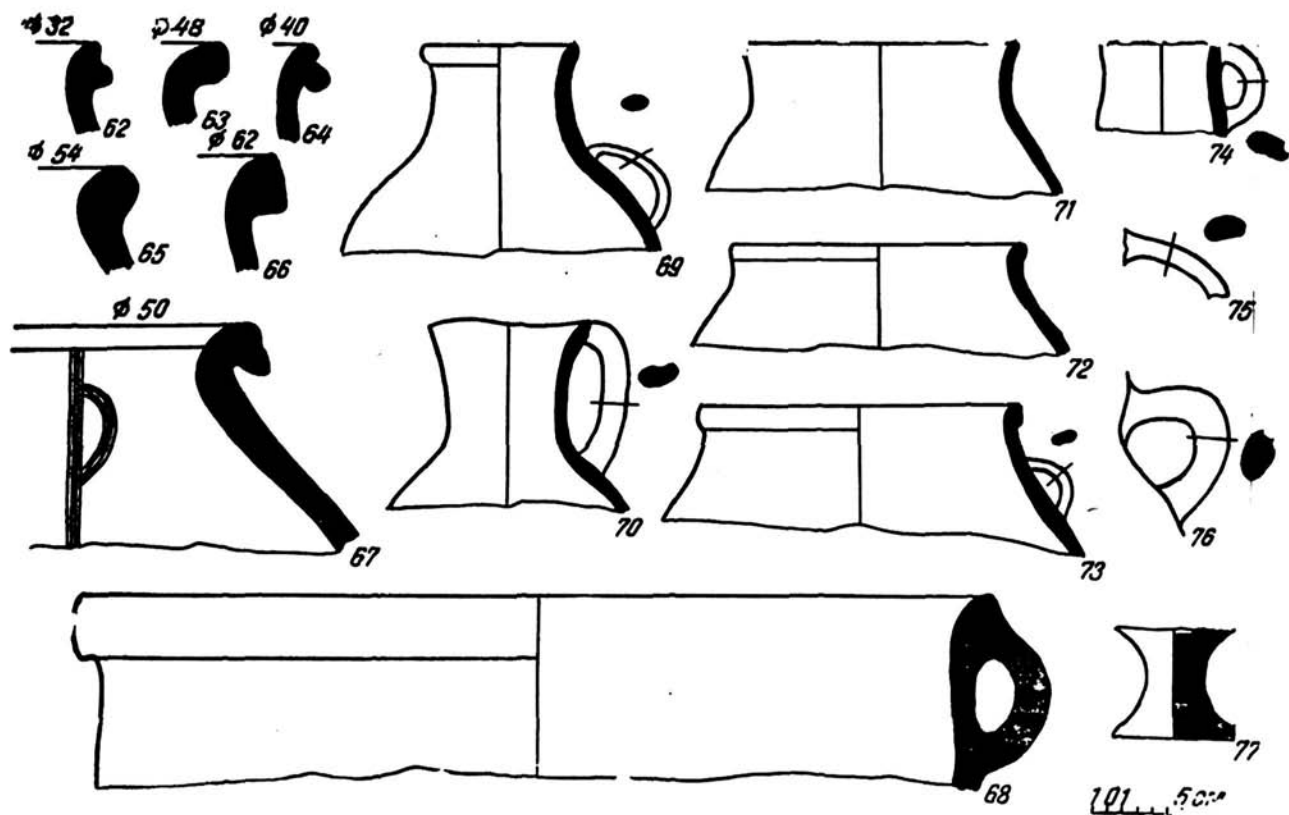

Рис. 7. Комплекс неполивной керамики из разреза № 7

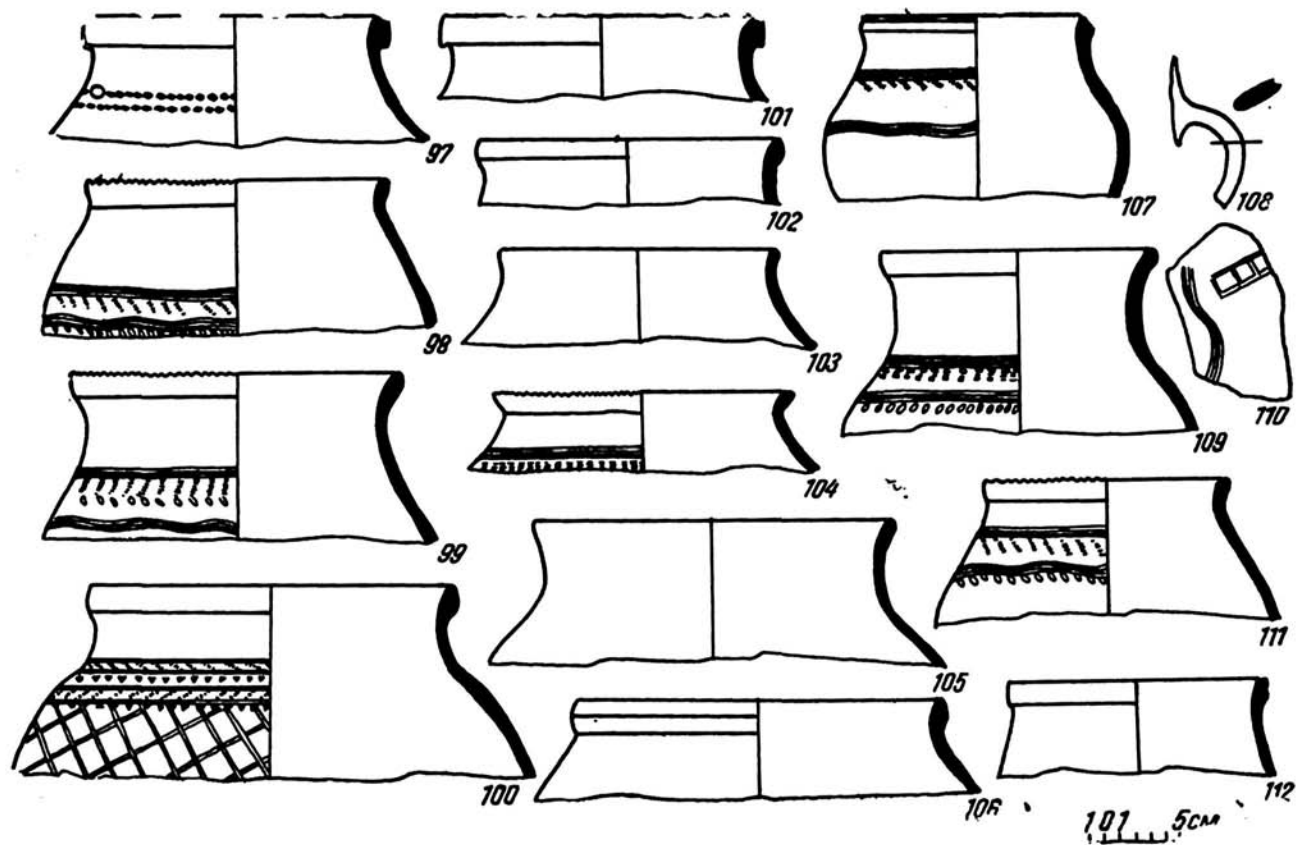
Продолжение рис. 7

Продолжение рис. 7

Продолжение рис. 7

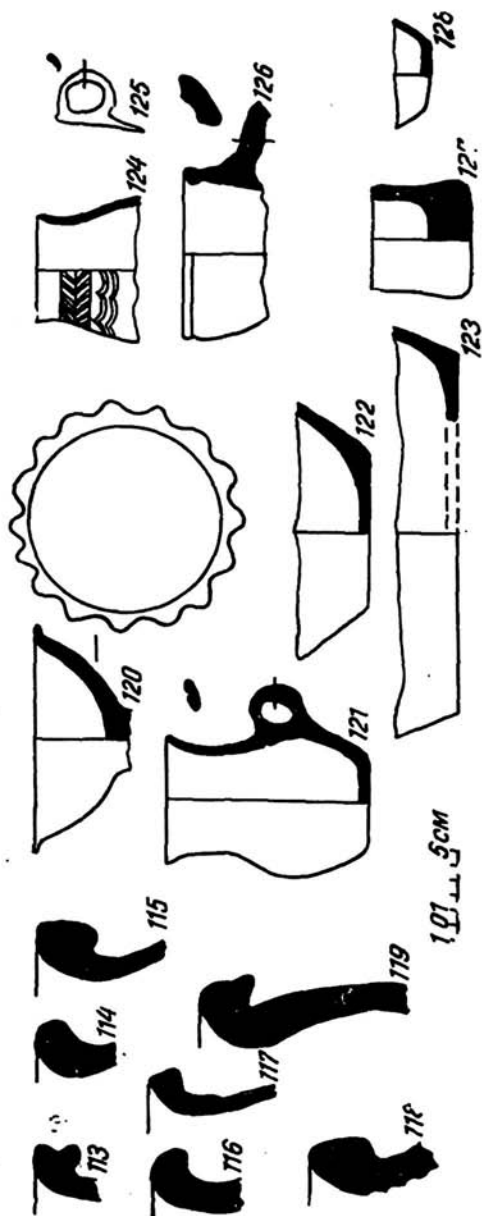
Продолжение рис. 7

Датировка выделенных нами периодов и культурно-историческая оценка полученных материалов определяются керамическим и нумизматическим материалом из помещений № 6 и 7.

Первый период датируется III—IV вв. В помещениях первого периода встречена масса керамических материалов (кувшины, горшки). Изделия грубы, зачастую сделаны от руки. Характерным для этой керамики являются орнаменты по тулову и венчику сосудов (техника «чизма») в виде насечек, простейших геометрических узоров, покрывающих иногда значительную часть тулова сосуда (рис. 7). Аналогичный орнамент отмечен на керамике многих памятников Чача¹⁷ и среднего течения Сырдарьи, где авторы относят подобную керамику к IV—V вв.

Второй период характеризуется комплексом шаровидных котлов (рис. 7, 29, 28), кувшинами с высокой горловиной, ручками, в массовом количестве встречены венчики хумов. Зафиксированы также кувшины с округлым туловом, прямым венчиком и одной ручкой, прикрепленной верхним концом к венчику (рис. 7, 31, 48).

Аналогичный комплекс керамики отмечается Л. М. Левиной на памятнике Шашукумтобе VI—VII вв.¹⁸

Окончание рис. 7

Для керамики третьего периода характерно наличие большого количества глазурованной посуды (рис. 8). Интересны донца сосу-

¹⁷ Л. М. Левина. Керамика Нижней и Средней Сыр-Дарьи..., стр. 159.

¹⁸ Там же, стр. 139, 142, рис. 50, 3, 4, 49.

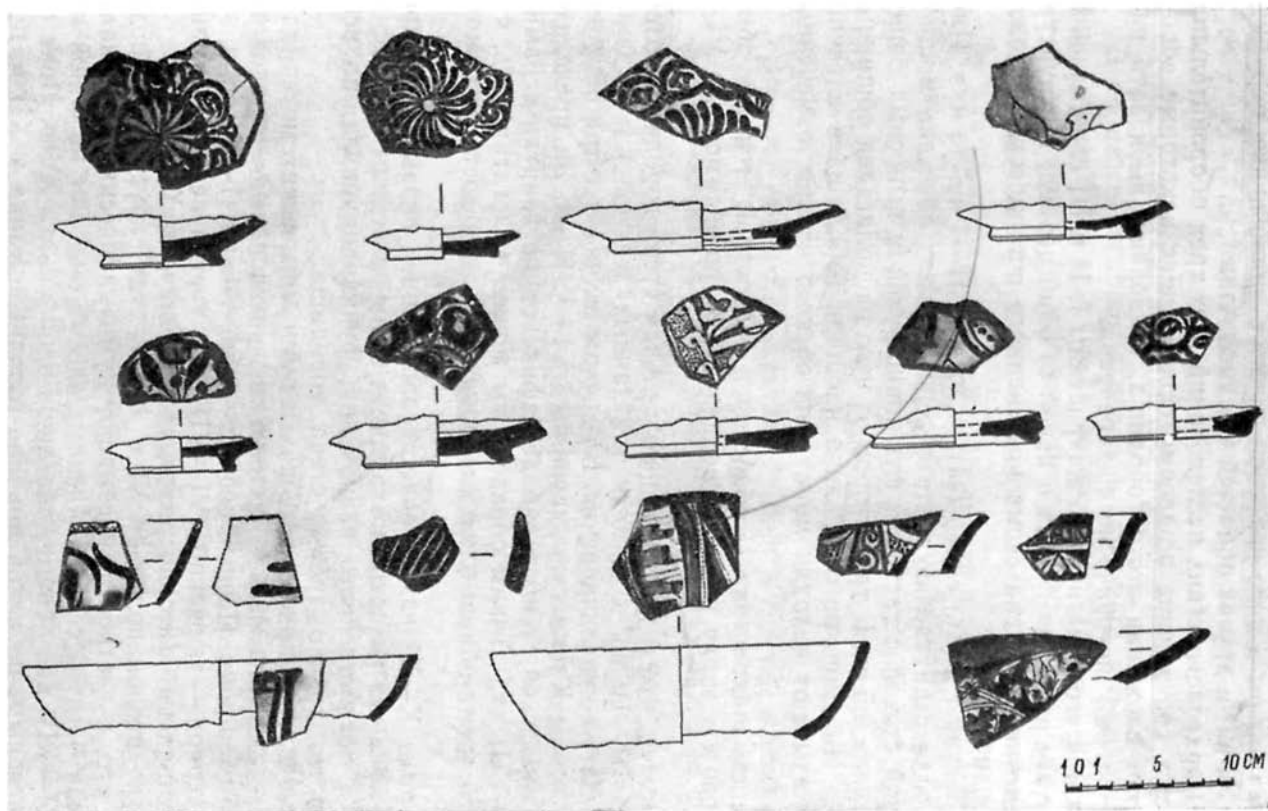

Рис. 8. Комплекс глазурованной керамики из разреза № 7

дов с орнаментом в виде вихревой розетки, аналогичные керамике Бинкета XI в.¹⁹ и других областей Средней Азии²⁰.

Итоги археологических исследований всех трех оборонительных стен Канки, совершенно по-новому освещающие некоторые вопросы истории сложения этого городища, позволяют высказать нам ряд положений исторического характера.

Прежде всего отметим, что шахристаны I, II и III сложились не в результате развития города в какой-то один период; в структуре этого деления отражена схема постепенного исторического сложения городища.

Шахристан I начал складываться уже во II—I вв. до н. э. Площадь города с цитаделью в этот период была обнесена мощной крепостной стеной с системой функционирующих выносных башен и составляла 6,5 га. С трех сторон от него располагался обширный пригород. На широкое обживание площади городища в античное время указывают находки монет кангюйского чекана, отмеченные повсеместно.

Площадь шахристана II обносилась крепостной стеной и обводилась рвом в эпоху раннего средневековья, по-видимому, в VI—VII вв.

Возможно, что и третья оборонительная стена городища возводилась в III—IV вв. н. э., хотя ряд данных указывает и на более раннюю дату ее возникновения. Во всяком случае, все три оборонительные стены Канки существовали в VI—VIII вв. За пределами третьей городской стены в рабаде зафиксирован квартал керамистов VI—VIII вв.²¹ Таким образом, мы можем констатировать, что уже в это время общая площадь городища Канка достигала около 200 га.

В период X—XI вв. отмечается запустение первых двух крепостных стен, на которых в это время были возведены помещения жилого и хозяйственного назначения, функционировала, по всей вероятности, только третья стена городища.

Сопоставление археологических и нумизматических материалов позволяет выделить несколько наиболее интенсивных периодов обживания городища. Первый период — кангюйский (I—IV вв. н. э.), второй период — тюркский (VI—VII вв.), третий период — саманидо-караханидский (вторая половина IX — начало XI вв.).

Уже ко второй половине XI в. отмечается запустение городища. На это, в частности, указывают нумизматические материалы. Так, среди богатой серии найденных здесь монет нет ни одной монеты XII—XIV вв., обнаружена лишь одна монета XV в. Пока остается неясным, по какой причине городище Канка к XII в. при-

¹⁹ Сб. «Древний Ташкент», стр. 97, рис. 27.

²⁰ С. Б. Лунина. Гончарное производство Мерва X — начала XIII веков, Труды ЮТАКЭ, т. XI, Ашхабад, 1966, стр. 270.

²¹ К. Абдуллаев. Квартал керамистов городища Канка, ИМКУ, вып. 11, Ташкент, 1974, стр. 83.

шло в упадок. Было ли это результатом каких-то политических обстоятельств или внутренних процессов — вопрос будущих исследований.

Нумизматические находки с городища Канка²²

В процессе раскопок и сбора подъемного материала на городище Канка было найдено 88 медных монет (рис. 9), которые можно распределить по следующим группам:

Согдийские

Л. ст.: изображение головы правителя в профиль влево с высокой прической, ниспадающей отдельными прядями и подхваченной

диадемой. Об. ст.: в центре тамга в окружении согдийской надписи. 17 экз.

Монеты тюркских правителей Чача с согдийскими надписями (конец VI — начало VIII вв.)

По характеру тамги и особенностям изображения на аверсе различаются 7 типов этих монет:

1. Л. ст.: хищник кошачьей породы, идущий влево. Об. ст.: в центре тамга в окружении согдийской надписи. 7 экз.

2. Л. ст.: полугрудное изображение правителя анфас. Об. ст.: в центре тамга в окружении согдийской надписи. 1 экз.

3. Л. ст.: парное изображение правителя в плоской короне и правительницы в короне с завитками. Об. ст.: в центре тамга

 . Вокруг согдийская надпись. 2 экз.

4. Л. ст.: погрудное изображение правителя анфас в короне с полумесяцем. Об. ст.: в центре тамга . Вокруг согдийская надпись. 2 экз.

²² Приложение составлено К. Абдуллаевым и Э. Ртвеладзе. Дается лишь перечень монетных находок с кратким определением без детальной метрологической и исторической характеристики, что составит предмет специальной статьи.

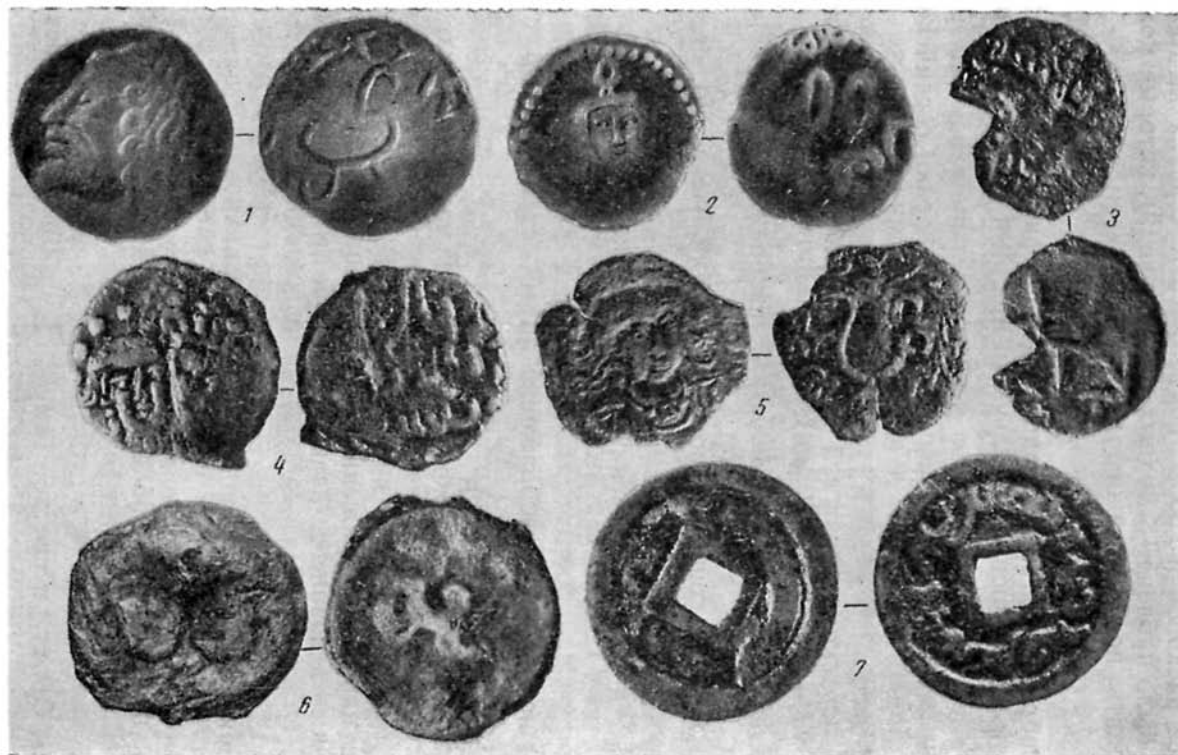

Рис. 9. Монеты доарабского времени с городища Канка

5. Л. ст.: погрудное изображение правителя в зубчатой короне.

Об. ст.: в центре тамга . Вокруг согдийская надпись. 2 экз.

6. Л. ст.: двойная свастика , остальные детали неразли-

чимы. Об. ст.: в центре тамга . 1 экз.

7. Л. ст.: погрудное изображение правителя анфас. Об. ст.: в центре тамга 1 экз.

Неопределенные по облику, схожие с монетами тюркских правителей Чача — 4 экз.

Монеты династии Тан (VII в.) — 1 экз.

Монеты согдийского облика с квадратным отверстием (VII—VIII вв.) — 1 экз.

Монеты тюркешей (VIII в.) — 1 экз.

Аббасидские подражания бухарским драхмам

С именем наместника ал-Махди — не ранее 761 г. — 3 экз.

Аббасиды

1. Гасан б. Абад, Самарканд, год (?) — 1 экз.

2. Фельсы конца VIII — начала IX вв. — 2 экз.

Тахириды

1. Тахир II Абдаллах (844—862), Чач, 241 г. х. (855—856) — 1 экз.

2. То же, 24(?) г. — 2 экз.

3. Тахиридская, неопределенная — 1 экз.

Саманиды

1. Якуб б. Ахмад, Чач, 265 г. х. (878—879).

2. Исмаил б. Ахмад (842—907), город (?), 280 г. х. (893—894) — 1 экз.; Чач, 290 г. х. (902—903) — 1 экз.

3. Наср б. Ахмад (914—943), Бухара 305 г. х. (917—918) — 1 экз.; Ахсикет, 305 г. х. (917—918) — 1 экз.; Бинкет, 306 г. х.

(918—919); Ахсикет 30 (?) г. х.; Ахсикет, 310 г. х. (922—923) — 1 экз. (с именем Мухаммада); Самарканд, 32 (?) г. х. — 1 экз., город (?), год (?) — 3 экз.

4. Нух I б. Наср (943—954), Бухара 32(?) г. х. — 1 экз.; Бухара, 373 г. х. (983—984) — 1 экз.; Бухара, 384 г. х. (994—995) — 1 экз.

Караханиды

1. Наср б. Али (Тигин ал-Джалил), Фергана, 388 г. х. (998) — 1 экз.

2. Ахмад б. Али, город (?), 406 г. х. (1015—1016) — 1 экз.; Чач, 407 г. х. (1016—1017) — 1 экз.; Нукет (?), 410 г. х. (1019—1020) — 1 экз.

3. Мухаммад б. Али (Арслан хан Илек) — Илак, 408 г. х. (1017—1018) — 1 экз.; Фергана, 410 г. х. (1019—1020) — 1 экз.; Хефтдех, 410 г. х. (1019—1020) — 1 экз.

4. С именем халифа Кадир-билляха (991—1031) — 1 экз.

5. Имя правителя стерто, город (?), 41 (?) г. х. — 1 экз.; город (?), 41 (?) г. х., город (?), 4 (??) г. х. — 1 экз.

Неопределенные по облику караханидские — 4 экз.

Тимуриды

Бухара, 832 г. х. (1428—1429) — 1 экз.

А. Р. МУХАМЕДЖАНОВ

О ЗЕМЛЯХ ДРЕВНЕГО ОРОШЕНИЯ БУХАРЫ

На территории Бухарской области выявлены обширные массивы земель древнего орошения и многочисленные археологические памятники, представляющие большую историческую ценность¹.

По историческим и археологическим данным, в древности река Зарафшан в своем нижнем течении, по вступлении на равнину Бухарской области, образовывала три дельты, в которых возникли три оазиса: в верхней дельте — Бухарский, в средней — Маханкульский, в нижней — Каракульский. В средней и нижней дельтах главными протоками были реки Махандарья и Каракульдарья. Махандарья в глубокой древности, прорезав периферию Каракульского оазиса и, образовав на своем пути разливы, затухающие протоки и водоемы, двумя протоками доходила до Амударьи.

Правый проток Махандарьи четырем четко прослеживаемыми теперь глубокими руслами Сулисулат, Иилгинлисулат, Ахурсулат и Айхан впадал в Амударью в окрестностях развалин средневековой крепости Наргизкала, расположенной в 100 км ниже р. Чарджоу.

Левый проток Махандарьи впадал в Амударью в 12 км выше Наргизкалы, в местности Акрабат, образуя 5 коротких дельтовых протоков. Совокупность этих русел и составляет нижнюю дельту Махандарьи. По древнему, ныне сухому, руслу р. Махандарьи найдены остатки более 40 поселений и жилищ неолитических охотников и рыболовов и 13 памятников земледельческо-скотоводческих племен. Заселение и частичное освоение этого района началось

¹ В связи с предстоящим строительством второй очереди Аму-Бухарского канала и намечаемым расширением площади орошаемых земель Бухарской области за счет подачи вод Амударьи, в 1969 г. САНИИРИ и Институтом истории и археологии АН УзССР была организована комплексная экспедиция. Программой экспедиции предусматривалось: установление границ земель древнего орошения, изучение следов и остатков древних ирригационных сооружений и каналов, а также составление археологической карты земель древнего орошения Бухарского оазиса. Работа выполнялась путем дешифровки аэрофотоснимков, топографических карт, следов древних русел и каналов, изучением почвогрунтов, а также полевых археологических исследований местности. В экспедиции участвовали: чл.-корр. АН УзССР Р. А. Алимов (начальник), канд. ист. наук А. Р. Мухамеджанов (зам. начальника), канд. ист. наук Б. В. Андрианов (нач. арх. отряда) и др.

еще в эпоху неолита (IV—III тысячелетие до н. э.) и бронзы (II тысячелетие до н. э.).

Если провести северную границу заселенных в глубокой древности земель древнекаракульского оазиса по сухому руслу Махандарьи, от ее истока, расположенного севернее железнодорожной станции Яккатут, до впадения в Амударью южнее развалин крепости Наргизкала, то она охватит обширную зону аллювиальных

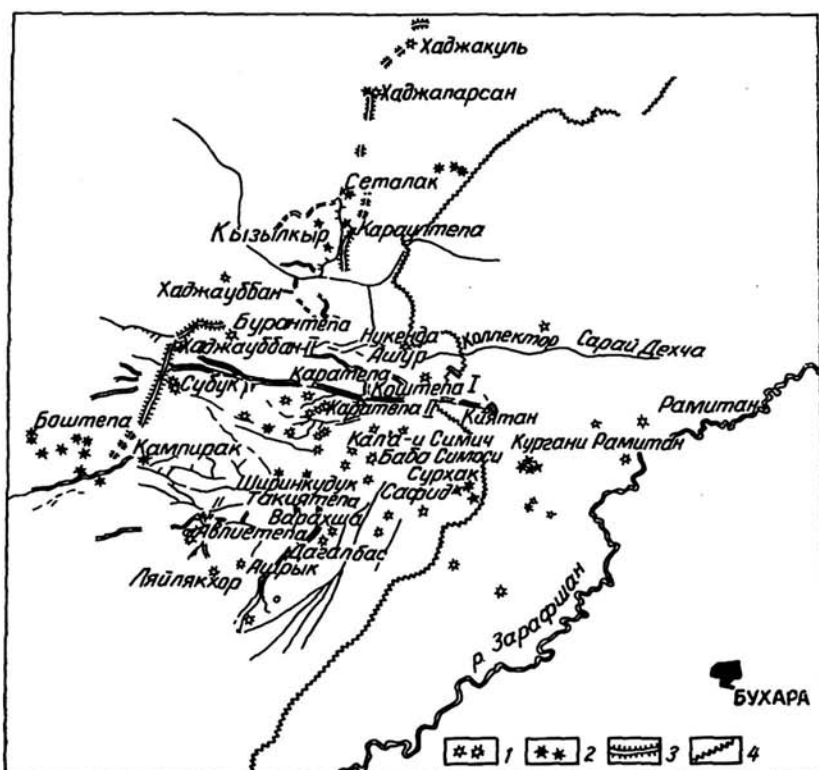

Рис. 1. Схематическая карта земель древнего орошения Бухары

отложений, образовавшихся в результате бесконечных периодических разливов Махандарьи вплоть до середины XX в. Однако орошаемое земледелие в этом районе не получило большого развития, ограничившись территорией современного Каракульского оазиса и ныне пустующими землями древнего орошения Пайкенда, существовавшего в VI—XIII вв.

Бухарский оазис (рис. 1) расположен в верхней дельте Зарафшана, где после вступления на равнину река разветвлялась на два больших русла — Вабкентдарью и Каракульдарью. В древности Вабкентдарья протекала в западном и северо-западном направлении, затем поворачивала на юго-запад и терялась в песках

Кызылкумов, частично подпитывая Махандарью. Воды Каракульдарьи после отбора значительной части их в створе Дуоба (двуречья) в Шахрудскую систему питали Махандарью. До развития орошения в бассейне Зарафшана транзитные пропуски воды по Каракульдарье в Махандарью были большие и, как отмечалось выше, временами воды ее доходили до Амударьи.

По археологическим данным, поливное земледелие в дельте Вабкейтдарьи возникло в I тысячелетии до н. э. и начало развиваться в начале нашей эры.

Древние оросительные каналы, питавшиеся из концевой части указанных русел, уходили вглубь Кызылкумов и подавали воду Зарафшана на территорию земель древнего орошения, расположенных к западу от современной культурной зоны Бухарского оазиса, и окаймляют полосой Свердловский и Рамитанский районы Бухарской области. Полоса эта тянется с юга от небольшого раннесредневекового памятника Дингильтепа на север, до городища VI—XI вв. Хаджакуль. Протяженность ее приблизительно 55 км, а ширина от границы современной культурной зоны достигает от 12 до 35 км в наиболее выдвинутой части. Общая площадь массива земель древнего орошения составляет примерно 100—120 тыс. га.

По рельефу и магистральному питанию эта обширная территория распадается как бы на две части, соответственно чему мы и выделили в ней два участка: южный и северный. Южный расположен к западу от Рамитанского и Свердловского районов Бухарской области. Это район городища Варахша и его окрестностей, хорошо известный по археологическим работам В. А. Шишкина. Северный участок расположен по северо-западной границе Рамитанского района. Это район античного памятника Кызылкыр и раннесредневековых городищ Хаджапарсан, Хаджакуль и др.

Наиболее значительным и изученным является варахшинский участок. Он занимает территорию примерно 35 × 25 км от линии Хазрети Кызбиби — Кал'а-и Симич—Коштепа на востоке до раннесредневекового памятника Акрат на западе, включая окрестности Баштепинской группы античных городищ первых веков н. э. Городище Акрат лежит уже западнее, в 8—9 км от древней оборонительной стены Кампирак, проходящей вблизи укрепленных раннесредневековых поселений Кампирак, Субук и Минора. Около последнего памятника стена Кампирак с северо-востока круто поворачивает к востоку и, огибая городище Бурантепа, теряется в обширном понижении со следами старых русел, озеровидных низин, песчаных гряд, пересеченных современным северо-рамитанским коллектором. Последний может служить условной границей между южным — варахшинским участком и северным — кызылкырским.

По рельефу варахшинский участок представляет собой полого наклонную к западу и юго-западу древнеаллювиальную равнину с выраженными четкими ложбинами и скоплениями песка, с гро-

мадным количеством сильно разрушенных древних и средневековых каналов, полей, сельских и городских поселений. Вся восточная часть на 10—12 км к западу от границ оазиса почти лишена крупных песчаных скоплений. Мощный (1,6—2,9 м) суглинистый агроирригационный слой здесь сильно выветрен. Равнина усеяна причудливыми останцами, такырными площадками с обильными остатками человеческой деятельности в древности и средние века.

Почти вся площадь участка усеяна обломками керамических изделий первых веков н. э., поливной керамики IX—XI вв., а местами XV—XVI вв. Они свидетельствуют о том, что земледельческая деятельность здесь продолжалась с перерывами более тысячи лет. Наиболее обильны находки X—XI вв. Об интенсивности земледельческого освоения и плотности сельского населения в средние века можно судить хотя бы по тому, что на всей территории, прилегающей к современным полям совхозов «Рамитан» и «50 лет Октября», к западу от древнего центра Бухарского оазиса Кургани-Рамитана, можно насчитать более 70 крупных археологических памятников, нижние слои которых уходят в первые века до н. э., а верхние датируются IX—XI вв. Многие из них—Рамушитапа, Тали-Сурхак, Тали-Сафид, Кал'а-и Симич и другие были отмечены В. А. Шишкиным в его книге о Варахше².

Территория западнее линии Дагалбас — Каратепа на топографических картах показана как район тяжелых сплошных песков. Однако это не соответствует действительности. Здесь лучше, чем на востоке сохранилась такырная поверхность средневековых полей, лишь местами такыры перекрыты песчаными наносами. Вся территория к северу и югу от городища Варахша покрыта высоким (до 3—4 м) саксаульником, выросшим за последние 20—25 лет. На аэрофотосхемах 1947 г. саксаульник отсутствует и хорошо заметны незакрепленные барханы.

Далее к западу от Варахши открытые такырные пространства постепенно сменяются тяжелыми, закрепленными саксаульником, песками. Западнее раннесредневекового памятника Кампирак встречаются лишь отдельные изолированные островки сильно разрушенных такырных поверхностей, сохранивших следы земледелия и поселений античного времени. Примерно такая же картина прослеживается и к югу от Варахши, где в окрестностях Ляйлякхора и особенно у Хаджа-хатин были выявлены античные поселения рубежа нашей эры и отдельные участки полей этого времени. К северу от Варахши тяжелые пески начинаются в окрестностях Бурантепа и ограничивают Варахшинский участок вплоть до Хаджа-уббана и низины с коллектором.

Древние оросительные системы варахшинского участка сохранились в большинстве случаев очень плохо. В Хорезме илистые наносы амударьинской воды одели в такырный панцирь древние поля и каналы, поэтому они хорошо сохранились. Но в Бухарском

² В. А. Шишкин. Варахша, М., 1963, стр. 127—132.

оазисе песчанистые наносы притоков Зарафшана оказались менее устойчивыми к атмосферным процессам. Такыры разрушены и лишь слабые следы на местности, более четко прослеживаемые по снимкам, дают нам основание судить о направлении и конфигурации древних и средневековых оросительных систем.

На аэрофотосъемках удовлетворительно прослеживается сухое русло одного из древних притоков Зарафшана шириной от 40 до 60 м. В 3 км к северо-востоку от Варахши русло широтного направления, на котором расположен колодец Ширин-кудук с пресной водой, дает ответвление на юг в виде мощной гряды песков и проходит в 2 км восточнее, постепенно приобретая юго-западное направление. Широтное русло, напротив, выражено ложбиной. В 4 км к западу от Варахши оно приобретает юго-западное направление и теряется в тяжелых барханных песках.

Наиболее древние каналы, датируемые подъемной керамикой первыми веками н. э., брали свое начало именно в этих руслах. Нами были выявлены отдельные звенья мощных оросительных систем к западу от Варахши. Широтный канал на поиске № 28 имел ширину между сохранившимися валами до 20 м. Он прослежен на протяжении 1 км. Южный береговой отвал этого канала сильно разрушен, по нему проведен узкий средневековой ороситель. Лучше сохранились северные береговые отвалы на высоте до 1,2 м.

Другой канал имел меридианальное направление, на аэрофотосъемках четко прослеживаются два подводющих канала. На берегу русла заметны небольшие понижения, усеянные античной керамикой. В 500 м от русла сохранился сильно разрушенный плоский вал — днище магистрального канала общей шириной до 30 м. Следы этого канала идут в направлении Ляйлякхор. От канала отходят редкие прямоугольные ответвления, рядом — остатки разветвленных сельских поселений рубежа н. э. В окрестностях заметны следы неоднократных переустройств оросительных систем. Заметны попытки перенести головные сооружения канала выше по течению.

Более узкие и более поздние ложа пересекают широкий канал (поиск № 33), идущий с севера на юг. Каналы были прослежены на 3 км. В окрестностях Ляйлякхора, городища с керамикой IX—XI вв., были встречены остатки значительных неукрепленных сельских поселений первых веков н. э.

Значительные участки земель древнего орошения этого времени были зафиксированы в низовьях мощной системы, имеющей юго-западное направление вдоль естественного русла к востоку от Варахши. Этот канал прослежен по аэрофотосъемкам и на местности на протяжении 12 км. В северной части магистральный канал сильно разрушен и в окрестностях Хандактепа (поиск № 42) выражен лишь цветом почвы (более темной и песчанистой) и микро-рельефом. Южнее на высоте до 1,5 м сохранились остатки береговых отвалов 12-метрового ложа, проложенного по разрушенному

античному каналу. Последний, судя по мощному 40-метровому валу, был значительно шире.

Первоначально, в первые века н. э., канал начинался в русле, видимо, в 4—5 км севернее античного городища Хаджа-хатин; в окрестностях этого памятника находится своеобразный тройник, который начинался в 1,2 км к северу от городища. Вся местность к западу и югу усеяна античной керамикой (поиск № 44); заметны следы разрушенных арыков и полей. В первых веках н. э., в эпоху расцвета земледельческой деятельности на варахшинских такырах, многочисленные укрепленные поселения между Ходжа-хатином и Хандактепа орошались магистральным каналом, выведенным из варахшинского русла значительно выше по течению. Впоследствии вся система приобрела разветвленный характер. Эта система функционировала и в X—XI вв., снабжая водой через мощное боковое ответвление окрестности Варахши. Такая картина ирригационной системы окрестностей Варахши вполне соответствует сообщению бухарского историка X в. Мухаммада Наршахи о том, что в Раджфандуне или Варахше было 12 оросительных каналов³.

Сохранившиеся на открытых от саксаула такырных пространствах остатки полей, мелкая арычная сеть и поселения, которые хорошо датируются исследованиями В. А. Шишкина на Варахше X—XI вв., дают возможность выявить по снимкам и на местности топографию и составить детальный план оросительных систем района Варахши.

В. А. Шишкин, давший в своем фундаментальном исследовании основные хронологические этапы жизни земледельческой округи Варахши, справедливо связывает запустение этих мест в начале XII в. с социально-экономическими потрясениями феодальной эпохи⁴. Он ссылается на сообщения Наршахи, в частности переводчика и редактора книги Наршахи Абу Насра Ахмеда Кубави, о том, что земли пустовали. Абу Наср Ахмед Кубави сообщил, что в его время (1128 г.) «земли кошки муган⁵ были настолько дешевы, что их отдавали даром, и никто не хотел брать. Кто и купил землю, она у него оставалась пустой вследствие насилий и жестокостей, которые приходилось переносить подданным»⁶.

Раскопки В. А. Нильсена на небольшом тепе Тали-Гуза, расположенном в 2 км к северо-востоку от Варахши, также подтверждают основные выводы В. А. Шишкина.

Тали-Гуза возникло на рубеже н. э. В IV—V вв. это укрепленное поселение испытало ряд крупных разрушений, сопровождавшихся пожарами. По мнению археологов, пришло в упадок не

³ Абу Бакр Мухаммад ибн Жафар Наршахи. Бухоро тарихи, Тошкент, 1966, стр. 24.

⁴ В. А. Шишкин. Варахша, стр. 243.

⁵ Земли «кошки муган» находились вблизи г. Бухары и считались самыми лучшими орошаемыми земельными угодиями Бухары, поэтому в эпоху Наршахи они ценились высоко. См.: Наршахи, стр. 34.

⁶ Наршахи, стр. 34.

только поселение, но и оросительные каналы. В. А. Нильсен ссылается при этом на находки семян засухоустойчивых зерновых и масличных культур в слое VI в., а также эолового наноса песка, покрывавшего развалины⁷. После некоторого перерыва жизнь на Тали-Гуза возобновилась и существовала вплоть до VIII в. Керамический материал из раскопок справедливо сопоставляется В. А. Нильсеном с афригидской посудой VII—VIII вв. На городище отсутствует характерная керамика IX—XI вв. Но она встречается на окрестных такырах, где запустение началось после XI в.

Кризисное состояние в первую очередь определялось на хвостовых частях оросительных систем, где поддержание в порядке сети было делом особенно трудным. И вся ирригационная система Варахши, начальные истоки которой, по-видимому, были расположены примерно в 2 км к северо-западу от городища Кургани-Рамитан, оказалась запустевшей.

Кратковременное оживление земледельческой деятельности на некоторых участках окрестностей Варахши следует отнести к концу XIV—XV вв., к периоду нового подъема земледелия в Средней Азии. Об этом свидетельствуют находки так называемой кашинной керамики, встречающейся к востоку от Варахши по линии Кал'а-и Симич — Баба-и Симаси — Хазрати-Кизбиби — Дингильтепа, примыкающей полосой примерно 5—6 × 30 км к орошаемой зоне Свердловского и Рамитанского районов.

Археологический материал последнего периода жизни исследуемого района в какой-то мере подтверждается отрывочными данными письменных источников XVI в. Так, по данным автора XVI в. Бадриддина Кашмири, в 1577 г. крупным духовным феодалом Бухары Ходжа Саадом был прорыт отвод из канала Рамитан и орошены пустынные земли в окрестностях селения Сувиндж⁸.

Таким образом, археологическое исследование района Варахши показало, что наиболее широкое освоение участка осуществлялось в первых веках н. э., а в IX—XI вв. ирригационные системы этого района достигли своего территориального максимума.

Картирование отдельных участков варахшинских такыров позволяет с помощью аэрофотосъемок выявить историческую смену типов оросительных систем. Небольшие по общей площади командования, но очень широкие (до 20 м) античные каналы рубежа н. э. имели редкие подпрямоугольные ответвления, следуя естественными протоками и повторяя их изгибы.

В регулировании паводковых речных вод человек следовал природе. Так, античная система у Ходжа-хатин с характерным тройным разветвлением напоминала естественную дельту. Длина ма-

⁷ В. А. Нильсен. Материалы из раскопок на Тали-Гуза, Труды ИИА АН УзССР, вып. VIII, «Археологические исследования на городище Варахша и в Бухарском оазисе в 1947—1953 гг.», Ташкент, 1956, стр. 239.

⁸ Бадриддин Кашмири. Равзат-ар-рузван ва хадикат ал-гилман, Рукопись Института востоковедения АН УзССР, инв. № 2094, л. 303а.

гистральных каналов в окрестностях Варахши, по-видимому, не превышала 5—7 км.

Позднеантичные и раннесредневековые системы отмечались более значительной протяженностью. Возможно, что уже в это время, время строительства роскошного дворца бухархудатов Варахши (V—VI вв.), была создана обширная оросительная система, бравшая свое начало из южного притока Вабкентдарьи, вблизи городища Кургани-Рамитан.

Многочисленные археологические памятники, датируемые от рубежа н. э. вплоть до конца XVI в., за исключением XIII и первой

Рис. 2. Следы канала IX—X вв. в районе Каратепе

половины XIV в., свидетельствуют о непрерывной жизни этого крупного центра древнебухарского оазиса. Он занимал ключевое положение у истоков варахшинской системы и у начала системы мощного магистрального канала, прослеженного по карте в окрестностях Киятан до Коштепа, где на местности и на аэрофото-съемках заметны остатки канала вплоть до городища Субук. Магистральный канал имел в раннем средневековье протяженность до 30 км. Профиль в Каратепе выявил береговые отвалы, сохранившиеся в высоту до 1 м (рис. 2). Расстояние между отвалами до 11 м. Бурением на этом участке до глубины 5 м обнаружен мощный суглинистый слой толщиной 1,65 м, под ним — слой песка, переслаивающийся с суглинком; на глубине 2,2 м вновь появляются суглинистые арычные отложения (рис. 3), на глубине 2,9 м они сменяются супесчаными.

Таким образом, можно говорить как бы о двух главных этапах

жизни магистрального канала. Первый — древний, датируемый античными городищами Коштепа 2, Каратепа 2 и нижними слоями Субука рубежом н. э. Второй — раннесредневековый. Сохранившаяся часть — к югу от Бурантепа, ширина магистрального канала (поиск № 19) 9 м. Бергговые отвалы шириной до 9 м и высотой до 1,2 м сохранились здесь значительно лучше, чем в окрестностях Каратепа 2. К северу от Субуктепа магистральный канал выражен 12-метровым понижением; береговые отвалы его шириной 9 м сохранились в высоту на 1—1,2 м. Днище канала усеяно раннесредневековой керамикой.

Система в целом напоминает своей топографией кушанские и афригидские каналы Хорезма, в частности Кырккызский, афри-

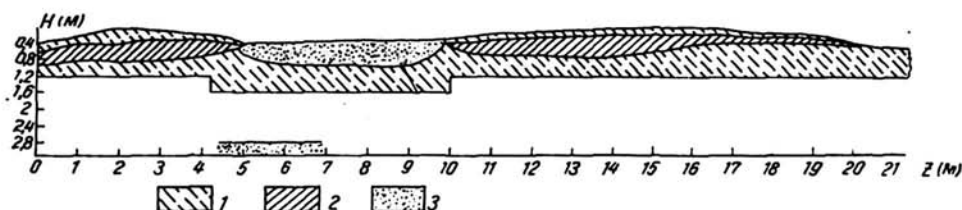

Рис. 3. Разрез канала IX—X вв. в районе Каратепа.

Условные обозначения: 1—суглинок; 2—глина; 3—песок

гидское ложе которого также имеет около 9 м ширины между валами и протяженность до 40 км. Орошаемая зона, как и у Кырккызского канала, вытянута вдоль магистрального канала узкой полосой, что характерно для позднеантичных систем орошения Хорезма. Уклоны этого канала, судя по топографической карте, достигали 50 см на 1 км (5 м на 10 км между Каратепа 2 и Субуком).

Правое ответвление канала в окрестностях Коштепа 2 имело ширину между валами 7 м (рис. 4). Заложенная на этом участке траншея выявила 8-метровую песчаную линзу, в верхней части которой заметна суглинистая прослойка. Под верхней такырной коркой был найден череп и остатки разрушенных костей. В нижней части линзы обнаружены обломки посуды, которая, судя по тесту, должна быть отнесена к античному времени. На береговых отвалах преобладают обломки керамики IX—XI вв.

К югу от Коштепа 2 встречены распаханные в раннем средневековье античные поселения (поиски № 16 и 17), в которых преобладающая часть археологического материала, лежащего на поверхности такыра, состоит из обломков крупных хумов, бокаловидных сосудов на ножке и других видов керамики, характерной для памятников кызылкырской и баштепинской групп.

Итак, путем дешифровки аэрофотосъемок и наземных археологических маршрутов выяснено направление двух древних магистральных каналов или двух крупных разветвлений одного канала,

орошавшего древневарахшинский район, которые хорошо подчеркиваются двумя линиями, расположенными цепочкой вдоль мощных тепа: северное от Киятана до Коштепа, Каратепа и Субука; южное — от тепа Музаффар на Сурхак, Тали-Сафид, Кематепа, Тали-Гуза в окрестностях Варахши, от Хандыктепа до Ашурака, Хаджа-хатин и Ляйляхора.

Общая площадь командования древневарахшинской системы достигала в первых веках н. э. примерно 60—80 тыс. га, а в X—

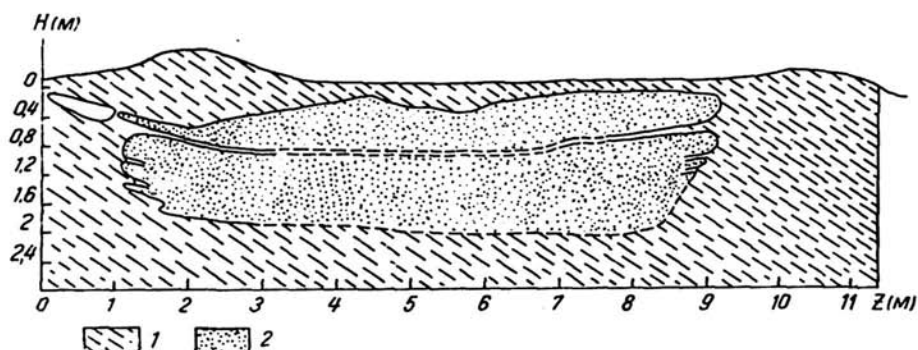

Рис. 4. Разрез раннесредневекового канала в районе Коштепе.

Условные обозначение: 1—суглинок; 2—песок

XI вв. до 100 тыс. га. В XV—XVI вв. в этом районе было освоено не больше 15—18 тыс. га.

Современное состояние земель древнего орошения варахшинского участка позволяет нам сделать вывод о том, что восточная часть древневарахшинского оазиса вполне пригодна для первоочередного освоения. Путем удлинения существующих Рамитанских и Хайрабаддарьинских систем она легко может быть введена в эксплуатацию. Мало пригодна лишь западная часть — участки к западу от древней оборонительной стены Кампирак и к юго-западу от городища Кампирак, а также северные участки в окрестностях Хаджа-уббана, где тяжелые пески покрыты саксаульной гущей.

Кызылкырско-хаджакульский участок земель древнего орошения лежит к северу от севернорамитанского коллектора, который занимает территорию примерно 15×25 км с общей площадью 20—25 тыс. га. Граница земель древнего орошения в этом районе проходит в 3—4 км к западу от древней оборонительной стены Кампирак, идущей в виде мощного меридианального вала между городищами Кызылкыр III, Караултепа, Сеталак, Хаджапарсан и Хаджакультепа.

В отличие от варахшинского участка северный район представляет собой почти лишенную саксаульных зарослей равнину с участками, покрытыми песком и мелкой галькой. Мощность суглинистых агроирригационных отложений здесь менее значительна. На больших площадках верхний такырный щит разрушен на глубину

до 1 м. Местами сохранились лишь остатки глинистых днищ древних оросительных каналов, тепа — укрепленные поселения, возвышающиеся на 3—8 м, и валы Кампирак. Следы земледельческих поселений в виде скопления античной и средневековой керамики встречаются и за пределами стены VIII—IX вв., по крайней мере на 3—4 км.

Наиболее древние каналы, датируемые керамикой кызылкырского типа, были выявлены на местности как к югу от Кызылкыра, так и к северу от него. Канал, орошавший окрестности Кызылкы-

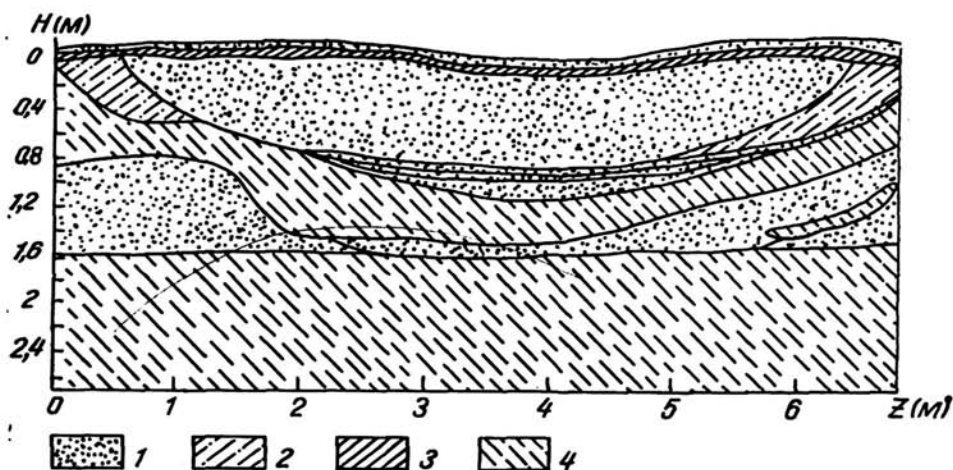

Рис. 5. Разрез античного канала в районе Кызылкыра.

Условные обозначения: 1—песок; 2—супесь; 3—такырная корка; 4—суглинок

ра I, II, III и Сеталака I брал свое начало из небольшого 70-метрового русла, четко выраженного ложбиной в окрестностях городища Сеталак. Магистральный канал сохранился очень плохо, но удовлетворительно дешифруется на аэрофотосъемках. Среди такырных поверхностей заметна полоса песчанистых арычных отложений, поросшая местами верблюжьей колючкой и биюргуном. Общая ширина канала до 20 м. На боковом ответвлении канала в 1,5 км к югу от Кызылкыра была заложена траншея (поиск № 5).

Ширина между береговыми бортами 6 м (рис. 5). На поверхности такырная корка разрушена, прикрыта слоем эолового песка. Поэтому с обеих сторон зафиксированы супесчаные отложения в виде слоя, выклинивающего книзу линзу, заполняющие тяжелые суглиняковые отложения на глубину до 80 см. На самом дне обнаружен фрагмент маловыразительной, по-видимому, античной керамики. Суглинястые отложения подстилаются прослоями песка и супеси. Эти прослойки выложены в суглинястые отложения мощностью в 30—40 см. Нижняя граница этого слоя неровная. Суглинок подстилается крупнозернистым желтоватым песком с прослоями галечника и линзами суглинка.

Начальные этапы функционирования канала связаны с быстро текущими водами. Истоки системы, вероятно, были недалеко. Су-песчаные отложения по бортам образовались при очистке канала в более позднее время, когда процветали укрепленные поселения Кызылкыр I, II и III. Гибель Кызылкырского оазиса, по-видимому, следует связать с осушением нижних протоков Вабкентдарьи.

Головные части небольшого, шириной 8 м канала были открыты также и к северу от Кызылкыра в окрестностях раннесредневекового городища Ертепа. Естественное русло шириной в 25—30 м выражено ложбиной. Канал имел меридианальное направление и был прослежен на 300 м к югу. Дно его усеяно мелкими фрагментами керамики кызылкырского облика и обломками плоских зернотерок.

Выявленные древние сухие русла в окрестностях Кызылкыра являются дельтовыми протоками Вабкентдарьи и свидетельствуют о естественном происхождении последней, о чем было указано еще в X в. в книге Наршахи. При перечислении главных каналов Бухарского оазиса, Наршахи пишет, что «все каналы (Бухары) выкопаны людьми, кроме Аухитфера (Вабкентдарьи), которую прорыла сама река без труда людей»⁹. Все это подтверждает вывод Я. Г. Гулямова о том, что воды дельтового протока Зарафшана — Вабкентдарьи затопляли районы Варахши, шурчинского участка, Кызылкыра и Хаджа-уббана¹⁰.

Следует оговориться, что при изучении на значительной части кызылкырско-хаджакульского участка земель древнего орошения не были проведены аэрофотосъемки. Отсутствие планового аэрофотосъемочного материала не позволило нам картировать здесь древние оросительные системы. Поэтому мы ограничились только маршрутными археологическими исследованиями, выявляя лишь контуры земель древнего орошения в этом районе.

Археологические исследования кызылкырско-хаджакульского участка земель древнего орошения показали, что зона античного орошения была шире средневековой зоны, ограниченной оборонительной стеной Кампирака. Граница ее проходит в 3—4 км к западу от сохранившегося вала древней стены. Об этом свидетельствуют укрепленные поселения Кызылкыр I, II, III, Сеталак, Нартепа и другие, расположенные за Кампираком, а также отдельные скопления античной керамики в окрестностях городищ Сеталак, Нартепа к западу от Хаджапарсана и к северу от Хаджакультепа.

В IX—XI вв. орошаемая зона кызылкырско-хаджакульского участка, как было отмечено выше, ограничивались в пределах Кампирака. А в XV—XVI вв. была орошена только северная часть этого района, т. е. окрестности раннесредневековых городищ Хаджапарсан и Хаджакуль. Археологический материал последнего

⁹ Наршахи, стр. 35.

¹⁰ Я. Г. Гулямов, У. Исламов, А. Аскарлов. Первобытная культура и возникновение орошаемого земледелия в низовьях Зарафшана, Ташкент, 1966, стр. 9.

периода освоения этого района подтверждается некоторыми данными из письменных первоисточников. Так, по данным Бадриддина Кашмири, в 1560 г. по поручению джуйбарского шейха Ходжа Ислама некий Абрарходжа Касым Шадури прорыл канал через р. Кухак (Зарафшан) и провел его через селение Афшана в безводную степь; были возделаны пустынные земли, куда вода не подступала со времен Исмаила Самани (874—907)¹¹.

Таким образом, археологические исследования кызылкырско-хаджакульского участка земель древнего орошения показали, что в первых веках н. э. ирригационное освоение в этом районе достигло примерно 20—25 тыс. га. В IX—XI вв. орошалось не более 15—18 тыс. га, а в XVI в. площадь орошаемой земли не превышала 5—6 тыс. га. Следует подчеркнуть, что кызылкырско-хаджакульский участок особенно перспективен для современного освоения, ибо почти лишен тяжелых барханных песков и других естественных преград.

Составлена ирригационная карта земель древнего орошения западной части Бухарского оазиса, подготовлено 6 поперечных профилей остатков древних и раннесредневековых ирригационных каналов и проведен анализ почв отдельных участков.

В заключение следует осветить некоторые общие вопросы древней гидрографии низовьев Зарафшана, панорама которой постепенно все более и более четко вырисовывается благодаря комплексному изучению земель древнего орошения Бухары. Исследованиями 1969 г. было установлено, что в древности Вабкентдарья в районе, где берет свое начало Рамитанский канал, разветвлялась на два рукава, один из них шел на северо-запад и, не доходя до Хаджапарсана, круто поворачивал на юго-запад и через районы Кызылкыр, Хаджа-уббан и Баштепа направлялся в сторону Акрабата. Второй проток шел на юго-запад и, затопляя окрестности Варахши, доходил до Махандарьи. По всей вероятности, оба протока доходили до Махандарьи и подпитывали ее, а вода последней доходила до Амударьи.

Выявленные по аэрофотосъемкам русла дельтовых протоков Вабкентдарьи и древние каналы свидетельствуют о том, что освоение западной части Бухарского оазиса осуществлялось по этим древним дельтовым протокам. Система орошения окрестностей Варахши была связана с южным, а система орошения кызылкырско-хаджакульского района — с восточным рукавами Вабкентдарьи.

Естественно-природные условия западной части Бухарского оазиса были благоприятными для обитания первобытных охотников и рыболовов, поэтому заселение этой части оазиса началось еще в каменном веке, о чем ярко свидетельствуют кремневые орудия неолитического облика, найденные в 2—3 км к юго-западу от Варахши и на неолитической стоянке близ Кызылкры.

¹¹ Бадриддин Кашмири, л. 302б.

Изучение почв показало, что в мелиоративном отношении этот район также оказался самым лучшим в оазисе, благодаря чему ирригационное освоение этого района началось еще с конца II тысячелетия до н. э. На это указывают отдельные бронзовые и керамические находки бронзового века в окрестностях Варахши, Баба-симаси, Ляйлякхора, Кызылкыра, а также погребение конца II тысячелетия под городищем Кызылкыр I. Однако наиболее интенсивное освоение началось во второй половине I тысячелетия до н. э.

Исходя из приведенного выше материала полевых и археологических исследований 1969 г. можно прийти к выводам о том, что р. Зарафшан по выходе на Бухарскую равнину в районе Ташрабата, ниже обрыва Абумуслим разветвляется не несколько русел. Главные из них — Вабкентдарья, Махандарья и Каракульдарья образовали обширную дельту Зарафшана, где были сооружены первые ирригационные системы Бухарского оазиса и началось развитие орошаемого земледелия.

Ирригация этого района достигла наибольшего расцвета в первых веках н. э., а затем в IX—XI вв. Для охраны земледельческого оазиса от набегов кочевых племен в 782—830 гг. была сооружена оборонительная стена Кампирак, сохранившиеся следы которой проходят по границе земель древнего орошения.

Часть территории Бухарского оазиса, расположенная к западу и северо-западу от современной культурной зоны вдоль границ Свердловского и Рамитанского районов — земли древнего орошения. Их площадь равна примерно 100—120 тыс. га. Почвогрунты сложены аллювиальными отложениями Зарафшана и на значительной площади подстилаются мощным слоем галечника и песка.

В настоящее время из этой площади пригодны для первоочередного освоения примерно 40—50 тыс. га, в том числе 10—15 тыс. га в кызылкырско-хаджакульском участке и 30—35 тыс. га в варахшинском. Наиболее перспективной для освоения является восточная часть варахшинского и северная часть кызылкырско-хаджакульского района, где отдельные участки уже освоены совхозами «Рамитан» и «50 лет Октября». Высокие урожаи хлопка и бахчевых культур, полученные с этих вновь освоенных земель, дают реальное представление о плодородности почв и перспективности освоения земель древнего орошения.

Картирование земель древнего орошения производилось только в западной части Бухарского оазиса, причем работы ограничивались выяснением общей площади земель древнего орошения и некоторых вопросов, связанных с динамикой ирригационной сети на этих землях. Следует расширить работы по картированию земель древнего орошения, ибо большие массивы таких земель имеются и в других районах Бухары, в частности в Каракульском оазисе на востоке и юге Бухарской области.

Археологическими исследованиями установлено, что запустение земель древнего орошения в низовьях Зарафшана главным образом было обусловлено не только социально-политическими причи-

нами — опустошительными войнами, ростом феодальной раздробленности и феодальными междоусобицами, но и хозяйственной деятельностью населения. Расширение орошаемого земледелия и увеличение водозабора в верховьях Зарафшана способствовали постепенному сокращению орошаемой площади Бухарского оазиса, особенно в низовьях древних ирригационных систем, так как воды Зарафшана не хватало для орошения всей площади долины. Поэтому огромная площадь земель древнего орошения в низовьях Зарафшана до настоящего времени не осваивалась.

На территории земель древнего орошения Бухары имеется более 200 больших и малых археологических памятников, большинство которых датируется с первых веков до н. э. по IX—X вв. н. э. Эти исторические памятники материальной культуры древней Бухары ожидают своего дальнейшего изучения.

Б. Д. КОЧНЕВ

К ИСТОРИИ ДЕНЕЖНОГО ОБРАЩЕНИЯ В СРЕДНЕЙ АЗИИ В XI—XII вв.

В осеннем полевом сезоне 1973 г. в среднем течении р. Кашкадарьи на средневековом городище Алтынтепе сотрудниками Кешской археолого-топографической экспедиции под руководством С. Б. Луниной был найден клад медных монет в количестве 31 экз. Клад был некогда завернут в ткань, следы которой отпечатались на многих кружках. Все монеты принадлежат к числу медных посеребренных дирхемов караханидского правителя Ибрахима б. Хусайна, который, как известно, до 574/1178—1179 г. владел Ферганским уделом, а с 574 г. и до конца VI в. х. правил Мавераннахром. Все монеты клада однотипны. Приводим их описание.

Л. ст.: в поле в двойном линейном ободке надпись в три строки с суннитским символом веры и именем халифа ал-Мустади:
الله/لا اله الا الله/محمد رسول الله/المستضى بامر

Круговая легенда — 33-й стих 9-й суры (9-й стих 61-й суры) Корана:

ارسله بالهدى و دين الحق ليضلهره على الدين كله ولو كره المشركون

Об ст.: в поле в одинарном линейном круге надпись в три строки с именем и титулатурой государя:

عدل/الخاقان العادل/الاعظم ابراهيم/ارسلان خان

Внизу — украшение в виде несложной плетенки. Круговая легенда содержит выпускные сведения с указанием места и года чекана:

بسم الله ضرب هذا الد رهم بسمر قند سنه اربع (حس) (или
وسبعين و حوسمايه

Приведенное описание — суммарное, при ближайшем рассмотрении в легендах и лицевой, и оборотной стороны можно выделить несколько вариантов. Прежде всего монеты различаются датой: 3 из них относятся к 574/1178—1179 г., 23 — 575/1179—1180 г., 5 кружков датировать не удалось, но поскольку они принадлежат к тому же типу, что и остальные монеты, а также несут имена Ибрахима, начавшего править в Самарканде в 754 г. х., и халифа Мустади (конец его правления приходится на 575 г. х.), то они тоже должны быть отнесены к 574 или 575 г. х. Не все монеты, да-

тированные нами 575 г. х., сохранили дату, время выпуска таких кружков пришлось устанавливать путем тщательного сличения их с точно определенными дирхемами.

Наблюдаются различия и в написании даты. У каждой из трех монет 574 г. х. свой вариант написания даты: в одном случае дата начертана полностью (единицы, десятки и сотни), в другом — после единиц и десятков следует союз *wa*, но сотни не проставлены, вместо слова *пятьсот* стоит небольшой трилистник, разделяющий начало и конец круговой легенды, третий вариант отличается от второго лишь отсутствием союза *wa*. Еще больше вариантов в начертании даты у монет 575 г. х. В одном случае дата написана целиком, во втором слово *пятьсот* не уместилось, но остался предшествующий ему союз *wa*, в третьем союз *wa* заменен трилистником, в четвертом — крупной точкой, наконец, в пятом варианте осталось только начало даты (*و خمس*).

Наблюдаются различия и в начале круговой легенды оборотной стороны: у одного из вариантов монет 575 г. х. пропущен *алиф* в слове *هذا*, на двух недатированных дирхемах это слово выпущено совсем.

В круговых легендах лицевой стороны разнобоя меньше (три варианта). Надпись всегда начинается словом *ارسله*, но лишь в одном случае кончается словом *المشر كون*, а во всех остальных оно не уместилось; иногда это слово заменено трилистником.

Содержание и размещение надписей в поле лицевой стороны у всех монет единообразно. Что же касается оборотной стороны, то лишь у одного кружка, недатированного, размещение надписей поля отличается некоторым своеобразием. Почерк здесь слегка растянутый, из-за чего конец слова *Ибрахим* во второй строке не уместился и перенесен в третью, в которой, в свою очередь, не уместилось слово *хан*, вынесенное в низ поля.

При внимательном рассмотрении можно заметить и более мелкие различия между монетами, объясняемые тем, что они чеканены разными матрицами. У монет 574 г. х. аверсы всех трех кружков биты разными штампами. Аверсы дирхемов 575 г. х. чеканены тринадцатью матрицами, причем 9 матриц представлены одной монетой каждая, 2 матрицы — двумя, 1 матрица — четырьмя и 1 — шестью. Лицевые стороны всех пяти недатированных монет биты разными штемпелями, но 3 из них как-будто совпадают с матрицами дирхемов 575 г. х. Приходится делать эту оговорку из-за плохой сохранности кружков, которая не позволяет с абсолютной точностью установить количество матриц, но если и есть ошибка, то она невелика.

Таким образом, общее количество штампов, использованных при чеканке аверсов, достигало 18. Характерно, что матрицы аверсов монет 574 г. х. не совпадают со всеми остальными штампами лицевых сторон. Следовательно, в 575 г. х. при чеканке лицевых

сторон старые штемпеля уже, возможно, не использовали, хотя и могли бы, так как дата стоит на оборотной стороне.

Реверсы всех трех монет 574 г. х. биты разными штампами. У дирхемов следующего года удалось насчитать 14 матриц для оборотной стороны, причем 8 матриц представлены одной монетой каждая, 3 матрицы — двумя и 3 — тремя. При чеканке оборотной стороны недатированных монет были использованы 4 разные матрицы, отличающиеся от всех остальных. Общее число штемпелей реверса достигает 21.

Несколько слов о почерке. Лишь надписи поля оборотной стороны у одной из недатированных монет выдают руку умелого мастера. Особенно небрежно выполнены круговые легенды обеих сторон. Налицо неумение разместить всю надпись целиком, в результате чего оказались пропущены не только отдельные буквы, но и целые слова, а дата в одном из вариантов приняла нелепо усеченный вид *حسوسو*. Все это свидетельствует, во-первых, о большой спешке, с какой вырезались монетные штемпеля, во-вторых, видимо, о том, что к работе на монетном дворе привлекались даже малоквалифицированные мастера. Большое количество штемпелей (18 и 21), использованных для чекана 31 монеты клада, говорит о чрезвычайной интенсивности работы монетного двора.

В этой связи уместно напомнить, что до Ибрахима б. Хусайна продукция самаркандского монетного двора отнюдь не была обильной. Достаточно сказать, что при отсутствии данных письменных источников мы не знаем почти ничего определенного о предшественниках Ибрахима, поскольку мало известны их монеты. Именно поэтому могла случиться ошибка, когда Е. А. Давидович предположила, что в 564—568 гг. х. Самаркандом правил Наср б. Хусайн¹, а затем под давлением новых фактов пришла к выводу, что этот Караханид владел каким-то другим городом, скорее всего в Фергане².

Аналогичная картина наблюдается в Узгенде. Предшественники Ибрахима в Ферганском уделе чеканили монету так редко, что в вопросе о времени и последовательности их правления до сих пор нет ясности. При Ибрахиме же монетный двор Узгенда выпускал медные посеребренные дирхемы ежегодно, начиная с 559 и вплоть до 574 г. х. Продукция этого двора была в эти годы весьма обильной, о чем свидетельствуют крупные клады узгендских монет этого времени.

Учитывая эти факты, можно с достаточным основанием предполагать, что с воцарением в Мавераннахре Ибрахим наладил ежегодный выпуск монет также и в Самарканде, хотя пока известны

¹ Е. А. Давидович. Нумизматические материалы для хронологии и генеалогии среднеазиатских Караханидов, «Нумизматический сборник», ч. 2, Труды ГИМ, вып. XXVI, М., 1957, стр. 112—113.

² Е. А. Давидович. Заметки по нумизматике Средней Азии, ч. I (Караханиды, Джагатаиды, Джаниды); «Материальная культура Таджикистана», вып. 2, Душанбе, 1971, стр. 177—179.

лишь монеты 574, 575, 579, 580, 582, 586, 590, 595 гг. х.³ Несомненная интенсификация деятельности монетных дворов Узгенда и Самарканда при Ибрахиме свидетельствует о новой проводимой им монетной политике. Чтобы лучше понять ее значение, следует учесть характер денежного обращения в государстве Караханидов.

В истории монетного дела в государстве Караханидов можно выделить три крупных периода. В первые десятилетия своего правления (конец X — третья четверть XI вв.) Караханиды чеканили очень много монет, как медных, так и серебряных, металл которых, однако, все более и более ухудшался до тех пор, пока кружки, сохранившие наименование *дирхем*, не превратились в медные монеты. Монетных дворов было много: уже сейчас их известно более 30, причем со временем будут, без сомнения, выявлены и другие монетные дворы. Правда, лишь часть из них (Самарканд, Бухара, Узгенд, Тараз, Кашгар) чеканила монеты регулярно, другие же (Дабусия, Кермине, Кушания, Кеш, Илак, Барсхан и пр.) функционировали эпизодически. Одной из особенностей этого периода было появление монетных дворов даже в Семиречье, где до Караханидов монетное дело было развито слабо. Так называемые тюркешские монеты в количественном отношении не идут ни в какое сравнение с караханидскими: если последние встречаются часто в виде очень крупных кладов, то тюркешские, хотя и нередко, но в основном в виде отдельных находок.

В третьей четверти XI в. произошел перелом: число монетных дворов заметно сократилось, а те, что остались, работали уже не столь интенсивно как прежде. Это касается прежде всего Согда, Чача, Ферганы. В Семиречье же монетный чекан почти прекратился, даже монетный двор столицы Восточнокараханидского каганата Куз-Орду (Баласагуна) перестал функционировать. В первой половине XII в. чекан осуществлялся лишь в Мавераннахре, причем серебра уже не били совсем.

Наконец, во второй половине XII — начале XIII вв. оставшиеся монетные дворы Мавераннахра усилили свою деятельность, выпуская золотую монету, но особенно интенсивно — медные посеребренные дирхемы и медные фельсы. В конце этого периода эпизодически возобновляли свою работу некоторые мелкие монетные дворы (Маргинан, Касан).

Предложенная периодизация, пусть в общей и схематичной форме, все же, видимо, отражает действительное положение вещей в денежном хозяйстве Караханидского государства. Во всяком случае, именно к таким выводам приводит просмотр основных каталогов собраний «мусульманских» монет и анализ результатов регистрации находок кладов караханидских монет.

³ А. К. Марков. Инвентарный каталог мусульманских монет Императорского Эрмитажа, СПб., 1896, стр. 283—284, № 573, 587, 589, 592; Г. В. Шишкина. Клад медных монет с Афрасиаба, ИМКУ, вып. 5, Ташкент, 1964, стр. 114. Дирхемы 575 г. х., содержащиеся в публикуемом кладе, до настоящего времени не были известны.

Действительно, благодаря обилию раннекараханидских монет исследователи могут подчас до мелочей выяснить историю того или иного удела, устанавливая когда, от кого и к кому перешел такой-то город. В хронологии же караханидских правителей Мавераннахра и Ферганы конца XI — первой половины XII вв. и по сей день немало лакун и неясностей прежде всего из-за отсутствия монет. О том же свидетельствуют и клады: клады ранне- и позднекараханидских монет встречаются часто и насчитывают сотни и даже тысячи экземпляров (особенно середины XI в.), клады же монет второй половины XI — первой половины XII вв. редки и невелики по размерам.

Из всего сказанного, на наш взгляд, вытекает вывод о том, что на втором этапе резко возросла роль натурального обмена. В Семиречье это был, видимо, даже преобладающий вид повседневной торговли, поскольку ни отдельные монеты из Мавераннахра и Ферганы, ни даже относительно более многочисленные медные монеты византийского чекана не могли насытить рынок даже в малой степени. Это положение сохранялось здесь вплоть до монгольского завоевания, т. е. и в пору вхождения Семиречья в состав государства киданей. Несколько иначе обстояло дело в Мавераннахре и Фергане, где монета, пусть в недостаточном количестве, все же была. Однако и здесь следует предполагать усиление меновой торговли.

На первый взгляд, мысль о серьезном рецидиве натурального обмена в государстве Караханидов входит в противоречие с теми фактами, которые свидетельствуют о несомненном расцвете культуры и экономики Средней Азии в XI—XII вв.

Письменные источники, но в первую очередь данные археологии, совершенно недвусмысленно говорят об этом; так что ставить под сомнение данный вывод не приходится. Остается отнести это противоречие на счет сложности экономической жизни в государстве Караханидов, которое перенесло последствия серебряного кризиса, видимо, более тяжело, чем соседние страны. Не будучи хорошо знакомым с нумизматикой Великих Сельджуков, полагаю все же, что денежное хозяйство там было налажено лучше. Тем не менее, такой знаток восточной нумизматики, как Е. А. Пахомов, пришел к выводу, что и в Сельджукской империи заметно усиление натурального хозяйства за счет денежного⁴. С другой стороны, в самом факте рецидива натурального обмена в экономически развитом феодальном обществе ничего невозможного нет. Известно, например, что в Западной Европы в XIV—XV вв. в результате порчи серебряной монеты наблюдалась частичная натурализация повинностей⁵.

⁴ Е. А. Пахомов. Монетное обращение Азербайджана в XII и начале XIII века, «Нумизматический сборник», ч. 2, Труды ГИМ, вып. XXVI, М., 1957, стр. 83—90.

⁵ Ф. И. Михалевский. Очерки истории денег и денежного обращения, т. I, «Деньги в феодальном хозяйстве», М., 1948, стр. 115—116.

Кризис денежного хозяйства при Караханидах не везде протекал одинаково. Северные области Средней Азии не вышли из него на протяжении всего рассматриваемого отрезка времени. В издревле культурных областях Мавераннахра и Ферганы этот кризис не носил, видимо, столь острого характера, однако потребность в его преодолении чувствовалась и здесь. Это понимали отдельные правители из числа Караханидов Мавераннахра.

Одной из мер по налаживанию денежного хозяйства был выпуск со второй половины XII в. золотых динаров, чеканившихся в Самарканде и Бухаре. Эти монеты были необходимы для международной торговли, но использовались также для совершения крупных и даже не очень больших торговых сделок внутри страны, о чем свидетельствуют находимые в кладах мелкие и мельчайшие обломки динаров, причем золото караханидского, гуридского, хорезмшахского чекана ходило также и в безмонетном Семиречье. Однако повседневная розничная торговля продолжала ощущать нехватку монеты. И лишь в результате деятельности Ибрахима б. Хусайна, наладившего постоянный выпуск медных посеребренных дирхемов сперва в Фергане, а затем в Мавераннахре, потребности внутреннего рынка в ходячей монете были удовлетворены. Таким образом, публикуемый клад свидетельствует, на наш взгляд, о целенаправленных попытках этого правителя преодолеть некоторые последствия серебряного кризиса в Мавераннахре.

СОКРАЩЕНИЯ

- ВДИ — «Вестник древней истории», М.
ГИМ — Государственный Исторический музей, М.
ИИА — Институт истории и археологии
ИМКУ — «История материальной культуры Узбекистана», Ташкент
ИЯЛИ — Институт языка, литературы и истории
КСИА — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР», М.
КСИИМК — «Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР», М.—Л., М.
МИА — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л.
ОНУ — «Общественные науки в Узбекистане»
ООН — Отделение общественных наук
СА — «Советская археология», М.
САИ — «Свод археологических источников», М.
СОН — Серия общественных наук
СОНАТ — «Социалистическая наука и техника», Ташкент
СЭ — «Советская этнография», М.—Л., М.
ТАКЭ — Термезская археологическая комплексная экспедиция
ТАЭ — Таджикская археологическая экспедиция
ТОВЭ — «Труды Отдела истории культуры и искусства Востока Государственного Эрмитажа», Л.
ХАЭЭ — Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция
ЭВ — «Эпиграфика Востока», М.—Л.
ЮТАКЭ — Южноузбекистанская археологическая экспедиция

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
Н. Х. Ташкенбаев. Об исследовании палеолитической стоянки Кутурбулак	5
У. Исламов. К выделению локальных вариантов мезолита Узбекистана.	16
Г. Н. Матюшин. О методах классификации массового инвентаря памятников каменного века (верхний палеолит — энеолит)	38
Г. Е. Марков. Памятники каменного века в Западной Туркмении и проблема типологии археологических культур в мезолите и неолите.	60
Т. Мирсаатов. О технике изготовления и функциональном назначении костяных и роговых орудий Учтута	68
А. Аскарров, А. Абдуразаков, И. В. Богданова-Березовская, В. Д. Рузанов. Химический состав металлических предметов из поселения Сапаллитепа	72
Д. Кабиров. К вопросу о локальных различиях наскальных изображений Средней Азии и Казахстана	85
Б. Ураков. Керамические комплексы позднеантичных памятников Кызылкыр I и Сеталак I	91
О. М. Ростовцев. Изучение сельских поселений Самаркандского Согда.	98
З. И. Усманова, С. К. Кабанов. К стратиграфии верхних (VIII—XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища	103
Л. Г. Брусенко. Зооморфные мотивы в глазурованной керамике Бинкета X—XII вв.	121
К. Абдуллаев. Археологическое изучение городища Канка (1969—1972).	128
А. Р. Мухамеджанов. О землях древнего орошения Бухары	155
Б. Д. Кочнев. К истории денежного обращения в Средней Азии в XI—XII вв.	170
Сокращения	175

Коллектив

ИСТОРИЯ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ УЗБЕКИСТАНА

Выпуск 12

*Утверждено к печати Ученым советом Института археологии,
Отделением истории, языковедения и литературоведения АН УзССР*

Редактор В. Г. Кан
Художник Е. И. Владимиров
Художественный редактор Р. И. Кривошей
Технический редактор Р. Х. Рузиева
Корректор О. В. Вахмина

Р17322. Слано в набор 11/VIII-75 г. Подписано к печати 4/IX-75 г. Формат 60×90^{1/16}.
Бумага типографская № 1. Бум. л. 5,5. Печ. л. 11,0. Уч.-изд. л. 10,2. Изд. № 1478-а.
Тираж 700. Цена 1 р. 12 к. Заказ 182.

Типография издательства «Фан» УзССР, Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес издательства: Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 1 р. 12 к.